

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Материалы

Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию ООН
(г. Уфа, 17 октября 2025 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию ООН
(г. Уфа, 17 октября 2025 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2025

УДК 341
ББК 67.91
М43

*Публикуется по решению кафедры международного
и интеграционного права Института права УУНУТ.
Протокол № 1 от 01.09.2025 г.*

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор **Р.В. Нигматуллин** (*отв. редактор*);
канд. полит. наук, доцент **Т.К. Демидова**;
канд. филос. наук, доцент **И.Р. Минигулова**;
канд. филол. наук, доцент **Н.М. Мухаметгареева**;
канд. филол. наук, доцент **З.А. Юсупова**

Международное право в условиях глобальных изменений: материалы
М43 Международной научно-практической конференции, посвященной 80-
летию ООН (г. Уфа, 17 октября 2025 г.) / отв. редактор Р.В. Нигматуллин
[Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский
университет, 2025. – 120 с. – URL: [https://uust.ru/media/documents/digital-
publications/2025/394.pdf](https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/394.pdf) – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6317-3

Сборник содержит материалы конференции, в ходе которой были обсуждены
современные процессы и проблемы в международном праве, а также роль ООН в
формировании и развитии международно-правовых норм и институтов.

Предназначен для преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов
юридических учебных заведений, а также ученых и специалистов в области
международного права, международных отношений, правоведения и политологии.

УДК 341
ББК 67.91

ISBN 978-5-7477-6317-3

© Уфимский университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абашидзе А.Х. Приветственное слово	5
Кобяков О.Ю. Приветственное слово	6
Пилюгин С.М. Приветственное слово	8
Болычева М.Д. Роль Республики Башкортостан во внешнеэкономической деятельности Российской Федерации	9
Лукьянцев Г.Е. Международное сотрудничество в области прав человека на современном этапе: возможно ли восстановление доверия?	12
Абашидзе А.Х. Система ООН: пробелы и недостатки в глобальном управлении	19
Борисов А.Н. Российская ассоциация содействия ООН и роль неправительственных организаций в развитии международного права в условиях глобальных изменений	23
Михалева Т.Н. Суверенитет государств и верховенство права в интеграционном измерении	28
Данельян А.А. Международный уголовный суд: возможность реформирования и альтернативы	36
Нигматуллин Р.В. Международно-правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации с государствами Центральной Азии	39
Тарасова А.Е. Роль ООН в обеспечении защиты прав детей: нерешенные вопросы и перспективы 80+	47
Козлов А.Н. Взаимодействие ООН и Организации исламского сотрудничества	56
Салимьянова З.Ш. Деятельность ООН по поддержанию международного мира и безопасности	60
Абади Ха Мостафа С. Traces of Shariah Law within the International Investment Manuals: A Basic Analysis of the Modern Arab States of Middle East	65
Вахитова Г.В. Роль Советского Союза в становлении ООН	72

Демидова Т.К., Тулупова Е.О. Венская конвенция о праве международных договоров – основной закон права международных договоров	78
Ибатуллина Н.С., Юсупова Р.Р. Information Manipulation and Media Framing in Contemporary Political Communication	82
Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А. Политика и программы ООН по сохранению окружающей среды: анализ эффективности и перспективы (2015 – 2025 гг.)	87
Хазиева Р.Р., Ризяпова Э.М. Медиапространство как инструмент перенастройки сознания и политического поведения	92
Юсупова Р.Р., Теплых Р.Р. Uzbekistan's Role in the Geopolitical Landscape of Central Asia	100
Ковалев М.В. Применение международных односторонних мер принудительного характера в правовой системе США.....	104
Ишмухаметов С.Р. Эволюция международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом и их влияние на правовую политику Российской Федерации (1990-е – начало 2000-х гг.)	109

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Директора юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, члена Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора

Абашидзе Аслана Хусейновича

Уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте сердечно приветствовать вас – организаторов и участников Международной научно-практической конференции «Международное право в условиях глобальных измерений», которая проходит под эгидой Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан, Уфимского университета науки и технологий и Российской ассоциации содействия ООН.

Высокий уровень организации и проведения конференции, приуроченной к 80-летию ООН, в этом году обеспечен умелым руководством со стороны директора Института права, профессора Зайнуллина Руслана Ильдаровича и заведующего кафедрой международного и интеграционного права Института права профессора Нигматуллина Ришата Вахидовича.

Я планировал принять очное участие, однако судьба распорядилась так, что в данный момент я нахожусь в г. Ухань (Китай) на конференции, организованной Уханьским университетом и Академией международного права и глобального управления, и также посвященной 80-летию ООН.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Директора Отделения ФАО для связи с Российской Федерацией

Кобякова Олега Юльевича

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

Прежде всего выражаю признательность Институту права Уфимского университета науки и технологий за приглашение принять участие в пленарной сессии конференции, приуроченной к 80-летию Организации Объединённых Наций. Это дата отражает не только богатую историю, но и подтверждает актуальность международного права, многостороннего сотрудничества и совместной ответственности за будущее человечества.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций – ФАО – была учреждена в октябре 1945 года, в тот же год, когда начала свою деятельность и сама ООН, но ФАО на 1 неделю старше «большой ООН». В то время основатели, среди которых был и СССР, понимали: продовольственная безопасность и развитие сельских территорий – это краеугольный камень устойчивого мира. Невозможно говорить о правах человека, о международной стабильности и экономическом прогрессе без решения проблемы голода и рационального использования природных ресурсов.

В 2025 году ФАО, как и ООН, отмечает свой 80-летний юбилей. За эти годы Организация выросла в глобальную платформу, объединяющую 194 государства-члена, 1 организацию-член (ЕС) и 2 ассоциированных члена (Фарерские Острова и Токелау). Сегодня деятельность Организации охватывает самые разные сферы: от классического сельского хозяйства, инноваций в агропродовольственных системах и устойчивого развития сельских регионов до борьбы с изменением климата, сохранения биоразнообразия и деятельности в интересах коренных народов.

16 октября мы также отметим Всемирный день продовольствия, который празднуется в день основания ФАО и в этом году проводится под лозунгом «Рука об руку – во имя улучшения качества продовольствия и лучшего будущего». Он призван обратить внимание на важность международного сотрудничества с целью построения мирного и устойчивого будущего, в котором обеспечены процветание и продовольственная безопасность всех народов. Приглашаю вас присоединиться к мероприятиям к празднованию этого дня, которые проводит штаб-квартира ФАО в Риме и наше Отделение.

Особую роль в развитии сотрудничества с Российской Федерацией сыграло открытие в 2016 году связного Офиса ФАО в Москве. С тех пор мы работаем по всем подмандатным сферам: поддерживаем развитие органического сельского хозяйства, реализуем инициативы в области цифровизации аграрного сектора, содействуем внедрению климатически устойчивых практик, помогаем при

организации профильных тренингов, круглых столов, научно-практических конференций.

В настоящее время в России, при технической поддержке ФАО, активно реализуются программы по повышению продовольственной безопасности, сохранению экосистем, продвижению устойчивых систем питания и популяризации здорового образа жизни. Отдельное внимание уделяется вопросам питания детей, что напрямую связано с темой развития человеческого капитала и защиты прав будущих поколений.

Отдельно хочу обратиться к студентам и недавним выпускникам ВУЗов. Для вас открыты уникальные возможности: ФАО предоставляет программы стажировок и практик, рассчитанные на старшекурсников и выпускников. Это шанс не только приобрести опыт работы в международной организации, но и внести свой вклад в решение глобальных задач – от ликвидации голода до построения устойчивых агропродовольственных систем. Приглашаю вас активно пользоваться этими форматами, чтобы ваш профессиональный путь был связан с международным сотрудничеством и служением обществу.

Дорогие друзья, международное право в условиях глобальных изменений приобретает особое значение. Мы видим, как трансформируются вызовы – климат, технологии, демография. И именно право, закреплённое в международных нормах и соглашениях, остаётся универсальным инструментом, объединяющим страны и народы ради всеобщего блага.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, интересных дискуссий и новых идей. Пусть ваше исследовательское и практическое сотрудничество укрепляет принципы многополярности и взаимного уважения.

В заключение по традиции напомним о подходе ФАО к своей работе: «Четыре направления улучшений»: улучшение производства, улучшение качества питания, улучшение состояния окружающей среды и улучшение качества жизни – на основе принципа «никто не должен остаться позади»!

От всей души еще раз поздравляю вас с 80-летием ФАО и ООН и благодарю за внимание!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Почетного консула Республики Казахстан в городе Уфе

Пилюгина Семена Михайловича

Уважаемые коллеги!

Прежде всего, позвольте выразить искреннюю благодарность организаторам за приглашение принять участие в столь значимом научном форуме. Тема сегодняшней конференции – «Международное право в условиях глобальных изменений» чрезвычайно актуальна и требует всестороннего обсуждения.

Мир переживает эпоху стремительных трансформаций – политических, экономических, технологических и экологических. Глобальные вызовы – от изменения климата и миграционных процессов до киберугроз и новых форм международных конфликтов – ставят перед правом, и особенно перед международным правом, сложные и во многом новые задачи.

В этих условиях особое значение приобретает диалог между государствами, научными школами и экспертным сообществом. Казахстан, как ответственное и активно развивающееся государство, неизменно выступает за укрепление международного правопорядка, за верховенство права и уважение принципов Устава ООН. Убежден, что только на основе международного права возможно устойчивое развитие, мир и сотрудничество между народами.

Роль юридического образования и науки в этом процессе невозможно переоценить. Именно вы – исследователи, преподаватели, студенты – формируете ту интеллектуальную основу, на которой строится будущее международного правопорядка.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, ярких дискуссий и новых идей, которые будут способствовать укреплению международного сотрудничества и справедливости в мире.

Болычева Маргарита Дмитриевна

Министр внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности
Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия, foreign@bashkortostan.ru

РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях формирования новой архитектуры международных экономических отношений и усиления роли субъектов Российской Федерации в реализации внешнеэкономического курса страны, значение регионов, обладающих значительным промышленным и экспортным потенциалом, многократно возрастает. Республика Башкортостан, являясь одним из ключевых индустриальных и аграрных центров страны, вносит свой весомый вклад в укрепление внешнеэкономических позиций Российской Федерации.

Правовой основой для нашей деятельности служит многоуровневая система регулирования. Ее фундамент составляют федеральные законы, такие как «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Таможенный кодекс ЕАЭС, а также стратегические ориентиры, заданные Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

На региональном уровне мы активно реализуем собственные стратегические инициативы. В 2025 году приняты два ключевых документа: региональная программа «Развитие экспорта Республики Башкортостан на 2025-2030 годы» и Стратегия развития внешнеэкономической деятельности до 2030 года. Эти документы нацелены на диверсификацию экспорта и географии поставок, с фокусом на поддержку несырьевого, в том числе промышленного, агропромышленного экспорта, экспорта медицинских услуг и малого и среднего бизнеса. В рамках программы мы предусмотрели адресные меры поддержки, такие как субсидирование приобретения нового оборудования, возмещение ввозных пошлин и затрат на аренду зарубежных складских помещений.

Сегодня Республика Башкортостан сотрудничает с более, чем 110 странами, а в первую десятку стран-контрагентов за 8 месяцев 2025 года вошли Китай, Турция, Казахстан, Индия, Иран (Исламская Республика), Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Сингапур, Кыргызстан.

В регионе выстроена слаженная работа государственной инфраструктуры по развитию внешнеэкономических связей республики. В нее включены Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан, Представительство АО РЭЦ в г. Уфа, Представительства Республики Башкортостан при Торговых Представительствах Российской Федерации за рубежом, АНО «Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан» (далее – Центр) и заместители главы администраций муниципальных районов,

курирующих вопросы экономики, инвестиций и предпринимательства (бизнес-шерифы). Все эти институты объединены в «одно окно» и обеспечивают эффективное развитие экспортной деятельности в регионе.

Отдельно стоит отметить работу Центра, который начал свою деятельность в 2017 году и не раз доказал свою эффективность. Центр оказывает комплексную поддержку экспортноориентированным компаниям на всех этапах выхода на внешние рынки.

По итогам 2024 года республиканский Центр занял 3 место в рейтинге АО «Российский экспортный центр» среди субъектов Российской Федерации.

Несмотря на сложную внешнеэкономическую конъюнктуру, мы отмечаем положительную структурную динамику. По данным за январь–август 2025 года несырьевой неэнергетический экспорт вырос на 0,84 % по сравнению с показателем за январь–август 2024 года, что составляет 55,3 % от общего объема экспорта Республики Башкортостан.

Эффективным инструментом осуществления внешнеэкономической деятельности Республики Башкортостан выступает институт Представителей в иностранных государствах.

Пользуясь правом, предоставляемым нам федеральным законодательством – в частности Федеральным законом №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 года – мы направили к работе в качестве внештатного сотрудников Торговых представительств Российской Федерации наших Представителей в шесть иностранных государств, выступающий в качестве наших основных партнеров – это Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Турецкая Республика и Объединенные Арабские Эмираты. Представители находятся в прямом подчинении руководства Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан, являясь сотрудниками его загранаппарата. Представители, обладающие глубоким пониманием конъюнктуры стран пребывания, организуют проведение множества мероприятий, нацеленных на развитие двусторонних отношений.

В перечень их обязанностей входит регулярное проведение встреч и совещаний с представителями обеих сторон, поиск новых путей взаимодействия, выявление возможных барьеров сотрудничества, а также общий анализ трендов, характеризующих отношения между сторонами.

Значительную роль Представительства играют при организации взаимных визитов делегаций. Одна из главных задач Представителей – это наполнение программ пребывания официальных и деловых делегаций Республики максимально конкретным содержанием. От эффективности работы Представителей также во многом зависит практическая реализация договорённостей, которые достигаются в ходе официальных встреч. Еще одним немаловажным направлением деятельности Представителей является содействие налаживанию контактов между субъектами внешнеэкономической деятельности Башкортостана и зарубежными партнерами, а также создание условий для беспрепятственной реализации совместных экономических проектов. Активно взаимодействуя с про-

фильными органами исполнительной власти нашей республики, Представители проводят работу по анализу существующих инвестиционных ниш, представляют иностранным предприятиям инвестиционный потенциал республики и существующие преференции.

Среди успешных кейсов, реализованных при активной роли наших представителей – построенный за рекордные 9 месяцев завод по выпуску оборудования для послеуборочной обработки зерна «Амкодор-Агидель», мультибрендовый сервисный центр «Белорусские машины», турецкий завод по производству кран-балок «Özfatihler Vinç». Также в работе и другие многообещающие проекты:

Особую актуальность в условиях непрекращающегося санкционного давления приобретает развитие межгосударственной кооперации между Беларусью и Россией. Сегодня у нас в работе проект по созданию Российско-Белорусского инвестиционного кластера – это уникальный межстрановой механизм, который предполагает предоставление уникального комплекса мер поддержки инвесторам на зеркальной основе как в России, так и в Беларуси.

Параллельно мы планируем реализацию других значимых проектов, а именно: башкортостанско-узбекистанского технопарка «Бекабад», совместного с предпринимателями из ОАЭ проекта по выращиванию и производству сахарного сиропа из соргового тростника с общим объемом инвестиций 1,8 млрд рублей, а также проекта по организации на территории Республики Башкортостан турецкого производства березового шпона с объемом инвестиций 1 млрд рублей.

В октябре 2025 года в Душанбе Радий Фаритович Хабиров в присутствии Президента России Владимира Владимировича Путина подписал соглашение о создании Российско-Таджикистанского индустриального парка.

В 2024 году «Корпорация развития Республики Башкортостан» с учётом имеющегося опыта и компетенций определена Минпромторгом России в качестве оператора проекта. При помощи специалистов «Корпорации развития Республики Башкортостан» в Душанбе будет реконструирована промышленная зона, в которой разместятся современные производства, в том числе и предприятия РБ. Для наших предприятий это откроет доступ на новые рынки. Уже сегодня ряд наших предприятий проявляют к этому активный интерес.

Таким образом, Республика Башкортостан играет значительную и динамично развивающуюся роль во внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. Обладая мощным промышленным и аграрным потенциалом, республика не только вносит вклад в национальный экспорт, но и активно адаптируется к новым условиям глобальной экономики.

В регионе создана эффективная инфраструктура поддержки экспорта по принципу «одного окна», объединяющая государственные органы и специализированные организации, такие как Центр поддержки экспорта. Мы работаем на основе четкой правовой базы и собственных стратегических документов. Эффективность выбранного нами курса подтверждается успешной реализацией конкретных амбициозных проектов.

© Большчева М.Д., 2025

Лукьянцев Григорий Евгеньевич

Директор Департамента многостороннего сотрудничества по правам человека (ДМПЧ) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека,
демократии и верховенства права, кандидат юридических наук,
г. Москва, Россия

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВОЗМОЖНО ЛИ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ?**

80 лет назад благодаря бессмертному подвигу многонационального советского народа был положен конец нацизму, фашизму и японскому милитаризму. Это стало стимулом для объединения мировых держав в решении вопроса о том, как не допустить повторения ужасов мировой войны. В 1945 г. ответ был прост и сложен одновременно: международное право и международное сотрудничество. Перед странами лежал долгий путь создания новой системы международных договоров на базе универсальной международной организации. Именно тогда был заложен фундамент системы защиты прав человека – важнейшее достижение человечества и одновременно урок, который преподнесла война.

Сегодня, 80 лет спустя, мир вновь столкнулся с серьезными вызовами для его устойчивого развития. В связи с этим необходимо осветить два вопроса:

1. Какие изменения произошли за эти годы?
2. И главное: где искать ответ на острые проблемы современности?

1. Один из вызовов международному правопорядку, который мы наблюдаем со времен прекращения существования СССР и глобального изменения расстановки политических и экономических сил, – это стремление ряда государств и блоков к мировому господству в обход общепризнанных принципов и норм международного права. Они стремятся сохранить несправедливую однополярную модель под видом так называемого порядка, основанного на правилах. Пытаются контролировать и по своему усмотрению направлять глобальные процессы. Ведут курс на создание закрытых блоков и коалиций, принимающих решения, выгодные только одной стороне, которую мы именуем «Коллективный Запад».

Нарастающая в последние годы глобальная напряженность негативно сказывается не только на поддержании международного мира и безопасности, но и на правочеловеческом треке. Правозащитная тематика все чаще используется в качестве инструмента сведения «политических счетов», фиксации выгодной геополитической реальности или продвижения спорных концепций взамен общепризнанных терминов и принципов, закрепленных в универсальных и региональных инструментах.

При этом некоторые международные организации и структуры фактически напрямую потакают попыткам переписать международное право в сфере поощрения и защиты прав человека и придать его нормам совершенно иной смысл посредством манипуляций и подмены понятий.

Данные тенденции демонстрируют, как выстраивавшееся годами или даже десятилетиями доверие – государств по отношению друг к другу, к судебным инстанциям, международным мониторинговым структурам – можно разрушить недобросовестным толкованием и применением норм международного права.

ЕСПЧ

Посмотрим, например, на ЕСПЧ, который и до выхода России из Совета Европы в марте 2022 г. не чурался при схожих обстоятельствах делать одни выводы в отношении одних стран, и противоположные – в отношении других. В последние годы нашего членства в Совете Европы Суд отдавал приоритет наиболее резонансным, политизированным делам против России. А теперь он и вовсе получил карт-бланш от своих хозяев из Евросоюза, штампуя ангажированные решения в отношении нашей страны. Но следует отдать ему должное, он четко следует «разнарядке» своих хозяев – отвергать все, что связано с Россией, русским языком и культурой. Вспомнить хотя бы его выводы о «правомерности» проведенной в Латвии реформы образования в государственных и частных школах, явно дискриминирующей русскоязычное население.

Кстати, нашу жалобу против Украины этот Суд отклонил по техническому поводу – хотя Конвенция позволяла ему рассмотреть дело, «если этого требует соблюдение прав человека». Права населения Донбасса, очевидно, у ЕСПЧ не в приоритете.

Однако европейцы не учли, что вседозволенность страсбургской Фемиды может ударить и по ним. Мы многие годы привлекали внимание к совершенно произвольному расширению ЕСПЧ своей юрисдикции. Вольно толкуя Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, он способствует подрыву международной правозащитной системы, эрозии традиционных ценностей в угоду неолиберальной парадигме.

Нас никто не слушал, а теперь, когда Суд принялся рассматривать дела по климату, под рикошет попали и сами европейцы. Право на благоприятную окружающую среду, кстати, не предусмотрено Европейской конвенцией по правам человека. Так, ЕСПЧ в апреле 2024 г. принял решение по жалобе связанной с «Гринпис» швейцарской ассоциации «КлимаСеньоры». По мнению ЕСПЧ, Швейцария нарушила права на уважение частной и семейной жизни, а также на справедливое судебное разбирательство – якобы ввиду недостаточности мер по защите климата. В швейцарской прессе решение названо абсурдным, ведь «климатической грешницей» оказалась именно Швейцария. Парламент страны одобрил заявление с критикой решения ЕСПЧ, а правительство объявило, что судебные полномочия ЕСПЧ не должны выходить за пределы Европейской конвенции по правам человека. Классическая иллюстрация тезиса «Это – другое», яркий пример «двойных стандартов».

А в мае 2025 г. 9 стран-членов СЕ даже осмелились написать Суду открытое письмо, где обозначили свое недовольство чрезмерным вмешательством страсбургской Фемиды в миграционную политику государств. Функционеры и должностные лица СЕ всячески пытаются замести эту историю «под ковер», но растущее раздражение европейских столиц уже сложно скрывать.

ЕКПП

Иными словами, когда международные структуры пытаются играть в политику – нарушается баланс, пропадает доверие к ним. Именно по этой причине Россия 29 сентября с.г. денонсировала Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в связи с блокировкой Советом Европы процесса избрания представителя России в Комитете, учрежденном этой Конвенцией. Вместо поиска развязок по восстановлению конвенционных прав нашей страны Комитет впервые с момента ее выхода из СЕ решил «озаботиться» положением заключенных в России и прислал несколько запросов. Казалось бы, что здесь плохого? Но Комитет волновали лишь две темы: ситуация вокруг А.Навального и самочувствие пойманных террористов, атаковавших «Крокус Сити Холл». Столь политизированные и неоднозначные вопросы были избраны для задействования ЕКПП в роли еще одного инструмента антироссийской кампании Страсбурга – в нарушение конвенционных принципов независимости и беспристрастности Комитета.

«Рапорта» от России ЕКПП не получил и возложил на нее ответственность за якобы отказ от сотрудничества, хотя Россия неоднократно подчеркивала свою готовность к конструктивному диалогу после восстановления ее прав представительства в Комитете. Но перед советоевропейцами не стояла задача разрешить ситуацию в конструктивном ключе. В таких условиях о каком доверии к соответствующим международным структурам может идти речь?

Стоит признать, что каждая такая денонсация – это сложное решение, которое принимается в межведомственном формате после обстоятельного анализа всех плюсов и минусов. Мы не рубим «с плеча», не отрицаем то хорошее, что Россия получила за годы сотрудничества с соответствующими структурами. Но с рядом из них настал тот момент, когда все хорошее было перечеркнуто конфронтационными и деструктивными шагами с их стороны. В таких условиях бессмысленно продолжать «числиться» в подобных инструментах «на бумаге», тем более с учетом большого массива универсальных договоров в области защиты прав человека, в которых Россия продолжает участвовать. Таким образом, денонсация Европейской конвенции не повлияла на уровень защиты прав человека в нашей стране.

ОБСЕ

Аналогичные деструктивные тенденции мы видим и в рамках ОБСЕ. Из трех измерений ее деятельности – военно-политического, экономического и правочеловеческого – именно последнее «разрослось» до невероятных размеров, проникнув в два других.

Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) полностью подчинено обслуживанию геополитических задач коллективного

Запада. БДИПЧ один за другим штампует однобокие доклады о якобы имеющих место со стороны России нарушениях международного гуманитарного права и права в сфере прав человека в контексте СВО. При этом у Бюро отсутствует мандат в области МГП, кроме того, оно не уполномочено давать какие-либо политические оценки ситуации вокруг Украины. Все это делается усилиями западных «кураторов» этой якобы независимой структуры для создания псевдофактуры под потенциальные судебные разбирательства в отношении нашей страны.

Вся третья «корзина» ОБСЕ фактически превратилась в инструмент деления государств-участников на «тех, кто с ними и тех, кто против них». Государства «к востоку от Вены» регулярно подвергаются критике за нарушения прав человека, в то время как многочисленные проблемы в этой сфере в странах так называемой развитой демократии просто «не замечаются».

Для публичной «порки» неугодных властей используются различные не подпадающие под контроль директивных органов ОБСЕ внебюджетные проекты и устаревшие процедуры, не требующие консенсуса – такие как «московский» и «венский» механизмы.

ООН

К сожалению, даже на универсальном уровне приходится сталкиваться с недобросовестным и не соответствующим духу и букве международных договоров толкованием и применением их положений, что подрывает основы для выстраивания доверия на правочеловеческом треке. Изобретаются и внедряются расширительные неолиберальные трактовки этих основополагающих документов. В результате с помощью нового прочтения прав человека «выискиваются» якобы нарушения в этой сфере в неугодных государствах, определяется форма ответственности «провинившихся», зачастую в обход процедур, предусмотренных уставными документами. Источником такого «законотворчества», как правило, являются договорные органы ООН. Роль самостоятельного игрока на этом поле самовольно приняло на себя Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) – структурное подразделение Секретариата ООН. Однако вместо секретариатского обслуживания договорных органов и Совета ООН по правам человека УВКПЧ фактически управляет ими, подменяя, по сути, функции государств-участников.

На своем опыте в международных судах мы увидели, как посредством таких структур, как УВКПЧ или комиссии по расследованию, штампуемые решениями Совета ООН по правам человека, формируется оторванная от реальности «доказательная база» для юридической агрессии против неугодных государств.

Схема простая – ооновские структуры нанимают прозападные НПО, фонды и академические структуры как подрядчиков для сбора нужных «доказательств», на основании которых впоследствии выдвигаются обвинения в отношении «штрафников».

Результат усилий западников плачевен – дискуссии в правозащитных органах ООН, прежде всего в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи ООН, курирующем в том числе правозащитные вопросы, и Совете ООН по правам человека, уже давно не направлены на поиск совместных решений по актуаль-

ной международной повестке. Вместо этого идет принуждение стран Мирового большинства к принятию западного прочтения концепции прав человека.

2. Да, список проблем, накопившихся за 80 лет, действительно внушительен. Как же их решать?

Сегодня порой звучат слова о том, что якобы право уже не может адекватно реагировать на проблемы и вызовы современности, на бурные и фундаментальные изменения. В корне не согласны с подобными выводами. Ключ к решению насущных проблем современности – тот же, что был в 1945 г.: международное право и международное сотрудничество.

И здесь впору вспомнить, что в своем известном докладе «При большей свободе...» бывший Генсекретарь ООН К. Аннан, по сути, совершил подмену понятий, определив права человека в качестве «третьего столпа» ООН наряду с обеспечением международной безопасности и содействием экономическому развитию. Ведь этим «столпом», согласно Уставу, является как раз содействие международному сотрудничеству.

Я уже упоминал продвигаемую государствами Запада концепцию так называемого «порядка, основанного на правилах». Она задумана как подмена норм международного права, согласованных на универсальных площадках и отражающих консенсус или самое широкое согласие.

Цель Запада – противопоставить совместным коллегиальным усилиям всех членов мирового сообщества другие «правила», которые вырабатываются в закрытых, неинклюзивных форматах, а затем навязываются всем остальным.

Но данные подходы становятся попросту нежизнеспособными сегодня, когда активно формируется многополярная система международных отношений, а этот процесс необратим. Он происходит на наших глазах и носит объективный характер. Позиция России и многих других стран заключается в том, что такое демократическое, справедливое мироустройство должно выстраиваться на основе взаимного уважения и доверия.

Не могу не привести в качестве примера Международный Суд ООН – и даже не потому, что Россия, по большому счету, выиграла рассматривавшееся им с 2017 г. дело по заявлению Украины по Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а потому, что этот авторитетный судебный орган смог в целом показать устойчивость к политическим веяниям и «незашоренный» взгляд на международно-правовую действительность, что вселяет осторожные надежды.

Международный Суд ООН оказался готов воспринимать альтернативную точку зрения, а не слепо верить тиражируемым западными СМИ и соросовскими НПО мифам о «непогрешимости» Киева, о «спонсировании Россией терроризма в ДНР и ЛНР, и о российском Крыму как «полуострове страха».

Важно подчеркнуть, что Суд продемонстрировал довольно осторожный подход, вероятно, осознавая свою колоссальную ответственность перед международным сообществом, а также государствами, выразившими свое суверенное согласие на рассмотрение споров с их участием.

И сейчас мы видим, как многие государства – в том числе представители Мирового большинства – все чаще обращаются в Суд на стороне заявителей. Такую возможность рассматриваем и мы¹.

Это, на мой взгляд, свидетельствует о сохранении достаточно высокого уровня доверия государств к МС ООН. Будем надеяться, что Суд не предаст это доверие и не падет жертвой продвигаемого западными странами «миропорядка, основанного на правилах».

Суммируя: любые действия в обход ООН, направленные на узурпацию процесса принятия решений, претендующих на глобальное применение, недопустимы. Механизм формирования универсальных международно-правовых норм должен основываться на свободном волеизъявлении суверенных государств, а ООН должна оставаться главной площадкой для прогрессивного развития и кодификации международного права. Дальнейшее продвижение концепции «порядка, основанного на правилах», чревато разрушением международно-правовой системы и другими опасными последствиями для человечества.

Международные регуляторы были и остаются важными инструментами, способными воздействовать на систему международных отношений. При этом международные договоры остаются ключевым элементом поддержания глобальной и региональной безопасности.

Их роль из-за усиливающихся тенденций санкционного давления, попыток изолировать отдельные государства и исключить из системы международного сотрудничества, фрагментации международного права будет только усиливаться в направлении конструктивного сотрудничества тех государств, которые готовы к дружественному диалогу на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

В этом отношении формирование новых центров силы и региональной безопасности, как это намечено в Концепции внешней политики Российской Федерации, должно идти параллельно с углублением и качественным укреплением интеграции в уже существующих интеграционных объединениях и международных организациях, расширяя их функционал и реализуя заложенный в них потенциал на комплексной и многомерной основе.

Что касается системы защиты прав человека, то если она будет и дальше использоваться в качестве орудия геополитической борьбы в руках ряда безответственных «игроков», она рискует окончательно утратить свой универсальный характер, привести к подрыву принципа суверенного равенства государств

¹ Возможно, Вы видели на сайте МИД сообщение для СМИ (31.03.2024 г.) о том, что Россия предъявила требования к Украине по Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом и Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Речь идет о претензиях в связи с украинским «следом» в теракте в Красногорске, подрыве Крымского моста, нападениях на российских деятелей (Д.А. Дугина, М.Ю. Фомин, Е.Н. Прилепин), рейдах созданной на Украине террористической организации «Русский добровольческий корпус» на приграничные российские регионы. Если Киев не согласится на досудебные способы урегулирования этого спора, он может быть передан в Международный Суд. Есть и ряд других стран, к которым у нас есть претензии по части МКЛРД, которые также имеют судебную перспективу.

и как итог – лишиться доверия со стороны участников международного сообщества.

Этого нельзя допустить. Необходимо сфокусироваться на противодействии вредным, эрозивным концепциям прав и свобод человека, продвигаемым западниками, и их использованию в качестве инструмента борьбы с неудобными государствами. Убеждены, что во взаимодействии со странами Мирового большинства мы сможем этого добиться.

© Лукьянцев Г.Е., 2025

Абашидзе Аслан Хусейнович

Директор юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

**СИСТЕМА ООН: ПРОБЕЛЫ И НЕДОСТАТКИ
В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ**

Тема данной статьи заявлена таким образом, что она сама по себе отвечает на вопрос о том, способна ли ООН в будущем оставаться главной и единственной универсальной межправительственной организацией, быть, как то следует из положения ст. 1 Устава ООН, «центром для согласования действий наций в достижении общих целей» и поддерживать и укреплять международный мир и безопасность¹.

Говоря о пробелах и недостатках системы глобального управления, я презюмирую сохранение главной роли в ней за Организацией Объединенных Наций, состоящей, собственно, из ООН и ее специализированных учреждений.

В подкрепление сказанного назову три авторитетных источника:

1) Пункт 19 Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. гласит: «В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание: совершенствованию международных механизмов обеспечения безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях; ...восстановлению роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств–членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН»².

2) Выступая на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г., президент России В.В. Путин подтвердил: «...главный международный институт – Организация Объединенных Наций – остается для всех непреходящей ценностью, во всяком случае, сегодня. Считаю, что именно ООН в нынешнем турбулентном мире является носителем того самого здорового консерватизма международных отношений, который так необходим для нормали-

¹ Ст. 1, Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско), от 26 июня 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mheoqi113v224890530>

² П. 19, Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

зации ситуации»¹. Президент России далее заметил: «ООН много критикуют за то, что она не успевает адаптироваться к стремительным переменам. Отчасти это справедливо, конечно, но, наверное, это не только вина самой ООН, но и прежде всего ее участников. Кроме того, эта международная структура является носителем не только норм, но и самого духа нормотворчества, причем основанного на принципах равенства и максимального учета мнения всех. Наша обязанность – сохранить это достояние, конечно, реформируя организацию, но так, чтобы, как говорится, с водой не выплеснуть и ребенка»².

3) В Разделе IV Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 года подтверждено: «Россия и Китай как мировые державы и постоянные члены Совета Безопасности ООН намерены строго придерживаться моральных принципов и ответственности, решительно отстаивать международную систему, в которой ООН принадлежит центральная координирующая роль в международных делах, отстаивать миропорядок, основанный на международном праве, включая цели и принципы Устава ООН, продвигать многополярность и содействовать демократизации международных отношений, сообща выстраивать еще более процветающий, стабильный и справедливый мир, вместе создавать международные отношения нового типа»³.

Приведенные выше выдержки отражают реальную картину положения, складывающейся в мировой политике и убежденность двух великих держав в необходимости сохранения за ООН ведущей роли в системе глобального управления.

У системы ООН есть много преимуществ и сильных сторон, которые при определенных обстоятельствах могут делать ее уязвимой. Позвольте обратить ваше внимание на некоторые такие пробелы и недостатки.

Начну констатацией того, что одним из новшеств ООН в сравнении с ее предшественницей в лице Лиги Наций является расширение основ системы обеспечения коллективной безопасности путем включения в нее сферы международного экономического и социального сотрудничества (глава IX Устава ООН) и создания Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) – одного из шести главных органов ООН. Это, безусловно, преимущество системы ООН.

Видится также сильной стороной системы ООН статья 57 Устава ООН, согласно которой «различные специализированные учреждения, созданные межправительственными соглашениями и облеченные широко международной ... ответственностью в области экономической, социальной, культуры, образо-

¹ Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

² Там же.

³ Раздел IV, Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, 4 февраля 2022 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770>

вания, здравоохранения и подобных областях, будут поставлены в связь с Организацией в соответствии с положениями статьи 63»¹.

Вместе с тем в пункте 2 статьи 63 Устава ООН можно заметить следующее уязвимое звено системы: ЭКОСОС уполномочивается «согласовывать деятельность специализированных учреждений *посредством консультаций* с ними и *рекомендаций* таким учреждениям»². Речь идет об управлении, обеспечиваемом консультациями и рекомендациями. Для системы глобального управления это, конечно, является слабым местом.

Что это означает на практике? Приведу один пример: согласно Уставу ООН, Организация содействует условиям экономического и социального прогресса и развития, а также уважению и соблюдению прав человека и основных свобод³. В рамках работы в этом направлении ГА ООН в 1986 году приняла Декларацию о праве на развитие, которая возвела «развитие» в ранг прав человека в дополнение к перечню прав уже закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и двух Международных пактах о правах человека.

В то же время в системе ООН предпринимаются шаги и в обратном, на наш взгляд деструктивном, направлении: из ведения ЭКОСОС фактически изымается сфера прав человека: Комиссия по правам человека, подчинявшаяся ЭКОСОС, замещается Советом по правам человека под началом ГА ООН, который со временем превратился в «восточный базар» (это относится, в частности, к критике механизма Универсального периодического обзора); учреждается пост Верховного комиссара ООН по правам человека, последние два из которых, например, вольно рассуждают о правах человека в России, основываясь на источниках преимущественно Украинского режима и западных НПО, финансируемых теми же западными фондами.

Специализированные учреждения, в структурах управления которых находятся преимущественно представители Запада, до неузнаваемости изменили понимание концепции, закрепленные в Уставе ООН; например, концепция «экономического и социального прогресса и развития»⁴ была подменена концепцией «устойчивого развития», на словах как бы учитывающей требование баланса экономического, социального и экологического измерений «устойчивого развития», но в действительности порождающая множественные ограничения для большинства стран мира в их свободном пользовании собственными национальными ресурсами в целях развития из экологических соображений на фоне тройного планетарного кризиса.

Сегодня эта ситуация вылилась в образование двух полюсов – западного либерального мира и Глобального Юга, где первые навязывают экологические ограничения, а вторые все громче говорят об экологическом колониализме.

¹ Ст. 57, Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско), от 26 июня 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mheoqi113v224890530>

² Ст. 63, там же.

³ Ст. 55(а, с), там же.

⁴ Абашидзе А.Х., Королев П.С. Концепции ООН о «развитии» и об «устойчивом развитии»: их соотношения / учебник под ред. Абашидзе А.Х. // Международно-правовые измерения Повестки дня 2030. – Москва. РУДН, 2024. С. 7–17.

Бреттон-Вудские институты, которые возникли еще до создания ООН, формально являются специализированными учреждениями системы ООН, призванными выступать в качестве инструментов финансирования экономического и социального развития. Однако на деле они (прежде всего Международный валютный фонд) представляют собой средства удержания Западом в кабале большинства развивающихся государств¹.

Лишь сравнительно недавно из уст Генерального секретаря ООН стали звучать призывы к реформе, но не конкретно Бреттон-Вудских институтов, а в целом «международной финансовой архитектуры». При этом все прекрасно понимают, что США не готовы отказаться от права вето, которым они обладают в структурах управления этих институтов. Все их рассуждения о реформе – не более чем попытки сбавить темпы накала ситуации вокруг этой остро стоящей проблемы и продлить свою неокOLONиальную политику и практику с помощью указанных финансовых инструментов.

© Абашидзе А.Х., 2025

¹ Buira A. Reforming the Governance of the IMF and World Bank // London: Anthem Press, 2005. 328 p.

Борисов Алексей Николаевич

Генеральный секретарь Российской ассоциации содействия ООН,
вице-президент Всемирной федерации ассоциаций ООН,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГИМО (У) МИД России,
кандидат политических наук, г. Москва, Россия

**РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
ООН И РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Аннотация. В статье анализируется роль неправительственных организаций (НПО) в развитии международного права в условиях глобальных изменений, с акцентом на деятельность Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), обладающей генеральным консультативным статусом при ЭКОСОС. Рассматриваются правовые основы участия НПО в системе Организации Объединённых Наций, установленные статьёй 71 Устава ООН и резолюцией ЭКОСОС 1996/31, а также их значение в формировании норм «мягкого права» в сферах прав человека, устойчивого развития и гуманитарного сотрудничества. Подчёркивается значение народной дипломатии и общественных инициатив РАС ООН как инструмента укрепления международного диалога и доверия в эпоху многополярности и мировых кризисов. Особое внимание уделено программам и проектам Ассоциации, включая «Регионы России и Цели устойчивого развития», Всероссийский единый урок «Права человека», Московскую международную модель ООН имени Виталия Чуркина, Международную школу молодёжной дипломатии при МГИМО и Комитет ООН-80. Эти инициативы способствуют продвижению идеалов Устава ООН, укреплению правовой культуры и подготовке нового поколения дипломатов и правозащитников. Автор делает вывод, что институционализированное участие НПО в деятельности ООН обеспечивает демократизацию и адаптацию международного права к новым реалиям, а гражданская дипломатия становится важным элементом устойчивого мирового правопорядка.

Ключевые слова: международное право, ООН, ЭКОСОС, неправительственные организации, РАС ООН, народная дипломатия, устойчивое развитие, права человека, международное сотрудничество

Borisov Alexey Nikolaevich

Secretary General of the United Nations Association of Russia,
Vice-President of the World Federation of United Nations Associations,
Head of the UNESCO Department at MGIMO University of the Ministry of Foreign
Affairs of Russia, candidate of Political Sciences, Moscow, Russia

THE UNITED NATIONS ASSOCIATION OF RUSSIA AND THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHANGES

Abstract. The article analyzes the role of non-governmental organizations (NGOs) in the development of international law in the context of global changes, with an emphasis on the activities of the United Nations Association of Russia (UNA-Russia), which has general consultative status with ECOSOC. It examines the legal basis for NGOs participation in the United Nations system, established by Article 71 of the UN Charter and ECOSOC Resolution 1996/31, as well as their significance in shaping soft law norms in the areas of human rights, sustainable development, and humanitarian cooperation. It emphasizes the importance of public diplomacy and UNA-Russia public initiatives as a tool for strengthening international dialogue and trust in an era of multipolarity and global crises. Particular attention is paid to the Association's programs and projects, including "Russian Regions and the Sustainable Development Goals", the All-Russian Unified Lesson "Human Rights", Churkin Moscow International Model UN, the International School of Youth Diplomacy at MGIMO, and the UN-80 Committee. These initiatives promote the ideals of the UN Charter, strengthen legal culture, and train a new generation of diplomats and human rights defenders. The author concludes that institutionalized NGOs participation in UN activities ensures democratization and the adaptation of international law to new realities, while citizen diplomacy is becoming an important element of sustainable global law and order.

Keywords: international law, UN, ECOSOC, non-governmental organizations, UNA-Russia, public diplomacy, sustainable development, human rights, international cooperation

Современный этап международных отношений характеризуется глубокими трансформациями, затрагивающими правовые, экономические и социальные основы глобального порядка. Усиление многополярности, кризисы доверия между государствами и стремительное развитие технологий формируют новую правовую среду, требующую адаптации международного права к реалиям XXI века. В этих условиях особую значимость приобретает деятельность неправительственных организаций (НПО), обладающих консультативным статусом при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) в соответствии со статьёй 71 Устава ООН и резолюцией ЭКОСОС 1996/31. НПО становятся важными проводниками принципов Устава ООН в области прав человека, устойчивого развития и верховенства международного права.

Российская ассоциация содействия ООН (РАС ООН), основанная в 1956 году, обладает высшим – генеральным – консультативным статусом при ЭКОСОС ООН (с 1999 года), которым в мире обладают лишь 132 организации. Этот статус позволяет Ассоциации участвовать в работе штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, отделений ООН в Женеве, Вене и Найроби, других, направлять документы и предложения к проектам резолюций, а также участвовать в разработке

международных правовых и политических решений. РАС ООН выступает связующим звеном между государственными институтами, академическим сообществом и гражданским обществом, осуществляя практику народной дипломатии – публичного участия граждан и экспертных структур в международных правовых процессах. Такая модель общественной дипломатии реализует принцип включения широких слоёв общества в разработку и осуществление норм международного права.

В соответствии с положениями резолюции ЭКОСОС 1996/31¹, организации с консультативным статусом имеют право участвовать в сессиях ЭКОСОС и других органов системы ООН, вносить письменные заявления и аналитические материалы, направлять предложения в проекты международных документов, участвовать в подготовке международных конференций и резолюций ООН. Тем самым, НПО становятся полноценными субъектами мягкого права (*soft law*), влияя на нормотворчество в таких сферах, как права человека, климатическое регулирование, биоэтика, искусственный интеллект и гуманитарное право. Опыт РАС ООН показывает, что гражданская дипломатия способна эффективно дополнять классическую государственную дипломатию, особенно в периоды международных кризисов. Народная дипломатия – это язык, на котором говорят не правительства, а люди: учёные, студенты, педагоги, эксперты, бизнесмены, журналисты, деятели культуры, религиозные лидеры. Это доверие, которое нельзя навязать приказом, но которое можно заслужить личным участием, уважением к другому опыту и искренним желанием понять.

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года (A/RES/70/1)² международное право получило новую нормативную опору, соединившую принципы международного сотрудничества с целями социально-экономической трансформации. РАС ООН реализует флагманскую программу «Регионы России и Цели устойчивого развития», поддержанную МИД России и Информационным центром ООН в Москве. Программа содействует адаптации международных норм устойчивого развития на уровне субъектов Российской Федерации и предусматривает подготовку местных обзоров ЦУР, представляемых в штаб-квартире ООН, продвижение региональных инициатив на площадках ЭКОСОС, ЮНЕП, ООН-Хабитат. Таким образом, проект РАС ООН стал уникальной практикой локализации международного права – внедрения международных обязательств в правовые механизмы национального и регионального уровня.

Важное место в деятельности Ассоциации занимает поддержка правовой культуры и просвещения в области международного права и прав человека. С 2017 года РАС ООН реализует совместно с Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Всероссийский единый урок «Права человека», направленный на формирование у молодежи базовых знаний о международных механизмах защиты прав человека. В рамках проекта проводятся

¹ ECOSOC Resolution 1996/31 – Consultative Relationship between the United Nations and Non-Governmental Organizations.

² Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/RES/70/1).

лекции и дискуссии с участием Уполномоченной по правам человека Татьяны Николаевны Москальковой, а также экспертов МГИМО и РАС ООН. Этот проект способствует формированию правосознания, уважения к международным правовым нормам и развитию активной гражданской позиции у молодых людей.

Отдельное направление деятельности РАС ООН связано с развитием молодежной дипломатии и образовательных инициатив. Более тридцати лет назад Ассоциация принесла в Россию идею проведения Моделей ООН – учебных симуляций, позволяющих студентам и школьникам изучать принципы и процедуры работы Организации Объединенных Наций. Московская международная модель ООН имени Виталия Чуркина, проводимая при поддержке МИД России и МГИМО, ежегодно объединяет тысячи участников из разных стран. Аналогичные модели проходят в Екатеринбурге, Самаре, Владивостоке, Казани, Уфе, Тюмени и других городах, вовлекая молодёжь в международное правовое взаимодействие. Эти форумы способствуют воспитанию нового поколения юристов, дипломатов и правозащитников, готовых к участию в формировании глобальной правовой культуры.

РАС ООН также поддерживает работу и развитие Международной школой молодежной дипломатии при МГИМО МИД России, где младшее поколение получает знания и практический опыт по направлениям международного права, дипломатии и прав человека, участвуют в конференциях, форумах и конкурсах, проводимых под эгидой ООН. Школа стала важным элементом системы правового образования, ориентированной на развитие молодежных инициатив и вовлечение молодых специалистов в процессы формирования международно-правовых норм.

Значимым шагом в укреплении общественной дипломатии стало создание Российского общественного комитета по празднованию 80-летия Организации Объединённых Наций (Комитет ООН-80), инициированного РАС ООН и Информационного центра ООН в Москве при поддержке МИД России и МГИМО. В состав Комитета вошли представители дипломатического корпуса, науки, бизнеса, культуры и средств массовой информации. Подготовленная программа мероприятий включает широкий спектр гуманитарных, образовательных и научных инициатив, направленных на продвижение идеалов Устава ООН, укрепление международного сотрудничества и развитие правового диалога между странами.

Статья 71 Устава ООН впервые закрепила принцип участия гражданского общества в работе межгосударственной организации, положив начало процессу демократизации международного права. Сегодня более 6500 НПО обладают консультативным статусом при ЭКОСОС, что создаёт предпосылки для ко-регуляции — механизма, при котором негосударственные акторы становятся со-создателями международных правовых норм. Этот процесс соответствует тенденциям, закреплённым в документе «Our Common Agenda» (Доклад Генерального секретаря ООН, 2021)¹, где подчёркнута необходимость укрепления

¹ Our Common Agenda (Report of the Secretary-General, 2021).

сетевого многостороннего сотрудничества с участием НПО, бизнеса и университетов.

Современные глобальные вызовы – пандемии, санкции, киберугрозы, экологические кризисы – изменили само понимание международной безопасности. В этих условиях право на развитие, закреплённое Декларацией ООН 1986 года¹, приобретает новое измерение – право на устойчивое и справедливое восстановление. НПО, включая РАС ООН, становятся гарантом непрерывности правового диалога даже тогда, когда официальные дипломатические каналы ослаблены. Когда на официальном уровне звучит язык конфронтации, именно общественная дипломатия сохраняет диалог между народами. Таким образом, в период глобальных изменений неправительственные организации выполняют функцию моральной инфраструктуры мира, поддерживая универсальные правовые принципы Устава ООН и способствуя сохранению международного диалога.

Международное право сегодня – это не только совокупность норм, создаваемых государствами, но и живая система взаимодействия государственных и негосударственных акторов. Вклад Российской ассоциации содействия ООН и других НПО в этот процесс демонстрирует, что мягкая сила права может быть не менее действенной, чем классические дипломатические инструменты. В условиях глобальных изменений именно институционализированное участие гражданского общества – через консультативные механизмы ЭКОСОС, программы устойчивого развития и юридические инициативы ООН – способно обеспечить адаптацию международного права к новой реальности и сохранить его универсализм.

© Борисов А.Н., 2025

¹ Declaration on the Right to Development (A/RES/41/128, 1986).

Михалёва Татьяна Николаевна

Ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, доцент кафедры евразийских исследований Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь, tania.mikhaliova@gmail.com

**СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА
В ИНТЕГРАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ**

С международно-правовой точки зрения принцип суверенного равенства установлен Уставом ООН в качестве базиса развития современных международных отношений. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года, раскрывает содержание принципа суверенного равенства. Все государства имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера.

В рамках интеграции принцип суверенного равенства, безусловно, применим как норма *jus cogens* без изменения его традиционных характеристик. Однако этого принципа становится недостаточно для описания всего комплекса внутрисистемных связей интеграционного объединения. В интеграционных правоотношениях он находит свое дальнейшее развитие и расширение применения.

По мнению А.Г. Белых и А.О. Иншаковой, «общая политика имеет больший вес в смысле эффективности в преследовании общих целей, чем сумма национальных политик, которые она включает... частицы суверенитета государств-участников собираются воедино, чтобы образовать новый концепт ограниченного суверенитета, который способен лучше служить различным национальным интересам» [1, с. 53]. В этой формулировке мы положительно оцениваем указание на способность наилучшей реализации национальных интересов, а также на способность региональной системы продуцировать из предыдущих элементов нечто новое. Однако нельзя согласиться с характеристикой «ограниченный суверенитет». Представляется необоснованным употребление в каком бы то ни было значении терминов об ограничении, отчуждении суверенитета интеграционными процессами [2, с. 128–129], равно как и введение новой категории «интеграционный суверенитет» (суверенитет интеграционного объединения) [3, с. 20]. Примечательно, что еще в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года было указано на неприемлемость попыток внедрить в международный оборот «концепции типа ... «ограниченный суверенитет». В свою очередь, мнение О.М. Мещеряковой о том, что «интеграционное

право в процессе своего развития обогащает концепцию суверенитета новым содержанием», заслуживает внимания [4, с. 64].

Мы предлагаем использовать в контексте оценки реализации суверенитета государств в интеграционных процессах вместо категории «ограниченный суверенитет» категорию «дополненный суверенитет». Такой подход наилучшим образом отразит то «приращение» в возможностях, появляющихся у государств-членов интеграционного объединения для достижения наибольшего уровня благосостояния, безопасности своих народов – а это и есть основная цель любой интеграции.

Концепт «дополненного суверенитета» в рамках интеграционных моделей помимо обеспечения принципа суверенного равенства сконцентрирован на реализации еще одной задачи – учете национальных интересов. Возведение максимы учета национальных интересов до уровня нормативно закреплённого принципа интеграционной системы позволяет зафиксировать его как общее условие ведения переговоров, осуществления полномочий, реализации любых интеграционных предписаний, проектов и т.д.

Одновременно следует принимать во внимание, что учет национальных интересов как интеграционно-правовой принцип должен распространяться и на действия органов интеграционного объединения. Их нормативные и организационные решения должны быть комплиментарны национальным интересам всех государств-членов, отражать истинный их баланс и устанавливать нужную взаимосвязь между национальными интересами отдельных государств-членов и интересами интеграционного сообщества в целом. Это постоянный поиск наиболее выгодного для всех решения, компромисса, в этом заключается диалектика интеграции.

Безусловно, экономические и иные факторы неизбежно обуславливают, что интересы государств-членов интеграционного объединения не всегда совпадают (в отличие от ценностей [5, с. 106]). Для того, чтобы реализация национальных интересов различных государств работала во благо продвижению интеграции, чтобы избежать стагнации и фрагментации интеграционных процессов, к принципам суверенного равенства и учета национальных интересов должен быть подключен и принцип лояльного сотрудничества (принцип добросовестного интеграционного взаимодействия). Этот принцип означает обязанность государств-членов интеграционного объединения воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение целей интеграции, а также содействовать друг другу в выполнении задач, установленных в учредительных актах. Аналоги принципа лояльного сотрудничества есть в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, ЕАЭС, ЕС, других объединений.

В интеграционных образованиях, участником которых является Республика Беларусь, принципы суверенного равенства, равноправия и учета национальных интересов, лояльного сотрудничества в целом закреплёны в уставных документах, однако отдельные из них нуждаются в уточнении.

Так, в рамках СНГ учредительные акты данной организации указывают на принципы суверенного равенства, учета национальных интересов, лояльного сотрудничества в следующих формулировках. Соглашение о создании СНГ

1991 года опирается на взаимное признание и уважение государственного суверенитета и равноправие (преамбула, статьи 4, 7). В статье 1 Устава СНГ 1993 года предусмотрено, что Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Статьей 3 данного акта указано на принципы СНГ, к которым среди прочего отнесены уважение суверенитета, учет государствами-членами интересов друг друга и Содружества в целом, оказание на основе взаимного согласия помощи во всех областях взаимоотношений, добросовестное выполнение обязательств по документам Содружества.

В рамках Союзного государства России и Беларуси Договором 1999 года в статье 3 закреплены принципы суверенного равенства государств-участников, добровольности, добросовестности выполнения взаимных обязательств (пункт 1 статьи 3). Принцип учета национальных интересов может быть выведен путем контекстного и системного толкования источников права Союзного государства. Так, в преамбуле Договора 1999 года указано что образование Союзного государства позволит объединить усилия в интересах социального и экономического прогресса обоих государств. Вместе с тем, в отношении учредительного договора целесообразно порекомендовать более четкое закрепление принципа равноправия и учета национальных интересов, в т.ч. через организационно-правовые механизмы, а также расширение принципа добросовестного выполнения взаимных обязательств сторон, указанного в п. 1 ст. 3 до интеграционно-правового принципа лояльного сотрудничества, распространяющего свое действие не только на государства-члены, но и на органы интеграционного объединения.

В статье 3 Договора о ЕАЭС к принципам функционирования Союза среди прочих отнесены и исследуемые в настоящей статье принципы: принцип суверенного равенства (абзац второй части первой статьи 3), обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон (абзац четвертый части первой статьи 3). Обратим внимание, что в части первой статьи 3 речь идет именно об обязательствах Союза как интеграционного объединения. Подпункт 1 статьи 2 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющейся приложением № 1 к Договору о ЕАЭС, устанавливает коррелирующее обязательство в отношении конкретно ЕЭК: Комиссия осуществляет свою деятельность на основе в том числе принципов обеспечения взаимной выгоды, равноправия и учета национальных интересов. Часть вторая статьи 3 Договора о ЕАЭС отражает принцип добросовестного интеграционного взаимодействия (лояльного сотрудничества), распространяя действие основных принципов функционирования Союза и на государств-членов: «государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза». В преамбуле Договора о ЕАЭС заложена динамическая связка национальных интересов и интеграционных (общих) интересов через отнесение дальнейшего развития экономической интеграции, собственно, к национальным интересам сторон.

Непосредственно учет национальных интересов предусмотрен в положениях о промышленной политике и сотрудничестве (ст. 92 Договора о ЕАЭС).

Иные статьи Договора также используют схожие или смежные термины: например, «важнейшие интересы безопасности» государства-члена отнесены к исключаящим определенные обязательства в рамках Союза (пп. 1-2 п. 6 ст. 65 Договора о ЕАЭС); коренные интересы общества (пп. 1 п. 7 ст. 65 Договора о ЕАЭС); общественные (государственные) интересы (пп. 2 п. 2 ст. 68 Договора о ЕАЭС), интересы обороны страны или безопасности государства (п. 5 ст. 74 Договора о ЕАЭС) и т.д. Исходя из краткого анализа норм права ЕАЭС можно сделать вывод, что в рамках Союза широко и разнообразно используется терминология в отношении учета национальных интересов, при этом то, что именно считать таковыми, следует как из контекста соответствующих положений, так и исходя из внутреннего закрепления объема данной категории в законодательстве государств-членов.

В условиях широкой сферы интеграционного взаимодействия, множественности заинтересованных акторов, прямого действия интеграционных норм и их создания в том числе как норм наднациональных такой подход представляется оправданным. В то же время, в отличие от политологических исследований в правовой литературе анализ национальных интересов в контексте интеграции пока широко не внедрен, а интеграционно-правовая наука не предлагает нужных методик соотнесения их друг с другом или с интеграционными интересами. В отдельных исследованиях для соотнесения национальных и наднациональных (союзных) интересов интеграционного объединения используют доктрины взаимного признания и взаимного доверия, поля усмотрения (*margin of discretion*), субсидиарности и национальной идентичности [6]. Следует признать, что не все из них отражают комплексный подход к оценке учета национальных интересов. Кроме того, в доктрине интеграционного права обсуждается концепция публичного порядка, перешедшая из частноправовых отношений и постепенно закрепляющаяся в международном публичном и интеграционном праве: «концепция публичного порядка должна нести в себе функцию защиты национальной правовой системы... может служить ... защитником национальных ценностей и интересов» [7]. В свою очередь, нормативный материал интеграционных объединений уже оперирует различными смежными категориями, поэтому дальнейшее развитие правовой доктрины в этом направлении, выработка унифицированных подходов в государствах-участниках интеграционных объединений крайне важны.

Не менее важно и то, чтобы на национальном уровне были нормативно закреплены подходы к категории «национальные интересы». В законодательстве государств-членов ЕАЭС такие подходы активно формируются.

В Российской Федерации в Концепции внешней политики, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 года № 229, закреплено, что «исходя из национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на ... раскрытие и укрепление потенциала многосторонних объединений и интеграционных структур с участием России» (пп. 8 п. 16). Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая

2017 г. № 208, содержит перечень вызовов, угроз и рисков в области экономической безопасности, которые могут причинить ущерб национальным интересам Российской Федерации, а «национальные интересы» Российской Федерации в экономической сфере – объективно значимые экономические потребности страны, удовлетворение которых обеспечивает реализацию стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». В акте более общего применения и принятом позднее – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 года № 400, «национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии».

Законом Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» предусмотрено, что «национальные интересы Республики Казахстан – совокупность законодательно признанных политических, экономических, социальных и других потребностей Республики Казахстан, от реализации которых зависит способность государства обеспечивать защиту прав человека и гражданина, ценностей казахстанского общества и основ конституционного строя».

Новый, усовершенствованный подход к проактивной реализации национальных интересов нашел отражение в Концепции национальной безопасности, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. Как справедливо отмечает белорусский правовед А.Л. Баньковский, «в синергии двух доминирующих парадигм безопасности – защищенности и развития» «функция подсистемы обеспечения безопасности смещается от противостояния совокупности угроз к их опережающему развитию (когда сфера интересов за счет динамики их развития не совпадает с точками реализации угроз)» [7, с. 11]. Абзацем третьим п. 4 Концепции национальной безопасности установлена дефиниция «национальные интересы» – «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет». Такой подход к определению категории «национальные интересы» отражает демократическую социальную сущность независимой Беларуси и на международной арене раскрывается особенно ярко в контексте интеграции.

Таким образом, обеспечение суверенитета в условиях интеграции базируется не только на принципе суверенного равенства – общепризнанном принципе международного права, но и на принципе учета национальных интересов, а также принципе добросовестного интеграционного взаимодействия. Совместная реализация таких принципов позволяет сбалансированно реализовать концепт «дополненного суверенитета», который полноценно удовлетворяет конституционным требованиям обеспечения суверенитета, одновременно обеспечивая интеграционный рост.

В отличие от принципа суверенного равенства как нормы *jus cogens* принцип верховенства права не относится к императивным нормам, однако его

широкое распространение в конституционных положениях государств и поддержка в виде *opinio juris* в актах международных организаций позволяет нам говорить о его обычной природе.

В Декларации ООН о верховенстве права на национальном и международном уровне 2012 г. предусмотрено, что «коллективный ответ на вызовы, встающие перед нами ввиду сложных политических, социальных и экономических трансформаций, должен быть основан на верховенстве права, поскольку это является основанием дружественных и равноправных отношений между государствами и базой, на которой зиждется любое справедливое общество». Однако современный международный правопорядок подвергается не только фактическим угрозам ввиду накопившихся трудностей в сфере различий «Север-Юг», проблем голода, ответа на пандемии, кибер-угроз, терроризма и т.п., но и собственно юридическим атакам. Применяемый в последнее время в западном юридическом и политическом дискурсе термин «rules-based order» и переводимый на русский как «порядок, основанный на правилах» на семантическом уровне отражает структурные и сущностные трансформации в современных международных отношениях – попытки вывести регулирование международной жизни из-под действия права в сферу «правил», «стандартов» и т.п. Несмотря на то, что по признанию самих западных исследователей, четкой концепции нет, и возрастающая популярность термина не приносит содержательной ясности, а упоминание Устава ООН постепенно уходит из обоснования данной концепции, уступая место неправовым категориям [8].

Региональное закрепление верховенства права и следование этому принципу особенно важно в условиях подрыва его устоев на международном уровне. Принцип верховенства права реализуется в интеграции двуедино: раскрывает свойства интеграционного права и одновременно создает условия, при которых соблюдаются справедливость и уважение к международным обязательствам.

В преамбуле Договора о ЕАЭС государства-участники обозначили необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина (абзац третий преамбулы Договора о ЕАЭС).

Как отмечают Е.Б. Дьяченко и К.В. Энтин, «с теоретических позиций верховенство права интеграционного объединения означает приоритет наднационального правопорядка над национальным, следствием чего является недопустимость принятия и применения норм законодательства государств-членов, если они противоречат праву интеграционного объединения», а Суд ЕАЭС «при вынесении судебных актов исходит из безусловного приоритета права Союза над национальным правом» [9, с. 130]. Данный принцип как основополагающая характеристика автономной интеграционной системы играет важнейшую роль в определении иерархии при правоприменении, а также соотношения норм национального и интеграционного права. Без такого приоритета правопорядок интеграционного объединения может быть поставлен под угрозу фрагментации ввиду различных условий, хронологии и даже степени реализации

интеграционных норм в государствах-членах. Вместе с тем нельзя согласиться со всеми позициями в вышеозначенной цитате.

Полагаем, следует все же вести речь о приоритете интеграционных норм, а не приоритете правопорядка, иное не соответствует задачам интеграционного объединения и даже может привести к нарушению принципа наделения полномочиями как еще одного важнейшего принципа функционирования интеграционного объединения, поскольку обеспечение правопорядка сопряжено с реализацией властных полномочий. Более того, как показывает практика ряда интеграционных объединений, подход, который не сопряжен с объективно требуемыми условиями формирования приоритета, рано или поздно будет подвергнут критике со стороны акторов национального правопорядка как не учитывающий ценностно-правовые основы конституционных правопорядка [10]. Так, «конституционные суды государств-членов, избегая открытых конфликтов с Европейским судом, нередко предполагают, что их национальные конституции имеют высшую силу. Например, они оставляют за собой право проверять, не влечет ли за собой делегирование полномочий нарушение основополагающих принципов конституционного порядка и неотъемлемых прав личности (Италия) или не нарушает ли интеграция основополагающие права и структурные принципы конституционного строя (Испания)» [11, с. 75]. Примеры из практики высших и конституционных судов ФРГ, Польши, доктрины контр-лимитов и т.п. также свидетельствуют о важности формирования положений о приоритете права интеграционного объединения, учитывающих определенные условия реализации такого приоритета.

Внутренняя иерархия актов интеграционного сообщества, определенная самой системой такого объединения (как правило, в учредительном акте) упреждает разногласия относительно приоритета внутри системы. При возникновении сомнений о противоречии между актами более высокого порядка и нижестоящими в иерархии актами, они разрешаются посредством надлежащих процедур контроля, в том числе судебного.

В рамках ЕАЭС выполнены изначально и внешние, и внутренние условия для формирования и реализации принципа приоритета права Союза. Как указано в преамбуле Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 года (далее – Договор), государства руководствовались «необходимостью безусловного соблюдения верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина». Совместимость с конституционным порядком напрямую упоминается в п.59 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору). При этом приоритет применения Договора может и должен быть обеспечен за счет достижения такой совместимости положений. В таком контексте следует вести речь о квалифицированном (обусловленном) приоритете права Союза.

Интеграционный контекст характеризуется более тесными связями государств и обеспечен особыми правовыми механизмами их взаимодействия. Это детально раскрывает суверенное равенство через призму равноправия, учета национальных интересов и добросовестного интеграционного взаимодействия. Верховенство права играет важнейшую роль в построении эффективной инте-

грационной правовой системы, при этом с точки зрения соотнесения интеграционных норм и норм национальных речь идет о квалифицированном приоритете, обусловленном верховенством конституционных прав и гарантий, конституционно-правовых ценностей, а также внутренней системной иерархией актов.

Список источников

1. Белых А.Г. Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции / А.Г. Белых, А.О. Иншакова // Вестник ВолГУ. – Сер. 5. – Вып. 7. – 2005. – С. 43–54.
2. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции / Ю.С. Безбородов // Lex russica. – 2017. – № 12. – С. 124–132.
3. Ковалев В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях / В.С. Ковалев // Актуальные проблемы международных отношений. – 2021. – № 1 (58). – С. 13–25.
4. Мещерякова О.М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика / О.М. Мещерякова // Государство и право. – 2014. – № 8. – С. 59–64.
5. Кадышева, О.В. Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции / О.В.Кадышева // Международное правосудие. – 2023. – № 2 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Михалёва Т.Н. Правовое обеспечение региональной интеграции в контексте современного международного правопорядка и защиты национальных интересов / Т.Н. Михалёва. – Минск : БГУ, 2024. – 255 с.
7. Баньковский, А. Л. О совершенствовании концептуальных подходов в сфере национальной безопасности / А. Л. Баньковский // Стратегические национальные интересы Республики Беларусь в контексте современных глобальных вызовов : материалы науч.-практ. конф. (Гродно, 29–30 марта 2022 г.) / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: А. Ф. Проневич (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2022. – С. 10–12.
8. Lieberherr B. The “Rules-Based Order”: Conflicting Understandings // CSS Analysis in Security Policy. February 2023. No. 317 // [Electronic resource] Mode of access: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse317-EN.pdf>. – Date of access: 26.05.2023.
9. Дьяченко Е.Б. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС / Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 123–133.
10. Primacy’s Twilight? On the Legal Consequences of the Ruling of the Federal Constitutional Court of 5 May 2020 for the Primacy of EU Law // [Electronic resource]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/692276/IPOL_STU\(2021\)692276_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/692276/IPOL_STU(2021)692276_EN.pdf). – Date of access: 26.08.2022.
11. Чехарина В.И. Принцип верховенства права в контексте конституционной практики Польши и оценке органов ЕС // Юридическая наука. – 2019. – № 11. – С. 74–78.

© Михалёва Т.Н., 2025

Данельян Андрей Андреевич

Заведующий кафедрой международного права

Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,

г. Москва, Россия, Danell@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ВОЗМОЖНОСТЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Международный уголовный суд (МУС) – это международная организация, выполняющая функции судебного органа. МУС создан на основе международного договора – Римского статута (РС) от 17 июля 1998 года. По состоянию на 1 марта 2024 года сторонами РС являются 124 государства. Несмотря на кажущийся внушительным численный состав участников, данный договор не может считаться универсальным. В нем, в частности, не участвуют три из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН – Россия, Китай и США; промышленно развитые и густонаселенные Индия, Пакистан, Турция, Малайзия, Индонезия, и др. Таким образом, большинство жителей Земли находятся вне юрисдикции МУС.

Во время создания Международного уголовного суда многие специалисты полагали, что потребуются десятилетия для достижения эффективности МУС и были удивлены, наблюдая нарастающие проблемы и противоречия в его деятельности. Сегодня с уверенностью можно констатировать, что многие направления деятельности МУС нуждаются в реформировании и от решения этих вопросов зависит «жизнь» самого Суда.

Главная критика в адрес Суда заключается в том, что более чем за 20-летний период существования МУС рассмотрел небольшое количество дел и еще меньшее их количество было доведено до логического завершения. За 20 лет были осуждены около 10 из примерно 45 человек, которым были выдвинуты официальные обвинения. В этой связи МУС выглядит весьма дорогостоящим органом с низкой эффективностью.

С момента своего создания МУС столкнулся с многочисленными проблемами, включая вопросы, касающиеся юрисдикции и желания сотрудничества со стороны государств. Проблема юрисдикции усугубляется также тем, что имеют место случаи, когда в отношении государств, не ратифицировавших Римский статут, МУС инициирует процесс судопроизводства.

Репутация Суда также является ключевым аспектом. По мере возникновения новых конфликтов и развития моделей преступлений МУС остается политически зависимым органом, а его сотрудники нередко замешаны в коррупционных скандалах. Все больше государств отказываются от сотрудничества с МУС. Более того, Российская Федерация и США уже ввели санкции в отношении некоторых судей Суда.

Широко распространено мнение, что только слабые государства могут быть мишенями МУС. В целом, тот факт, что на протяжении долгого времени после начала своей работы в 2002 году Суд занимался исключительно африканскими делами (ситуации в ДРК, ЦАР, Уганде, Судане, Кении, Ливии, Кот-д'Ивуаре, Мали), послужил поводом для разработки Африканским Союзом рекомендательной «Стратегии выхода из МУС», которая была одобрена его высшим органом – Ассамблеей Союза.

До сих пор остается открытой проблема расширительного и произвольного толкования Судом положения самого Римского статута, а также международных норм об иммунитетах должностных лиц государств, явно выходя за рамки предоставленной ему государствами-участниками компетенции.

Еще одна сфера, которая нуждается в реформировании, касается судей МУС. Существует много критики в адрес того, как избираются судьи. Внутренняя организация Суда также нуждается в улучшении, поскольку она очень бюрократична и политизирована.

МУС задумывался как элемент международной системы урегулирования конфликтов под эгидой Организации Объединенных Наций. На практике результаты деятельности МУС в качестве фактора мира оказались как минимум неоднозначными.

Ответственность за неоправдавшиеся ожидания и, более того, эрозию легитимности МУС, лежит на самой организации, ее конкретных должностных лицах, а также на государствах и иных субъектах, стремящихся злоупотребить судебной процедурой как в сиюминутных, так и далеко идущих политических целях.

Совокупность допускаемых МУС и его Прокурором нарушений международного права, процедурных недостатков, посторонних политических факторов, позволяет ставить вопрос как минимум о стойкой и, вероятно, необратимой утрате Судом легитимности и авторитета в глазах значительной части международного сообщества.

Альтернативой МУС может стать создания международно-правового органа в рамках БРИКС. Возможно, этот шаг станет первым шагом к формированию более справедливой системы правосудия, учитывая особенности стран-участниц и их намерения.

В вопросе определения судебного органа БРИКС предлагается выделить два направления деятельности: международный инвестиционный арбитраж для разрешения инвестиционных споров с участием государств БРИКС и международное уголовное судопроизводство для преследования лиц, ответственных за геноцид, военные преступления, преступления против человечности, а также преступления агрессии в рамках БРИКС. В связи с этим

суд БРИКС предлагается разделить на специализированные палаты.

Создание Суда БРИКС с соответствующими компетенциями целесообразно по нескольким причинам. *Во-первых*, в распоряжении подобного потенциального института есть «зачатки» материально-правовой базы: в отношениях между странами БРИКС действуют двусторонние договоры о международно-правовой помощи по уголовным делам. Что касается двусторонних инвестици-

онных договоров, то эти соглашения могут (при условии включения в них соответствующих положений) применяться данным институтом или создаваемыми при его содействии арбитражными трибуналами, либо служить основой для проектирования многостороннего инвестиционного соглашения БРИКС. *Во-вторых*, учреждение Суда БРИКС соответствует интересам как самого альянса БРИКС, так и образующих его стран. *В-третьих*, реализация этой инициативы является своевременной в условиях кризисных явлений в сфере международного уголовного права и инвестиционного арбитража. Суд БРИКС сможет функционировать на основе ценностей, разделяемых всеми государствами-участниками, учитывая национальную безопасность, суверенитет и традиционные ценности.

В качестве другой альтернативы МУС можно рассмотреть гибридные суды, которые более точно соответствуют ожиданиям переходного правосудия. Данные трибуналы призваны устранить недостатки МУС, поскольку будут включать судей как внешних (международных), так и национальных, обеспечивая наибольшую легитимность. Таким образом, гибридные суды могут помочь преодолеть то, что было названо «проблемой двойной легитимности» МУС. При этом, финансирование деятельности гибридных трибуналов менее обременительно для государств, чем деятельность МУС.

Поскольку МУС не обладает юрисдикцией в отношении многих государств и откровенно потерял доверие, государства могут поддержать «специальный трибунал» или гибридный суд, который будет расследовать действия ответственных лиц. С этой точки зрения, обоснованной выглядит идея учреждения гибридного трибунала по Украине для привлечения к ответственности должностных лиц Украины. Очевидно, что функционирование такого гибридного трибунала в условиях продолжающегося конфликта особенно актуально, учитывая то обстоятельство, что Украина ратифицировала Римский статут с отдельным заявлением, согласно которому в течение семи лет после вступления в силу она не признает юрисдикцию МУС в отношении ее граждан о совершении преступлений, предусмотренных ст. 8 Римского устава (статья о военных преступлениях).

Важнейшим достоинством гибридного правосудия является то, что данные суды максимально приближены к местам совершения преступлений. Это обстоятельство имеет не только важный «демонстрационный эффект» для местного населения, но и является благом с чисто инфраструктурной точки зрения – как следствие, исчезает необходимость трудоёмкой доставки жертв и свидетелей преступлений в иностранное государство, как, скажем, это происходит в МУС.

© Данельян А.А., 2025

Нигматуллин Ришат Вахидович

Заведующий кафедрой международного и интеграционного права
Института права Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук, профессор, г. Уфа, Россия, nigm2004@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Взаимодействие Российской Федерации и государств Центральной Азии осуществляется на основе договоров о дружбе и сотрудничестве, заключенных после распада Советского Союза и дополненных договорами о стратегическом партнерстве и всестороннем сотрудничестве, заключенными в начале XXI века, зафиксировавших новый уровень взаимодействия. За эти годы достигнут небывалый уровень интеграции в экономической сфере. Промышленная кооперация подкрепляется созданием единого образовательного пространства, задача которого – подготовка профессиональных кадров, способных обеспечить прогресс во всех сферах жизни.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, сотрудничество, экономическая интеграция, электроэнергетика, золотодобыча, инвестиции

Nigmatullin Rishat Vakhidovich

Head of the Chair of International and Integration Law, Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor, Ufa, Russia,
nigm2004@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND CENTRAL ASIAN STATES

Abstract. The interaction between the Russian Federation and Central Asian states is based on friendship and cooperation treaties concluded after the collapse of the Soviet Union, supplemented by treaties on strategic partnership and comprehensive cooperation signed in the early 21st century, which marked a new level of interaction. Over these years, an unprecedented level of integration has been achieved in the economic sphere. Industrial cooperation is reinforced by the creation of a unified educational space, the task of which is to train professional personnel capable of ensuring progress in all spheres of life.

Keywords: strategic partnership, cooperation, economic integration, electric power industry, gold mining, investments

Регион «Центральная Азия» включает в себя пять государств: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан, с общей площадью чуть

больше 4 млн кв. км и населением около 70 млн человек¹. После распада СССР бывшие советские республики объявили о независимости и стали развивать взаимовыгодное сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств. Политико-правовой основой сотрудничества Российской Федерации со странами Центральной Азии стали договоры о дружбе и сотрудничестве, которые закрепляли тот уровень взаимоотношения народов, который сложился за длительный период жизни в составе единого государства, имеющих общую историю, содержащую множество примеров взаимной выручки и братских отношений.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 25 мая 1992 года² закрепил правовые основы взаимодействия Российской Федерации и Республики Казахстан после распада СССР. Развитие взаимовыгодных отношений предопределило заключение Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке от 11 ноября 2013 года³, который наметил правовые ориентиры взаимоотношений в современную эпоху. Взаимодействие двух государств в настоящее время развивается на основе взаимного доверия, стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества, которое подкреплено более чем 400 договорами и соглашениями [1, с. 59]. В целях укрепления и развития военных контактов Россия и Казахстан 16 октября 2020 года заключили Договор о военном сотрудничестве⁴.

10 июня 1992 года Российская Федерация и Республика Кыргызстан заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи⁵, который стал основой сотрудничества государств в начале 90-х годов XX века. Определению

¹ Россия в Центральной Азии: работа по пяти направлениям // Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16704329> (дата обращения: 10.09.2025).

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48790/ (дата обращения: 10.09.2025).

³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44299/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/59861/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53731/ (дата обращения: 10.09.2025).

параметров двусторонних связей в XXI веке послужила Декларация между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве, принятая 27 июля 2000 года. Она положила начало современному этапу межгосударственных связей России и Киргизии.

Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Киргизской Республикой, подписанная 20 июня 2017 года в качестве приоритетов на современном этапе определила развитие стратегического партнерства в сферах, представляющих взаимный интерес и укрепление сформировавшихся союзнических отношений в соответствии с принципами взаимного уважения государственного суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела друг друга¹.

Всестороннее сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан базируется на прочной договорно-правовой базе. Ее основой является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный Россией и Таджикистаном 25 мая 1993 года². 16 апреля 1999 года два государства заключили Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век³. В настоящее время между двумя государствами подписано более 300 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений [2, с. 19].

Сотрудничество Российской Федерации и Туркменистана также получило договорную основу после распада СССР путем заключения Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном от 31 июля 1992 года⁴. 23 апреля 2002 года в Ашхабаде стороны заключили Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном,

¹ Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Киргизской Республикой // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5210> (дата обращения: 10.09.2025).

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48297/ (дата обращения: 15.09.2023).

³ Договор о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46938/ (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном // Официальный сайт МИД России Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48765/ (дата обращения: 10.09.2025).

который определил ориентиры сотрудничества двух стран в XXI веке¹. В соответствии со ст. 7 Договора стороны обязались обеспечивать «равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в области экономических, торговых, научно-технических отношений»².

30 мая 1992 года был заключен Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан³. В нем преимущественно решались вопросы сотрудничества проблем безопасности, координации внешнеполитической деятельности государств, обеспечения прав человека и взаимодействия в сфере экономики, торговли, культуры, науки и образования.

Политико-правовые основы сотрудничества России и Узбекистана в XXI веке закрепил Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, заключенный в Ташкенте 16 июня 2004 года⁴. Он нацелил государства «на обеспечение взаимной безопасности, противодействие глобальным угрозам и вызовам, укрепление региональной стабильности, расширение сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах»⁵.

В 2011–2021 годах внешнеэкономические связи Российской Федерации со странами Центральной Азии определялись преимущественно торговлей товарами и трансграничными перевозками, которые для экономик региона были равнозначными каналами воздействия [3, с. 78]. Сегодня сотрудничество Российской Федерации со странами Центральной Азии развивается всесторонне, однако главным является внешнеэкономическое направление как основной фактор обеспечения благополучия населения. Промышленная кооперация, внешняя торговля, экономическая интеграция, рост инвестиций – все это способствует росту социально-экономического уровня центральноазиатских республик, входящих, как и Россия, в группу государств с переходной экономикой.

Усиление санкционной политики стран Запада, начавшееся после 2012 года, потребовало более тесного политико-экономического сотрудничества

¹ Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном // Официальный сайт МИД России Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46334/ (дата обращения: 10.09.2025).

² Там же.

³ Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Официальный сайт МИД России Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48781/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46090/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Там же.

России с дружественными странами, и в первую очередь в рамках таких международных организаций, как СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС. В частности, доля России в торговом обороте стран Центральной Азии на начало 2022 года составила 23%, а сумма российских инвестиций составила 4,9 млрд долларов¹.

В первую очередь обращает на себя активная деятельность Российской Федерации в реализации совместных инфраструктурных проектов. В Казахстане было создано совместное предприятие по выпуску грузовых автомобилей, началось строительство одного из нескольких горно-обогатительных комбинатов, а именно горно-металлургического комбината на месторождении Маятс в Костанайской области (сумма проекта составила 690 млн долл.)².

Крупным инфраструктурным объектом, создаваемым Россией и Кыргызстаном, является разработка российской «Группой Альянс» золотоносного месторождения Джеруй в Таласской области. Суммарные инвестиции в его развитие оцениваются более чем в 600 миллионов долларов, а запасы золота составляют около 90 тонн золота и 25 тонн серебра. 17 марта 2021 года состоялся запуск Таласского золоторудного комбината с проектными показателями ежегодной переработки 1,5 миллиона тонн руды и выпуска 5 тонн золота³. Для Кыргызстана одним из значимых аспектов является то, что в числе участников реализации проекта граждане Киргизской Республики составили более 95 %. Для обеспечения электроэнергией Таласского комбината российско-киргизский фонд развития и компания «Альянс Гидро» построят гидроэлектростанцию, стоимость проекта оценивается в 40 миллионов долларов⁴.

Крупным стратегически важным объектом экономического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан является Сангтудинская гидроэлектростанция. Гидроэлектростанция мощностью 670 МВт обеспечивает около 12% совокупной выработки электроэнергии в республике, за пер-

¹ Россия в Центральной Азии: работа по пяти направлениям // Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16704329> (дата обращения: 10.09.2025).

² Казахстан потратит 690 млн долларов на совместное с РФ строительство ГОК в Костанайской области // Официальный сайт zakon.kz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6408020-kazakhstan-potratit-690-mln-dollarov-na-sovmestnoe-s-rf-stroitelstvo-gok-v-kostanayskoy-oblasti.html> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Церемония запуска Таласского золоторудного комбината // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65166> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ На месторождении «Джеруй» построят ГЭС мощностью до 28 МВт, — инвестор // Официальный сайт информационного агентства «Бишкек. Медиа» [Электронный ресурс]. URL: <https://bishkek.media/na-mestorojdenii-djeryi-postroi-at-ges-moshnostu-do-28-mvt-investor.html> (дата обращения: 10.09.2025).

вые шесть месяцев 2025 года станция произвела более 1,480 млрд кВт·ч, что на 171,4 млн кВт·ч больше, чем за аналогичный период 2024 года¹.

Российская Федерация и Туркменистан длительный период активно сотрудничают в энергетической сфере. В настоящее время их усилия направлены на развитие транспортно-логистических и энергетических проектов. Как отметил Президент Туркменистана С.Г. Бердымухамедов на саммите «Центральная Азия – Россия» в октябре 2025 года в Душанбе, Туркменистан и Россия должны более тесно сотрудничать в вопросах использования возобновляемой энергии, учитывая имеющийся совместный опыт, новые компетенции и научно-технические достижения².

29 декабря 2017 года в Ташкенте было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. Оно положило начало тесному сотрудничеству двух стран в сфере атомной энергетики. В соответствии с п. 2 ст. 3 соглашения стороны обязались осуществлять сотрудничество в разработке, проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации атомных электростанций, исследовательских реакторов и других ядерных установок³. В рамках реализации данного соглашения было принято решение о строительстве в Узбекистане атомной электростанции в составе 2 энергоблоков на основе реактора по российскому проекту. Строительство АЭС осуществляется на основе заключенного 7 сентября 2018 года Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Узбекистан атомной электростанции⁴. Соглашение предполагает двустороннее детальное государственное управление решения всех вопросов, которые будут возникать в процессе его реализации. Так, предусмотрено определение компетентных органов двух стран, координацию деятельности которых

¹ Россия и Таджикистан продвинулись по решению вопросов с «Сангтудинской ГЭС-1» // Официальный сайт информационного агентства «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25369577> (дата обращения: 16.10.2025).

² Глава Туркмении выступил за расширение партнерства с Россией в энергетике // Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20251009/energetika-2047374579.html> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/52863/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Узбекистан атомной электростанции // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53357/ (дата обращения: 10.09.2025).

будет осуществлять Совместный координационный комитет, учрежденный в соответствии с Соглашением 2017 года (ст. 6). Соглашением 2018 года предусмотрено заключение дополнительных контрактов по каждому этапу строительства, подробно оговорены обязанности сторон по всем аспектам строительства АЭС.

По оценкам специалистов, строительство АЭС должно обойтись в 10 млрд долл., часть которых Россия предоставит в качестве экспортного кредита. Запуск АЭС позволит Узбекистану ежегодно экономить 3,7 млрд кубометров природного газа, экспорт которого может приносить республике около миллиарда долларов в год¹. По оценке Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, «два энергоблока АЭС обеспечат производство недорогой и экологически чистой электроэнергии, которая будет способствовать энергетической стабильности не только Узбекистана, но и всего центральноазиатского региона»².

Субъекты Российской Федерации активно участвуют во внешнеэкономической деятельности государства, осуществляя сотрудничество на межрегиональном и трансграничном уровнях. Сегодня 76 субъектов Российской Федерации развивают динамичные связи с Казахстаном, 71 субъект – с Киргизией, 80 – с Таджикистаном, 60 – с Туркменистаном и 75 субъектов – с Узбекистаном³.

Субъекты Российской Федерации также могут содержать своих представителей при торговых представительствах Российской Федерации в иностранных государствах за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации по согласованию с федеральным органом исполнительной власти и Министерством иностранных дел Российской Федерации [4, с. 33], что также способствует диверсификации внешнеэкономических связей России. Привлечению инвестиций в регионы России способствует их высокий международный имидж. В его формирование вносят вклад и российские вузы [5].

Деятельность российского государства по укреплению внешнеэкономического сотрудничества со странами Центральной Азии необходимо осуществлять комплексно, с учетом взаимной выгоды и многих сопутствующих факторов. Необходимо расширять не только экспортно-импортные операции, но и переходить к долгосрочному технологическому сотрудничеству, в том числе к осуществлению производственной кооперации различных компаний дружест-

¹ Россия в Центральной Азии: работа по пяти направлениям // Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16704329> (дата обращения: 10.09.2025).

² Узбекистанская АЭС даст энергетическую стабильность Центральной Азии – эксперт // Официальный сайт Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://isrs.uz/ru/yangiliklar/uzbekistanskaa-aes-dast-energeticeskuu-stabilnost-centralnoj-azii-ekspert> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 10.09.2025).

венных стран в сфере высоких технологий, что особенно актуально для достижения технологического суверенитета как России, так и её союзников и сторонников [6, с. 480].

Список источников

1. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р.Р. Научно-образовательное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан // Евразия - 2024: правовая и социально-экономическая интеграция в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта: Материалы Международной научно-практической конференции, Институт права УУНиТ, 13–14 сентября 2024 года. – Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2024. – С. 57–65.
2. Нигматуллин Р. В. Сулейманова Р.Р., Назарзода Б.Р. О перспективах сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в области образования // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № (183). – С. 19–22.
3. Пылин А. Г. Тренды торгово-экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 3. – С. 76–87.
4. Большева М. Д., Нигматуллин Р.В. Торговое представительство как инструмент внешнеэкономической деятельности: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5 (204). – С. 31–34.
5. Сулейманова, Р. Р. Роль Башкирского государственного университета в формировании международного имиджа Республики Башкортостан // Организация Объединенных наций - универсальный центр поддержания мира и обеспечения международной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13 ноября 2015 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – С. 118–125.
6. Чернов С. Б., Кулигин В.Д., Калашников Г.М. Диверсификация внешнеэкономических связей России в контексте экономической безопасности // Экономические науки. – 2025. – № 243. – С. 474–481.

© Нигматуллин Р.В., 2025

Тарасова Анна Евгеньевна

Эксперт рабочей группы «Ребенок и его право на семью»

Координационного совета при Правительстве Российской Федерации

по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства,

кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Россия

РОЛЬ ООН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ: НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 80+

Аннотация. В статье рассматриваются итоги и результаты деятельности Организации объединенных наций в сфере закрепления, поощрения и защиты прав детей к 80-летию юбилею создания организации. Отмечаются сохраняющиеся проблемы и нерешенные вопросы в направлении развития подхода, основанного на правах детей, в работе ООН. Определяются перспективные направления деятельности универсальной организации на будущий период и развития международного права прав человека, в частности прав ребенка.

Ключевые слова: права детей, Комитет по правам ребенка ООН, Конвенция о правах ребенка, реформа ООН

THE ROLE OF THE UN IN ENSURING THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS: UNRESOLVED ISSUES AND PROSPECTS 80+

Abstract. The article examines the outcomes and results of the United Nations' activities in the field of securing, promoting, and protecting children's rights on the occasion of the organization's 80th anniversary. It highlights the persisting problems and unresolved issues in the development of a child rights-based approach within the UN's work. Prospective directions for the activities of the universal organization in the future period and the development of international human rights law, particularly children's rights, are identified.

Keywords: children's rights, UN Committee on the Rights of the Child, Convention on the Rights of the Child, UN reform

В юбилейную дату, 80-летие создания универсальной международной Организации объединенных наций, важным представляется подведение определенных итогов деятельности организации и выявление перспектив развития международного права и межгосударственного сотрудничества на будущий этап деятельности организации. Предметом исследования роли ООН за прошедший период и на перспективу выбрана область обеспечения защиты прав детей.

Роль ООН в обеспечении защиты прав ребенка за прошедший период деятельности организации можно определить в следующем.

1. *Формирование государствами на универсальном уровне специальных международных правовых актов в области прав детей* (Декларация ООН

1959 г. прав ребенка¹, Конвенция ООН 1989 г. о правах ребенка², факультативные Протоколы к Конвенции о правах ребенка³), встроенных в универсальную систему международных актов в области прав человека, состоящую из Всеобщей Декларации прав человека⁴, Международного Пакта ООН о гражданских и политических правах⁵, Международного Пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах⁶.

2. *Создание универсального институционального механизма защиты прав детей*: международного договорного органа – Комитета ООН по правам

¹ Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.).

² Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.). Конвенция принята и открыта для подписания, присоединения и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/25 от 20 ноября 1989 г. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 г. Конвенция подписана от имени СССР 26 января 1990 г., ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. N 1559-1. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16 августа 1990 г. Конвенция вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.

³ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Нью-Йорк, 25 мая 2000 г.). Настоящий Протокол подписан от имени Российской Федерации 26 сентября 2012 г., ратифицирован Федеральным законом от 7 мая 2013 г. N 75-ФЗ. Протокол вступил в силу 18 января 2002 г. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 24 октября 2013 г.; Факультативный Протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 г., Нью-Йорк). Протокол вступил в силу 12 февраля 2002 г. Российская Федерация ратифицировала настоящий Протокол Федеральным законом от 26 июня 2008 г. N 101-ФЗ с заявлением. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 24 сентября 2008 г.; Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят на шестьдесят шестой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций резолюцией 66/138 от 19 декабря 2011 года, был открыт для подписания в Женеве (Швейцария) 28 февраля 2012 года // https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11-d&chapter=4&clang=_en

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). Пакт открыт для подписания, ратификации и присоединения 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН. Вступил в силу 23 марта 1976 г. СССР подписал настоящий Пакт 18 марта 1968 г. Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. N 4812-VIII с заявлением. Пакт вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.). Пакт открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН. Пакт вступил в силу 3 января 1976 г. Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением. Вступил в силу для СССР с 3 января 1976 г.

ребенка. Данный международный договорный орган осуществляет толкование положений Конвенции о правах ребенка в Замечаниях общего порядка¹, рассматривает доклады национальных государств об исполнении обязательств в рамках Конвенции о правах ребенка², подготавливает рекомендации (заключительные замечания) государствам по их периодическим докладам³.

Интересным форматом деятельности Комитета по правам ребенка является рассмотрение индивидуальных обращений (жалоб) граждан о нарушении прав ребенка по Конвенции, заявителями по которым могут быть сами дети и их законные представители.

3. *Укрепление подхода, основанного на правах ребенка, в работе ООН* [13]. Данный подход заключается:

- в установлении комплекса прав, которыми наделяются дети,
- создании и продвижении в своей деятельности механизмов обеспечения понимания (толкования) и исполнения международных обязательств государств в сфере защиты прав детей (Комитет по правам ребенка ООН),
- создании уполномоченных органов по защите прав детей, помощи в удовлетворении их основных потребностей и расширении их возможностей для полного раскрытия своего потенциала (ЮНИСЕФ),
- учреждении специальных механизмов, занимающихся поощрением прав детей (в 1990 году был учрежден мандат Специального докладчика по вопросу о торговле детьми, их сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательствах над ними; в 1996 году учрежден мандат Специального докладчика Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах, а в 2008 году – мандат Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о насилии в отношении детей; своей резолюцией 1612 (2005) Совет Безопасности создал механизм наблюдения и отчетности по проблеме детей и вооруженных конфликтов),
- создание структурированных и учитывающих интересы детей механизмов участия детей.

Несмотря на активное развитие международного права в сфере защиты прав детей, остается целый ряд нерешенных вопросов, среди которых можно выделить следующие:

¹ Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой (CRC/C/GC/25 от 02.03.2021 г.); Замечание общего порядка № 26 (2023) о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата (CRC/C/GC/26 от 22.08.2023 г.); Замечание общего порядка № 26 (2023) о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата (CRC/C/GC/26 от 22.08.2023 г.).

² Объединенные шестой и седьмой периодические доклады Российской Федерации в соответствии со статьей 44 Конвенции, подлежащие представлению в 2019 году // CRC/C/RUS/6-7 // <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crc>

³ Заключительные замечания по объединенным шестому и седьмому периодическим докладом Российской Федерации Комитета по правам ребенка ООН от 1.03.2024 г. CRC/C/RUS/CO/6-7 // <https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/crc>

1. *Не все государства являются участниками Конвенции о правах ребенка и трех ее факультативных протоколов, касающихся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии; участия детей в вооруженных конфликтах; процедуры сообщений.* Если Конвенция ООН о правах ребенка выступает наиболее универсальным и самым широко ратифицированным международным договором, участниками которого стали 196 государств, включая все страны-члены ООН, кроме США, то факультативные протоколы к Конвенции еще далеки от универсальной ратификации. Самое большее число ратификаций имеет Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, чуть меньшее количество ратификаций имеет Факультативный Протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. РФ участвует в обоих названных факультативных протоколах к Конвенции о правах ребенка. Небольшое количество государств участвует в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений. Российская Федерация не участвует в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка о процедуре сообщений¹, однако Верховный суд РФ регулярно обобщает практику межгосударственных органов, включая практику Комитета по правам ребенка².

2. *Несмотря на 75-летие Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов³, международное гуманитарное право в области защиты детей и соблюдения их прав в условиях современных вооруженных конфликтов, к сожалению, не рассматривается как приоритетная сфера, имеет второстепенное значение, не опирается на институциональный механизм защиты⁴.* В актах мягкого права органов ООН отмечается необходимость привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления против женщин и

¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, принят на шестьдесят шестой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций резолюцией 66/138 от 19 декабря 2011 года, был открыт для подписания в Женеве (Швейцария) 28 февраля 2012 года // https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11-d&chapter=4&clang=_en

² Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов ООН, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на уважение личной и семейной жизни, 2024 год // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации https://vsrf.ru/documents/international_practice/33501/; Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 7 (2025) // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации https://vsrf.ru/documents/international_practice/34690/

³ <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml>

⁴ Квартальный доклад по преступлениям киевского режима в июле-сентябре 2025 года // https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/obzory_posla_po_osobym_porucheniyam_mid_rossii_po_prestupleniyam_kievskogo_rezhima_r_v_miroshnika/2053986/

детей в условиях вооруженного конфликта, с помощью соответствующих национальных, региональных и, где это применимо, международных механизмов правосудия, включая смешанные уголовные суды и трибуналы, с тем чтобы положить конец безнаказанности и обеспечить соблюдение прав жертв¹. Однако отсутствует универсальный подход к пониманию гуманитарной роли государств при спасении детей из зоны вооруженного конфликта [1]. Важными здесь представляются консультативные заключения² Международного суда ООН³. Актуальность приобретает вопрос создания независимого международного суда в отличие от Международного уголовного суда [2], имеющего проблемы правомерности своей деятельности⁴. Учеными предлагается создать независимый международный орган. Так, «вполне возможной выглядит проработка на межрегиональном уровне (например, в рамках БРИКС) концепции создания международно-правового органа, альтернативного Гаагскому уголовному суду» [3].

3. *Роль Совета Безопасности ООН по проблемам взаимосвязи Мира и безопасности с защитой прав детей представляется не в полной мере реализованной.* Создана и функционирует Рабочая группа Совета Безопасности по вопросу о детях и вооруженных конфликтах, которая была учреждена резолюцией 1612 (2005) Совета. В рамках ООН 2.0., запланированной реформы организации и, в частности, одного из ее главных органов – СБ ООН, активизация и повышение эффективности Рабочей группы СБ РФ по вопросу о детях и вооруженных конфликтах является ожидаемой целью. К сожалению, политические интересы государств-постоянных членов СБ ООН оказываются выше вопросов

¹ Резолюция, принятая Советом по правам человека ООН 7 октября 2025 года: «Поощрение и защита прав человека женщин и детей в конфликтных и постконфликтных ситуациях: обеспечение правосудия, средств правовой защиты и возмещения ущерба для жертв». A/HRC/RES/60/19

² 22 октября 2025 года Международный Суд ООН вынес консультативное заключение об обязательствах Израиля как оккупирующей державы в отношении присутствия и деятельности ООН, других международных организаций и третьих государств на оккупированных палестинских территориях. Было установлено, что требования IV Женевской конвенции 1949 года о снабжении населения продовольствием и санитарными материалами не соблюдаются. В связи с этим Суд подтвердил обязательство Израиля как оккупирующей державы обеспечить операции по оказанию помощи населению ОПТ и всячески способствовать осуществлению этих мероприятий всеми имеющимися средствами // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2055345/

³ О слушаниях в Международном Суде ООН по третьему консультативному заключению по Палестине – Министерство иностранных дел Российской Федерации // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2012889/

⁴ Заключение Международно-правового совета при МИД России. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда // Журнал «Международная жизнь» № 4 номера 2024 года. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2978?ysclid=mhiose1vl1710027369>

защиты прав детей, что подтверждается неоднократно примененным правом вето со стороны США по резолюциям о защите детей Газы¹.

4. *Разное понимание международных стандартов в области прав детей в странах Север-Юг без учета социально-экономического развития государств и процессов колонизации - деколонизации – нео-колонизации.* Соответственно отличающемуся пониманию международных стандартов, по-разному реализуется национальная политика государств в таких сферах как детский труд (запрет или допустимость регулирования форм детского труда [4]), борьба с бедностью, формы альтернативного ухода в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, международное усыновление. В актах мягкого права формируется новое понимание нищеты – как формы насилия над ребенком, в докладе Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о насилии в отношении детей²; появляется термин «глобальная бедность детей»; актуализируется проблема альтернативного ухода и трансграничного усыновления детей из бедных стран в экономически преуспевающие, в самом широком гендерном понимании форм семьи [5]).

5. *Не развитость культурного аспекта в сфере поощрения и защиты прав детей, проблема понимания традиционных ценностей государств и их учет в продвижении универсального правозащитного подхода.* В настоящее время наблюдается столкновение между стремлением государств отстаивать на международном уровне свои исторически сложившиеся традиции, культуру народов, с одной стороны, и искоренением на международном уровне практики применения вредных обычаев, с другой; расширением понятия индивидуальности ребенка (имя, гражданство, семейные связи) за счет включения гендерного разнообразия, появления новых типов уязвимости, с одной стороны, и запретом ранних браков, с другой; новыми «статусами от рождения» при развитии био- и репродуктивных технологий, с одной стороны, и борьбой против торговли детьми, с другой стороны. В рамках ООН государства создали Группу государств друзей семьи [6] в целях объединения усилий по защите и продвижению традиционной семьи и семейных ценностей на международном уровне.

Перспективы ООН 80+

Можно обозначить несколько перспективных направлений, которые с большой вероятностью будут реализовываться в рамках универсальной международной повестки.

1. *Расширение подхода, основанного на правах ребенка, в работе Организации Объединенных Наций.* Такой широкий подход будет включать в себя внимание к правам ребенка в деятельности всех органов, учреждений, специальных процедур ООН, что уже усматривается в расширении сферы деятельности Совета по правам человека ООН и создаваемых им механизмов расследования и отчетности (специальных миссий, имеющих в своем составе экспертов по правам ребенка); активности секретариата ООН, что выражается в многочисленных за-

¹ <https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466416>

² Ежегодный доклад Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросу о насилии в отношении детей 24.07.2025 г. A/80/258

писках и докладах Генерального секретаря ООН, посвященных отдельным вопросам прав ребенка. В качестве сложностей, которые повлечет такое расширение подхода, основанного на правах ребенка в работе ООН, можно отметить фрагментацию международного правового регулирования, появление конкурирующих друг с другом актов мягкого международного права, широкое толкование и даже замену смысла договорных норм международных соглашений, конкуренцию юрисдикционных полномочий международных договорных органов, разное толкование ими международных договоров в аспекте прав детей.

2. *Противоречие между рекомендациями/замечаниями в адрес государств по обязательствам из Конвенции о правах ребенка и формированием универсальных подходов в области «новых» прав детей (цифровые права, нейро-права, экологические права).* В качестве примера можно привести замечания КПП ООН по 6 и 7 периодическим докладам РФ по Конвенции о правах ребенка, связанные с введенными в РФ запретами на определенные социальные сети (Facebook и Instagram) по причине их дискриминационной политики¹, и, несмотря на это, обеспечением, по мнению Комитета ООН по правам ребенка, доступа детям к информации, в том числе путем отмены запретов и произвольных ограничений, действующих в государстве-участнике в отношении платформ социальных сетей, таких как Facebook, TikTok и Twitter, а также путем проведения кампаний по цифровым правам детей. С другой стороны, в актах мягкого права ООН о влиянии технологий, о неприкосновенности частной жизни, о роли семьи отмечается негативное влияние на детей информационных технологий, социальных сетей, невозможности родителей справляться самостоятельно с цифровыми угрозами для несовершеннолетних, о приоритете коммерческих интересов над правами детей². На международном уровне отме-

¹ В ответах РФ (по периодическим Докладам № 6 и 7 об исполнении обязательств РФ по Конвенции о правах ребенка ООН) содержится следующая информация о цифровых угрозах правам детей: «Требование об отмене запретов и ограничений в отношении платформ социальных сетей является необоснованным ввиду развернутой широкомасштабной антироссийской информационной кампании, предусматривающей, в том числе снятие запрета для жителей ряда стран на размещение информации, содержащей призывы к убийству граждан Российской Федерации. С учетом дискриминационных действий социальных сетей Facebook и Instagram, принадлежащих транснациональной компании Meta Platforms Inc., по требованиям Роскомнадзора доступ к социальным сетям ограничен на территории Российской Федерации, а деятельность компании запрещена на основании решения суда. Кроме того, Следственным комитетом Российской Федерации расследуется уголовное дело по факту наличия в действиях лиц из числа руководства и сотрудников компании признаков экстремистской и террористической деятельности» // Ответы Российской Федерации на перечень вопросов в связи с ее объединенными шестым и седьмым периодическими докладами. CRC/C/RUS/RQ/6-7

² Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Рабочее совещание экспертов по вопросу о роли семьи и ориентированных на семью подходов, политики и программ в поощрении и защите прав человека и в устойчивом развитии», 23.07.2025. A/HRC/60/44.

чается необходимость принятия типового закона по минимальным стандартам безопасного и этичного использования нейротехнологий, введения возрастных ограничений для цифровых и нейро-прав¹.

3. *Полный переход от «подхода, основанного на охране (защите) детей, обеспечении их благополучия» к «подходу, основанному на правах ребенка» с непосредственным участием детей и молодежи в механизмах защиты своих прав, международных институтах, обеспечивающих принятие решений о правах детей, для работы над Замечаниями общего порядка Комитета по правам ребенка.* В качестве примера можно привести Замечание общего порядка Комитета № 26 (2023) о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата, в котором предлагается национальным государствам реализовать расширение процессуальных гарантий защиты прав детей, а также обеспечить их роль в качестве правозащитников².

4. *Расширение институциональной поддержки развития и вовлечения молодежи непосредственно через международные механизмы.* Так, в рамках ООН создано Молодежное бюро ООН в 2022 году³. Руководящая роль Бюро заключается в обеспечении прогресса в реализации молодежной стратегии ООН «Молодежь-2030», в поддержке осуществления Пакта во имя будущего, продвижении повестки дня по вопросу о молодежи, мире и безопасности и в расширении участия молодежи в межправительственных процессах, политических рамочных программах и операциях на местах. Таким образом происходит непосредственное привлечение молодежи в проекты предпринимательства, трудовой занятости, правозащитной деятельности, развития новых прав детей.

5. *Появление нового типа международных соглашений, расширяющих роль неправительственных акторов, в т.ч. непосредственно привлекающих молодежь и детей к проектам, реализуемым в рамках таких глобальных соглашений (в частности, расширение платформ социальных сетей и вовлечение в них несовершеннолетних).* В качестве примера можно привести Глобальный цифровой договор, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 г. в рамках Саммита будущего. На голосовании в Генеральной Ассамблее ООН Россия дистанцировалась от консенсуса и не поддержала ГЦД - проблемными областями стали - роль неправительственных акторов, а также проблематика уважения государственного суверенитета в цифровом пространстве⁴.

¹ Право на неприкосновенность частной жизни. Записка Генерального секретаря на основе доклада, подготовленного Специальным докладчиком по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни Аной Браян Нугререс Аны Браян Нугререс «Элементы для разработки типового закона о нейротехнологиях и обработке нейроданных с точки зрения права на неприкосновенность частной жизни», 31.07.2025 г. A/80/283.

² Замечание общего порядка № 26 (2023) о правах детей и окружающей среде с особым упором на изменение климата (CRC/C/GC/26 от 22.08.2023 г.)

³ Молодежное бюро Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря, 8.07.2025. A/79/986

⁴ Страны – члены ООН приняли Пакт будущего, несмотря на возражение России // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21927535>

Список источников

1. Тарасова А. Е. Дети под санкциями: несоответствие односторонних действий государств международному праву в отношении новых территорий РФ // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 17–18 апреля 2024 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 43-48. – EDN QRJXKL.
2. Тарасова А.Е. Ордер МУС как санкция на международную гуманитарную деятельность // https://zakon.ru/blog/2023/04/26/order_mus_-_kak_sankciya_na_mezhdunarodnuyu_gumanitarnuyu_deyatelnost
3. Медведев Д. А. Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение. 2025. Т. 69, No 1. С. 3–23. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.101>
4. Brian Milne. Rights of the Child. 25 Years After the Adoption of the UN Convention. Springer Cham. DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-319-18784-6> eBook ISBN978-3-319-18784-6 Published: 30 June 2015
5. Тарасова А. Е. Право ребенка на семью: международное и национальное развитие социальных и правовых принципов, касающихся защиты и благополучия детей // Международная и национальная защита прав детей и семьи: итоги и перспективы 30-летия международного года семьи и национального года семьи в РФ : Сборник статей по итогам работы секции «Международная и национальная защита прав детей и семьи» Международной научно-практической конференции «67-е ежегодное собрание Российской ассоциации международного права, РАМП», Москва, 01–02 июля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 119-143. – EDN ITXZCG.
6. Тарасова А.Е. Институт семьи – как новый мост дипломатии и международного сотрудничества: итоги 30-летия Международного года семьи. США – на пути к группе друзей семьи ООН? // https://zakon.ru/blog/2025/01/31/institut_semi_kak_novyj_most_diplomatii_i_mezhdunarodnogo_sotrudnichestva_itogi_30-letiya_mezhdunar

© Тарасова А.А., 2025

Козлов Александр Николаевич

Вице-консул Почетного консульства Республики Болгария в городе Уфе,
г. Уфа, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ООН И ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Исторически арабский мир внес значительный вклад в развитие естественных и гуманитарных наук: многие современные научные концепции и термины имеют арабские корни, а ключевые труды античных мыслителей дошли до Европы именно через арабские переводы и комментарии. Однако начиная с позднего Средневековья в регионе наблюдается постепенное снижение научной активности, что привело к длительному технологическому отставанию. В то же время Европа, освоившая накопленные в исламском мире знания, ускорила собственное научное и институциональное развитие.

Несмотря на значительные нефтяные доходы, большинство арабских государств сохраняют высокую зависимость от западных технологий, образовательных систем и финансовых институтов. Эта зависимость усугубляется внешними ограничениями, включая экспортные контрольные режимы и санкционные меры, которые затрудняют развитие собственных научно-технических компетенций. Соединённые Штаты, преследуя собственные геополитические цели, оказывают влияние на процессы государственного строительства в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, в том числе посредством поддержки определённых политических сил и участия в корректировке границ. Такие случаи, как Афганистан, Ирак и ситуация вокруг Ирана, демонстрируют, насколько чувствительно Запад реагирует на попытки этих стран проводить независимую внешнюю политику, включая развитие собственных научных и оборонных программ.

Сирия, опираясь на внутренние ресурсы и развивая национальные производственные мощности, добилась определённой автономии в лёгкой промышленности и социальной сфере, сократив при этом зависимость от импорта. Подобные усилия других государств вызывают обеспокоенность у тех западных акторов, чьи интересы связаны с сохранением одностороннего влияния в регионе. В то же время страны, придерживающиеся проамериканского курса, получают политические и экономические преференции.

Египет в последние десятилетия переживает череду политических кризисов, что отчасти объясняется вмешательством внешних сил в региональные процессы – в том числе через использование экономических, информационных и дипломатических рычагов давления. На этом фоне Лига арабских государств, будучи важным форумом для координации позиций, в ряде случаев действует в соответствии с интересами крупных держав, что снижает ее самостоятельность как регионального института. В отличие от этого, внешняя политика России, основанная на принципах суверенного равенства государств и невмешательства

во внутренние дела, способствует укреплению стабильности и созданию условий для диалога в регионе.

Наследие колониальной политики, включая принцип «разделяй и властвуй», продолжает влиять на внутрирегиональные противоречия. Например, значительная часть арабских финансовых активов размещена в западных банковских и инвестиционных институтах, что ограничивает возможности их использования для внутреннего развития мусульманских стран.

После распада СССР Соединенные Штаты Америки стали рассматривать исламский мир как потенциальный источник геополитической нестабильности. В этой связи предпринимались усилия по предотвращению формирования устойчивого арабо-исламского сотрудничества, в том числе через дестабилизацию отдельных государств и поддержку фрагментации политического пространства.

Интересы России и стран арабо-исламского мира в определённой степени совпадают в стремлении к формированию более сбалансированной, многополярной системы международных отношений. Учитывая общий подход к таким принципам, как уважение суверенитета и невмешательство, сотрудничество между Россией и исламскими государствами имеет значительный потенциал.

Организация Объединённых Наций, объединяющая 193 государства, формально призвана способствовать миру и развитию, однако ее функционирование в значительной мере зависит от финансовых и политических возможностей наиболее влиятельных членов¹. Штаб-квартира ООН расположена на территории, предоставленной Соединёнными Штатами, а основная доля внебюджетных взносов поступает от западных стран, что обеспечивает им непропорциональное влияние на повестку дня и решения организации. В частности, право вето в Совете Безопасности неоднократно использовалось для блокирования резолюций по Ближнему Востоку, включая инициативы, касающиеся гуманитарной ситуации в Газе.

Западные государства сохраняют влияние на бывшие колонии, в том числе через продвижение определённых идеологических установок и оказание финансовой помощи, нередко связанной с выполнением политических условий. При этом в некоторых странах Запада наблюдается тенденция к регулированию религиозной практики мусульманского населения: вводятся ограничения на ношение религиозной одежды в государственных учреждениях, запрещаются коллективные молитвы в школах, предусматриваются требования к участию в физкультурных занятиях в стандартной форме, а также отсутствует обеспечение халяльным питанием в общественных столовых. Подобные меры часто оправдываются ссылками на светский характер государства и права человека, однако вызывают критику со стороны мусульманских общин и правозащитных организаций.

¹ Глава ООН высказался за инновационные подходы к финансированию развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/desa/global-finance-for-sustainable-development> (дата обращения: 10.09.2025).

Организация исламского сотрудничества, объединяющая 57 государств, была создана в 1969 году после поджога мечети Аль-Акса и с тех пор играет важную роль в координации позиций мусульманских стран по ключевым международным вопросам [1, с. 114]. ОИС активно участвует в урегулировании конфликтов, гуманитарных операциях и защите прав мусульманских меньшинств. Её роль отмечается и в Совете Безопасности ООН, где подчеркивается значение ОИС в условиях растущей геополитической нестабильности.

Совместные усилия ООН и ОИС направлены, в частности, на урегулирование палестино-израильского конфликта. Лидеры ОИС и Лиги арабских государств неоднократно призывали к соблюдению международного права и выступали против действий, квалифицируемых как нарушения гуманитарных норм. В контексте кризиса в Газе ООН неоднократно предупреждала о рисках продовольственной катастрофы; Израиль, в свою очередь, представлял данные о поставках гуманитарной помощи. Заместитель генерального секретаря ООН Халед Хиари выразил признательность ОИС и ЛАГ за поддержку инициатив по восстановлению инфраструктуры в Газе и за участие в дипломатических усилиях, направленных на реализацию концепции сосуществования двух государств.

ОИС также участвует в оказании гуманитарной помощи Афганистану, уделяя особое внимание защите прав женщин и девочек, а также поддерживает рохинджа, выступая за создание условий их безопасного и добровольного возвращения в Мьянму. В Судане организация содействует международным усилиям по прекращению насилия. Кроме того, совместные программы реализуются в Сирии, Йемене и регионе Сахеля.

Важным направлением сотрудничества остаётся противодействие исламофобии и защита прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Такое взаимодействие способствует снижению напряжённости и укреплению доверия между культурами.

Россия развивает отношения с мусульманскими странами и ОИС, рассматривая их как важных партнеров в формировании многополярного миропорядка. Сотрудничество строится на основе уважения международного права и общих подходов к вопросам безопасности, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом и киберпреступностью, а также защиту культурного и религиозного многообразия. Особое внимание уделяется выработке этических норм в сфере искусственного интеллекта и противодействию навязыванию чуждых ценностей в глобальном информационном пространстве.

Разъяснению позиции России способствует активная работа в информационной среде. Так, на официальной странице МИД РФ размещаются материалы, информирующие о контактах глав государств, глав дипломатических ведомств и международных организаций, брифингах официального представителя внешнеполитического ведомства [2, с. 116].

Российско-исламские связи укрепляются на политическом, парламентском и гуманитарном уровнях: возобновлены консультации между МИД России и Генеральным секретариатом ОИС, расширяется обмен в сфере образования, науки и культуры, включая совместные проекты по изучению исламского наследия. В российских вузах обучаются тысячи студентов из стран ОИС, а мо-

лодѣжь из России получает образование в университетах мусульманских государств [3].

Что касается палестинского вопроса, представители движения «Хамас» критикуют планы, предполагающие урегулирование без учета права палестинцев на самоопределение и возвращение к границам 1967 года. Они подчеркивают, что любые решения должны основываться на прекращении оккупации и признании законных прав палестинского народа.

Саудовская Аравия последовательно заявляет, что установление дипломатических отношений с Израилем возможно только после создания независимого палестинского государства, и эта позиция остается неизменной.

Россия поддерживает урегулирование конфликта на основе сосуществования двух независимых государств – Израиля и Палестины, что соответствует позиции большинства стран мира. Подчеркивается, что любые инициативы, предполагающие принудительное перемещение населения, неприемлемы и противоречат международному праву.

Заявления бывшего президента США Д. Трампа о возможном переселении жителей Газы вызвали широкую критику как в арабском мире, так и среди западных партнёров. Ведущие американские и арабские СМИ отметили, что такие предложения могут нарушать нормы международного гуманитарного права и провоцировать дальнейшую эскалацию. Некоторые политики выразили сомнение в реализуемости подобных планов, в том числе с точки зрения внутренней поддержки в США.

Арабское издание «Аш-Шарк Аль-Аусат» назвало высказывания Трампа шокирующими и предупредило о возможном росте напряженности в регионе. Правозащитные организации указали на риски, сопоставимые с практиками принудительного перемещения населения.

Список источников

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Компетенция Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3 (20). – С. 113–119.
2. Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Внешняя политика государства в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 4 (50). – С. 114–119.
3. Сулейманова Р.Р. Роль Башкирского государственного университета в формировании международного имиджа Республики Башкортостан // Организация Объединенных наций – универсальный центр поддержания мира и обеспечения международной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13 ноября 2015 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. – С. 118–125.

Салимьянова Зия Шамиловна

Начальник Отдела Национального центрального бюро Интерпола МВД
России по Республике Башкортостан, полковник полиции, г. Уфа, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Введение. Организация Объединенных Наций (ООН) – одна из крупнейших международных организаций, созданных для поддержания мира и безопасности на планете. Ее деятельность охватывает широкий спектр мер, направленных на предотвращение конфликтов, их урегулирование, а также укрепление мира и стабильности. В данной статье рассмотрены основные направления работы ООН в области поддержания международного мира и безопасности, а также эффективность и вызовы, с которыми сталкивается организация.

Исторический аспект создания ООН и ее основные цели. Создание ООН связано с завершением Второй мировой войны и необходимостью предотвращения новых глобальных конфликтов. В 1945 году, по итогам конференции в Сан-Франциско, был принят Устав ООН, в котором закреплены основные принципы организации – уважение суверенитета государств, ненасильственное разрешение споров и недопустимость использования силы.

Главной целью ООН является поддержание международного мира и безопасности, а также содействие развитию дружественных отношений между государствами и решению глобальных проблем¹. В рамках устава заложены механизмы предотвращения конфликтов, миротворческие операции, а также санкционные меры и дипломатические усилия. Значительное внимание ООН уделяет борьбе с международной преступностью, которая реализуется в форме международных преступлений и преступлений международного характера [1, с. 27].

Основные направления деятельности ООН по поддержанию мира и безопасности. Миротворческие операции. Одним из ключевых инструментов ООН являются миротворческие миссии. Они предназначены для наблюдения за соблюдением перемирия, разоружения, восстановления мира и оказания гуманитарной помощи. Такие операции не используют силу как средство принуждения, а основываются на мандате Совета Безопасности.

За последние десятилетия численность миротворческих операций значительно увеличилась. Среди наиболее известных – миссии в Косово, Дарфуре, Либерии, Мали и Южном Судане. Эти операции помогают стабилизировать ситуацию в регионах, где происходят вооруженные конфликты.

Дипломатия и превентивные меры. Дипломатические усилия – важный инструмент предотвращения конфликтов. ООН активно занимается посредни-

¹ Устав ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 05.09.2025).

чеством между конфликтующими сторонами, организует переговоры, созывает специальные конференции и использует свои механизмы для урегулирования кризисных ситуаций.

Превентивные меры включают мониторинг ситуации, работу с конфликтующими сторонами, содействие в проведении реформ и укреплении институтов власти, а также использование санкционных мер, направленных на сдерживание агрессивных действий.

Санкционные меры. Совет Безопасности имеет право вводить санкции, включая эмбарго на вооружения, финансовые ограничения, замораживание активов и визовые ограничения. Эти меры призваны оказывать давление на государства или группы, нарушающие международное право и угрожающие миру.

Международное право и контроль над вооружениями. ООН занимается развитием международного права в сфере контроля над вооружениями, нераспространения ядерных и химических оружий, а также разоружения. Организация проводит переговоры по договорам, таким как Договор о нераспространении ядерного оружия, а также способствует реализации соответствующих соглашений.

Гуманитарная деятельность и восстановление мира. Помощь пострадавшим от конфликтов, восстановление инфраструктуры, содействие в проведении выборов и укреплении правовых институтов — важные компоненты деятельности ООН. В этом контексте работают такие организации, как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Всемирная продовольственная программа, Врачи без границ и другие.

Эффективность деятельности ООН и вызовы. Несмотря на множество успешных операций и инициатив, деятельность ООН сталкивается с рядом проблем. Во-первых, часто в конфликтных ситуациях страдают основные принципы организации, например, в случаях, когда постоянные члены Совета Безопасности используют право вето.

Во-вторых, миротворческие операции не всегда приводят к долгосрочной стабилизации. Продолжительные конфликты, такие как в Сирии или Йемене, показывают сложности в достижении мира.

Кроме того, политика государств, их национальные интересы и геополитические противоречия мешают принятию решений и реализации программ. В условиях современного мира возрастает роль негосударственных акторов — организаций или групп, которые не являются суверенными государствами, но оказывают значительное влияние на международные отношения и мировую политику, что также усложняет деятельность ООН.

Современные тенденции и перспективы развития. В условиях глобализации и новых угроз, таких как кибербезопасность, терроризм, изменение климата, деятельность ООН должна адаптироваться к новым вызовам. К сожалению, на протяжении последних 20 лет мировое сообщество не может завершить работу по принятию Всеобъемлющей конвенции против международного терроризма, к чему на самом высоком уровне прозвучал призыв на XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Банкоке [2, с. 41]. В последние годы усилия сосредоточены на более активной

профилактике конфликтов, использовании новых технологий и расширении роли региональных организаций.

Также важным аспектом является усиление сотрудничества с неправительственными организациями, частным сектором и гражданским обществом. В будущем ожидается развитие миротворческих технологий, улучшение механизмов мониторинга и повышения эффективности санкционных мер.

Деятельность ООН по поддержанию международного мира и безопасности на примере Миссии ООН в Южном Судане. Исторический контекст ситуации в Южном Судане.

В XIX веке Судан находился под контролем Египта и Великобритании. После Первой мировой войны британская администрация поощряла антиисламские настроения на юге Судана. Во время Второй мировой войны Судан стал базой для британских сил, что привело к росту национального самосознания и политической активности. В 1956 году Судан провозгласил независимость.

Различия между мусульманским севером и христианским югом Судана привели к 17-летней гражданской войне, завершившейся в 1972 году предоставлением автономии югу. В 1983 году президент Нимейри объявил Судан исламской республикой, что привело к Второй гражданской войне, длившейся 22 года и завершившейся в 2005 году. В 2011 году Южный Судан провозгласил независимость.

Причинами конфликта стали религиозные, языковые и культурные различия, а также нефтяные месторождения. Спорный район Абьей остается зоной напряженности между Суданом и Южным Суданом. Миротворческие силы ООН (UNISFA) находятся в Абьее с 2011 года.

Несмотря на обретение независимости, Южный Судан столкнулся с внутренними конфликтами, связанными с политической борьбой за власть и ресурсы. Соперничество между различными этническими группами, а также коррупция и неэффективное управление, привели к ухудшению гуманитарной ситуации и массовым перемещениям населения.

Международное сообщество, включая Африканский союз и региональные организации, активно участвовало в посреднических усилиях для урегулирования конфликтов в Южном Судане. Однако, несмотря на заключение ряда мирных соглашений, нестабильность и насилие продолжают оставаться серьезной проблемой.

Экономика Южного Судана сильно зависит от экспорта нефти, который является основным источником дохода. Однако колебания цен на нефть и перебои в добыче, связанные с конфликтами, оказывают негативное воздействие на экономическую ситуацию в стране. Развитие других секторов экономики, таких как сельское хозяйство и инфраструктура, остается ограниченным.

В настоящее время усилия международного сообщества направлены на поддержку мирного процесса в Южном Судане, укрепление государственных институтов, улучшение гуманитарной ситуации и содействие экономическому развитию. Однако для достижения устойчивого мира и процветания необходимы долгосрочные усилия и приверженность всех сторон конфликта.

Роль Миссия ООН в Южном Судане. В 2011 году была создана Миссия ООН в Южном Судане (МООНЮС) – одна из крупнейших миротворческих миссий в истории. Ее задача – защита гражданских лиц, содействие в выполнении соглашений о прекращении огня, поддержание мира и оказание гуманитарной помощи.

Миссия насчитывает десятки тысяч миротворцев, специалистов и добровольцев, которые работают в условиях постоянных угроз насилия. Одной из важнейших задач является защита гражданских лиц, особенно женщин и детей, от нападений и насилия.

Деятельность по обеспечению безопасности и стабилизации. Миротворцы участвуют в патрулировании зон конфликта, обеспечивают безопасность гуманитарных конвоев и помогают в подготовке к проведению выборов, оказании гуманитарной помощи и восстановлении инфраструктуры. Важной задачей является содействие в разоружении вооруженных группировок и восстановлении государственных институтов.

Мирные соглашения и дипломатическая деятельность. Несмотря на сложности, в 2018 году были достигнуты соглашения о прекращении огня, создана совместная команда по разоружению и восстановлению. ООН активно участвует в дипломатической деятельности, поддерживая диалог между сторонами конфликта.

Гуманитарная помощь и восстановление. ООН и ее партнеры предоставляют продовольствие, медикаменты, временное жилье и медицинскую помощь миллионам пострадавших. Важной задачей является предотвращение голода и эпидемий, связанных с разрушением систем здравоохранения и сельского хозяйства.

Достижения и вызовы. Несмотря на значительные усилия, ситуация в Южном Судане остается сложной. Миротворческая миссия сталкивается с угрозами со стороны вооруженных группировок, а также с ограничениями со стороны правительства и некоторых сторон конфликта. Внутренние разногласия, отсутствие централизованного управления и продолжающиеся боевые действия препятствуют установлению стабильности.

Однако, благодаря деятельности ООН, в регионе наблюдается снижение уровня насилия, происходит возвращение беженцев и начало восстановления инфраструктуры. Важным аспектом является укрепление дипломатических связей и подготовка к проведению всеобщих выборов.

Итоги и перспективы. Деятельность ООН в Южном Судане показывает, насколько важна комплексная стратегия, сочетающая военные, дипломатические и гуманитарные меры. Несмотря на сложности, роль организации в стабилизации ситуации и содействии миру остается ключевой. Перспективы дальнейшего развития связаны с необходимостью усиления миротворческих сил, повышением эффективности дипломатических усилий и расширением гуманитарной помощи [3].

Заключение. Организация Объединенных Наций продолжает играть важнейшую роль в поддержании международного мира и безопасности. В случае Южного Судана деятельность ООН демонстрирует, что даже при сложных

условиях долгосрочные усилия могут привести к снижению насилия, восстановлению инфраструктуры и подготовке к проведению демократических процессов. Однако, для достижения устойчивого мира необходимо постоянное совершенствование механизмов, расширение международного сотрудничества и активная работа с внутренними актерами конфликта.

Несмотря на сложности и вызовы, организация остается ключевым институтом для урегулирования конфликтов и предотвращения новых войн. Для повышения эффективности необходимо укреплять механизмы принятия решений, расширять сотрудничество с региональными структурами и развивать новые стратегии против современных угроз.

Список источников

1. Нигматуллин Р.В. Преступления международного характера // Международное публичное и частное право. – 2009. – № 2. – С. 27–31.
2. Нигматуллин Р.В. Одиннадцатый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 5. – С. 41–43.
3. Фазельянов Э.М. Проблемы реализации Всеобъемлющего мирного соглашения, подписанного в 2005 г. между Севером и Югом Судана // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 48–58.

© Салимьянова З.Ш., 2025

Mostafa Abadikhah Samad

Associate Professor of the Department of International and Integration Law,
Ufa University of Science and Technology, Institute of Law, Ph.D. of Public
International Law, dr.mostafaabadikhah@gmail.com

**TRACES OF SHARIAH LAW WITHIN THE INTERNATIONAL
INVESTMENT MANUALS: A BASIC ANALYSIS
OF THE MODERN ARAB STATES OF MIDDLE EAST**

Abstract. The investment in modern Arab states of Middle East i.e., Saudi Arabia, United Arab Emirates, Qatar, Oman, Kuwait, Bahrain equals to investment in Islamic states because the main source of legal system in this geographical realm is Shariah law. Considering the impacts of Shariah law on international investment process within the Islamic societies, the Arab states have to try to show their legal system by publishing foreign investment manuals. **Purpose:** The article aims at discussing what is a good framework of an investment manuals in Islamic societies and to what extent the investment manuals, published by the Modern Arab states of Middle East, have provided a clear framework regarding the impact of Sharia law on foreign investment process. **Methodology:** In accordance with the purpose, the article uses the qualitative and analytical methods to analyze and compare the relevant international investment manuals of Islamic states. **Findings:** This article has come to the conclusion that a good manual should include three parts: first, paying attention to the impact of Sharia law on other laws and culture of the host Islamic society. Second, to present the domestic organizations which consider the compliance of the investment process with Sharia law. Third, it should examine the impact of Sharia law on the judicial system of the host state. The thing is, although all the Modern Arab states in Middle East have tried to depict the impact of Sharia law on the investment process in their societies, the kingdom of Saudi Arabia, which is considered the cradle of Islam, provides a more accurate framework for such an impact. **Originality:** First, in general, no study or article has addressed the dimensions of the impact of Sharia law on the foreign investment process in line with the investment manuals, and the article examines the dimensions of the impact in three areas. Second, previous researches regarding investment manuals have not paid attention to the modern Arab states in the Middle East and this study has tried to make the investment process in these states more transparent.

Keywords: Shariah law, foreign investment, Middle East, Arab states, Islamic law

Introduction. Sharia law is governing the Islamic societies¹. The Arab states located in the Middle East, i.e., Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Bahrain, Qatar, Kuwait and Oman, which have Islamic societies, have made many efforts to attract foreign investors in the last decade². These states are trying to provide a precise and transparent framework of their societies. One of their measures is to publish the international investment manuals that specify the dimensions of investment in the Islamic society. In general, these manuals are published by different states in the world and give useful information to the investor regarding the dimensions of investment in the host state³. However, publishing these manuals by an Islamic state to attract foreign investors is different from other booklets; Because the Islamic state is the place where Sharia law is enforced, and Sharia law undoubtedly affects investment and economic relations. In line with the publication of these manuals, an Islamic state must point out the dimensions of the impacts of Sharia law on the investment process in order to clarify its legal system.

In recent years, Middle Eastern Arab states have published investment manuals with different titles such as “foreign investment manuals”, “foreign Investment Guide”, “Economic Relations Guide”, “Investment and Business Booklet”, “Commercial Relations Guide Statement” and “Foreign Investment Process Guide in Host state”. Although the titles are different, all these manuals include almost similar contents. For example, the Investor guide published by ministry of investment of Sultanate of Oman includes contents like Investor protection, Business of all sizes, online Commercial registration, various industries, international agreements, legislations, corporate structure, public sector organizations, Banking and finance, investment dispute settlements and investment infrastructures⁴.

In line with the answer to the main question of the present article namely, to what extent the investment manuals published by the Arab states of the Middle East have provided a clear framework regarding the impact of Sharia law on foreign investment, three hypotheses are raised: The Islamic society in the Arab states of the Middle East is governed by Sharia law. Arab states of the Middle East pay some attention to Sharia law under investment manuals, but it is not enough. In this regard, only Saudi Arabia has provided a good framework. Third, a good manual should include three parts: first, paying attention to the impact of Sharia law on other laws and culture of the host Islamic society. Second, to present the domestic organizations

¹ Toni Johnson, and Mohammed Aly Sergie, *Islam: Governing Under Sharia* - Council on Foreign Relations, July 2014, p. 1, available at, https://www.files.ethz.ch/isn/182296/Islam_%20Governing%20Under%20Sharia%20-%20Council%20on%20Foreign%20Relations.pdf (accessed: Sept. 9, 2025).

² International monetary fund, *Annual meeting of Arab finance ministers, Investment and Growth in the Arab World*, April 2016, available at, <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2016/050216.pdf> (accessed: Sept. 9, 2025).

³ Wael Saghir, *Categorizing Foreign Direct Investment Protection Mechanisms*, *IALS Student Law Review*, Volume 6, Issue 1, Spring 2019, p. 4. Available at <https://openresearch.lsbu.ac.uk/download/6f79f1671b16664eda2ce17d5e342327848003de3bbfc76828e0b32d3c3c5f57/340981/document.pdf> (accessed: Sept. 5, 2025).

⁴ Ministry of investment, Sultanate of Oman, June 2021, available at, <https://oabc.org/wp-content/uploads/2023/09/Investor-Guide-.pdf> (accessed: Sept. 8, 2025).

which consider the compliance of the investment process with Sharia law. Third, it should examine the impact of Sharia law on the judicial system of the host state. In accordance with the hypotheses, the current article proceeds in four steps. Part 1, focuses on international investment manuals of Arab states and their attention to Shariah law in general. Part 2 ponders the main relevant organizations which are mentioned under manuals as responsible ones for checking the conformity of foreign investment with Shariah law. Part 3, considering the judiciary system of Arab states, the paper analyzes the impacts of Shariah law on their judiciary. The last part concludes.

1. Investment manuals and attention to Shariah law in general. The Arab Islamic states placed in Middle East try to depict their legal system through Investment manuals. Qatar as an Islamic state in this geographical realm clarified the way for foreign investors who dream to invest in Qatar. The council of US-Qatar as a governmental branch released the investment and business manual in 2020 titled “an introductory business guide on Qatar”¹. This guide is fully considering the Islamic rules and regulations in Qatari society. The guide mentioned that, hierarchically, the Shariah law is placed at top in the Qatari legal system. As it states, Islam is the official religion in the country, and Sharia is the major legislation in Qatar².

Recently, the state of Kuwait has gotten the foreign investors’ attention. In this direction, the publishing of Investment guides and manuals play big role to pave the investors’ way. The state of Kuwait by considering the aspects of Shariah Law under the investment manuals which are published by Kuwait direct investment promotion Authority tried to guide the foreign investors in connection with Shariah law. According to the investment manual titled “a guide for investment opportunities in Kuwait”, the legal system of Kuwait offers a balanced mix of a moderately conservative society built upon traditional Islamic customs and Shariah law combined with a progressive outlook and acceptance of new concepts³.

Saudi Arabia as another leading states in hosting foreign investors in Middle East is known the heart of Islam. This Islamic state not only attract foreign investors by making more opportunities foreign investors, but also inform them regarding Shariah and main legal system in peninsula which is based on moderate Islamic law. The recent published investment guide for attracting foreign investment is doing big role to inform the foreigners on Shariah law flowing in all aspects of society. The manual titled “investment guide: kingdom of Saudi Arabia” released in 2023 by government

¹ US-Qatar business council, An introductory business guide on Qatar, May 2020, p. 1, available at, <https://usqbc.org/public/documents/upload/Introductory%20Business%20Guide%20on%20Qatar.pdf> (accessed: Sept. 1, 2025).

² US-Qatar business council, An introductory business guide on Qatar, May 2020, p. 5, available at, <https://usqbc.org/public/documents/upload/Introductory%20Business%20Guide%20on%20Qatar.pdf> (accessed: Sept. 1, 2025).

³ Kuwait direct investment promotion Authority, a guide for investment opportunities in Kuwait, 2016, p. 9, available at, <https://e.kdipa.gov.kw/main/KDIPA-Investment-Guide-2016.pdf> (accessed: Sept. 8, 2025).

of Saudi Arabia¹. According to the manual, Islamic moderate rules are flowing in all sectors of society because the main source of Islam i.e., Quran is Constitution of Kingdom. In general, Saudi Arabia has no legislative body. The full power lies with the king as he combines legislative, executive and judicial functions and royal decrees form the basis of the country's legislation. As King, Prime Minister and President of the Council of Ministers the King must comply with Sharia law and the Quran, which is regarded as the country's constitution².

The Kingdom of Bahrain, as a small state with an Islamic society, every year publishes investment manuals suitable for investment in each sector, such as "Industrial Investment Guide 2024"³ and also "Investor's Comprehensive Guide"⁴. Although, according to the "Investor's Guide", 85 % of Bahrain's population is Muslim⁵, there is nothing about the Islamic legal system of Bahrain under these manuals. The manner of Sultanate of Oman regarding the Shariah law under investment manuals is as like as Bahrain. Two different governmental branches of the Sultanate of Oman, i.e., Oman American business council (OABC), and the ministry of commerce and investment promotion, have published investment manuals; both manuals have neglected Shariah Law. Although the manual titled "Oman investment guide", published by Ministry of commerce and investment promotion in June 2024 provides necessary information regarding investment in Oman for the foreign investors, it doesn't mention anything regarding Shariah Law in Omani Society⁶. The same goes for the manual titled "investor guide" which is published by OABC in September 2023⁷.

United Arab Emirates (UAE) as investment-friendly realm is at the center of foreign investors' attention who dream to invest in Middle East. Like the other Arab states in this geographical realm, UAE provides investor manuals in various sectors

¹ Government of Saudi Arabia, Investment guide: kingdom of Saudi Arabia, 2023, available at, <https://www.roedl.com/en-gb/de/media/publications/investment-guides/documents/investment-guide-saudi-arabia-roedl-partner.pdf> (accessed: Sept. 1, 2025).

² Government of Saudi Arabia, Investment guide: kingdom of Saudi Arabia, 2023, p. 9, available at, <https://www.roedl.com/en-gb/de/media/publications/investment-guides/documents/investment-guide-saudi-arabia-roedl-partner.pdf> (accessed: Sept. 1, 2025).

³ Bahrain ministry of Trade, Industrial investment guide, 2024, available at https://media.moic.gov.bh/iig/IIG_Guide.pdf (accessed: Oct. 8, 2025).

⁴ The office of United Nation Industrial Development Organization in Bahrain, investor's Guide, 2024, available at, https://www.unido.org/sites/default/files/2008-05/investorsguide_0.pdf (accessed: Oct. 8, 2025).

⁵ The office of United Nation Industrial Development Organization in Bahrain, investor's Guide, 2024, p.2, available at, https://www.unido.org/sites/default/files/2008-05/investors-guide_0.pdf (accessed: Oct. 8, 2025).

⁶ Ministry of commerce and investment promotion, Oman investor Guide, June 2024, available at, <https://tejarah.gov.om/storage/information/01HZH8HR93HPWE0RQASSH175MZ.pdf> (accessed: Oct. 8, 2025).

⁷ OABC, investor guide, September 2023, available at, <https://oabc.org/wp-content/uploads/2023/09/Investor-Guide-.pdf> (accessed: Oct. 8, 2025).

based on their features such as “UAE freezone investor guide”,¹ “UAE import and export guide”,² “Dubai health investment guide”³ and “investment funds and investment managers”⁴. It is important to note, although there are some manuals which make the investors’ way clear, there is lack of attention to Shariah law in majority of them. However, one of the mentioned manuals, i.e., Investment funds and investment managers speaks about some special rules of Shariah law which are considered in UAE like interest system and halal profit in conformity with Islamic Shariah⁵.

2. The main organizations in observing the conformity of investment with Shariah. The second feature of a good investment manual is to consider the relevant organizations or institutions which are responsible for analyzing foreign investment in compliance with Shariah law. Qatari ministry of Endowments and Islamic Affair (called *Awqaf* in Arabic) is the responsible branch to analyze the conformity of Investments and businesses with Shariah law. Qatari investment manual states that the Ministry of *Awqaf* apply Islam both as a methodology and ideology. the Ministry has overall responsibility for all Islamic Affairs issues, including the Zakat charity fund, and the building and licensing of mosques⁶. It shows that as soon as foreign investor makes a decision to build a mosque in Qatar, he needs to request the licenses from the Islamic Affairs ministry of *Awqaf*.

According to the new investment manual of Saudi Arabia, all relevant Islamic issue regarding international investment process in kingdom is up to the ministry of investment. Zakat is one of the important contents of Shariah law and in all international investment process is at the center of attention. The government considers the Zakat certificate, which is issued by ministry of Investment as one of the requirements. Based on the manual, before applying for the investment process, the investor must confirm that the Certificate of Zakat and Income is valid; also, a valid Zakat Certificate must be attached if the information is missing when submitting the appli-

¹ UAE government, UAE freezone investor guide, 2024, available at, <https://www.enec.gov.ae/en/doc/freezone-investor-guide-rev11-5fad25b64c542.pdf> (accessed: Oct. 9, 2025).

² UAE government, UAE import and export guide, 2024, available at, <https://u.ae/-/media/Information-and-services/Business/UAE-imports-and-exports-guide-eng.pdf> (accessed: Oct. 9, 2025).

³ Dubai health authority, Dubai health investment guide, 2023, available at, <https://www.dha.gov.ae/uploads/022022/Dubai%20Health%20Investment%20Guide%20en2022221649.pdf> (accessed: Oct. 9, 2025).

⁴ Federal Tax authority, investment funds and investment managers, may 2024, available at, <https://tax.gov.ae/Datafolder/Files/Guides/CT/CT%20Guide%20-%20Investment%20Funds%20and%20Managers%2006%2005%202024.pdf> (accessed: Oct. 9, 2025).

⁵ Federal Tax authority, investment funds and investment managers, may 2024, p. 16, available at, <https://tax.gov.ae/Datafolder/Files/Guides/CT/CT%20Guide%20-%20Investment%20Funds%20and%20Managers%2006%2005%202024.pdf> (accessed Oct. 9, 2024).

⁶ US-Qatar business council, An introductory business guide on Qatar, May 2020, p. 10, available at, <https://usqbc.org/public/documents/upload/Introductory%20Business%20Guide%20on%20Qatar.pdf> (accessed: Oct. 1, 2025).

cation¹. In addition, in the case of cancellation, the investor must go through Zakat and Tax income department which is under the ministry of investment².

The significant point regarding the other Arab states' investment manuals like Oman, Kuwait, Bahrain and UAE is the lack of special attention to relevant organization. In other words, the manuals only address the relevant organizations and sectors in connection with Islamic and religious affairs, but don't clarify their role in foreign investment process. In accordance with the Omani investment manual, the ministry of *Awqaf* and religious affairs is one of the responsible organizations but there is no information about role of this ministry in investment process³. In addition, although the General Authority of Islamic Affairs and endowments is the responsible organization regarding the Shariah-based issue in connection with foreign investments in UAE⁴, none of the Emirate investment manuals talk about it.

3. The Impact of Shariah law on Judiciary under investment manuals.

The third feature of a comprehensive investment manual is to pay attention to the Shariah law and its impacts on judicial system. In fact, there is a possibility that the foreign investor will face challenges and disputes in line with the foreign investment which need to be settled in the judicial system of the host Islamic states. In this direction, the investment manuals of Islamic states by explaining the judiciary and the impacts of Shariah law can do effective role in clarifying the investment process. United States of America through a series of reports titled "2024 investment climate statements" for American citizens who intend to invest in Arab states of Middle East analyzing the judicial systems and impacts of Shariah law. In accordance with the report, the legal system and judiciary of Oman incorporates elements from a variety of legal traditions, most notably modern English, and French law, as well as Islamic law⁵. The same goes for the reports about judiciary of UAE as it states, Islam is identified as the state religion in the UAE constitution and serves as the principal source of domestic law. Domestic law is a dual legal system of civil and Sharia laws – the majority of which have been codified. Most codified legislation in the UAE is a mixture of Islamic law and other civil laws⁶. Although the United States reports speak clearly about the impact of Sharia law on the judicial system of the Arab states, the investment manuals of them are silent in this regard, except for Saudi Arabia.

According to the investment manual of Saudi Arabia, the kingdom's legal framework underlies the guidance of Sharia Law and identifies Islam as the original

¹ Ministry of investment, services manual, January 2024, p. 59, available at, <https://www.investsaudi.sa/en/investor/guide> (accessed: Oct. 9, 2025).

² Ministry of investment, services manual, January 2024, p. 68, available at, <https://www.investsaudi.sa/en/investor/guide> (accessed: Oct. 9, 2025).

³ Ministry of commerce and investment promotion, Oman investor Guide, June 2024, p. 80, available at, <https://tejarah.gov.om/storage/information/01HZH8HR93HPWE0RQASSH175MZ.pdf> (accessed: Oct. 8, 2025).

⁴ See, UAE, the cabinet, 2024, available at, <https://uaecabinet.ae/en/ministries-and-federal-authorities> (accessed: Oct. 9, 2025).

⁵ US department of states, 2024 investment climate statements: Oman, available at, <https://www.state.gov/reports/2024-investment-climate-statements/oman/> (accessed: Oct. 9, 2025).

⁶ US department of states, 2024 investment climate statements: UAE, available at, <https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/uae/> (accessed: Oct. 9, 2025).

source of law, even though in recent years and with view on 2030. Considering the judicial system in Saudi Arabia, there are five different Sharia Courts: Besides the general courts, that are responsible for all disputes that are not falling under the jurisdiction of specialised courts, there are criminal courts, personal courts and labour courts. Furthermore, since June 2020 special commercial courts have been added to this shariah court category¹. Moreover, the investors must know that the Shariah law has impacts on prosecution, advocacy system and enforcing the foreign judgments as well. In other words, Due to the authoritative influence of the Sharia Law, prosecution and the enforcement of one's own claims are regularly complicated and time consuming².

Conclusion. International investment manuals are considered as a main source to depict all aspects regarding the foreign investment within the host states; one of these aspects is the legal system governing the host society. Legal system governing the Arab states in Middle East is the center of Sharia Law Maneuver. Obviously, in order to making the international investment process placed in their territory more transparent, the Arab states need to speak about impacts of Shariah law on foreign investments under their investment manuals. Considering the impacts of Shariah law on foreign investment, a good investment manual of the Arab states, i.e., Saudi Arabia, Oman, UAE, Kuwait, Bahrain and Qatar, has to consider three elements. First, it should generally inform investors about the existence of Sharia law in the host state, as well as the impact of Sharia law on international investment process. As, in accordance with the investment manual of Saudi Arabia, Quran is the constitution of the kingdom and the Shariah Law is place at the top. Second, they should pay attention to the relevant organizations whose goals is to comply foreign investment with Sharia law, like the ministry of *Awqaf* and Islamic Affairs in Qatar or ministry of investment in Saudi Arabia. Third, they should address the dimensions of Sharia's impact on the domestic judicial and legal system. As the investment manual of Saudi Arabia states that the Shariah law has impacts on prosecution, advocacy system and enforcing the foreign judgments as well. In other words, Due to the authoritative influence of the Sharia Law, prosecution and the enforcement of one's own claims are regularly complicated and time consuming. Considering these three features, finally, it was correctly shown that only Saudi Arabia has paid attention to all the features in its investment manuals and has provided a complete information about the effects of Sharia law on the foreign investment process in Saudi Arabia.

© Абади Ха Мостафа Самад, 2025

¹ Government of Saudi Arabia, Investment guide: kingdom of Saudi Arabia, 2023, pp. 42-43, available at, <https://www.roedl.com/en-gb/de/media/publications/investment-guides/documents/investment-guide-saudi-arabia-roedl-partner.pdf> (accessed: Oct. 1, 2025).

² Government of Saudi Arabia, Investment guide: kingdom of Saudi Arabia, 2023, p. 43, available at, <https://www.roedl.com/en-gb/de/media/publications/investment-guides/documents/investment-guide-saudi-arabia-roedl-partner.pdf> (accessed: Oct. 1, 2025).

Вахитова Гузель Валериевна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, доцент, г. Уфа, Россия, v.guzel.v@mail.ru

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СТАНОВЛЕНИИ ООН

Аннотация. Статья посвящена вкладу Советской дипломатии в образование Организации Объединённых Наций. Уже с Атлантической Хартии 1941 года Советский союз поддержал принципы мирного устройства и самоопределения народов. На Московской конференции 1943 года СССР инициировал создание международной организации для поддержания мира и безопасности. Советский Союз активно участвовал в подготовке Устава ООН, в частности на конференциях в Думбартон-Окс и Сан-Франциско (1944-1945), добиваясь баланса полномочий между органами организации и закрепления права вето за постоянными членами Совета Безопасности.

Ключевые слова: советская дипломатия, Устав ООН, международная организация, декларация, советские поправки, ялтинская формула

Vakhitova Guzel Valerievna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Candidate of Philological Sciences, Ufa, Russia, v.guzel.v@mail.ru

**THE ROLE OF THE SOVIET UNION IN THE UN
ESTABLISHING**

Abstract. The article is devoted to the contribution of Soviet diplomacy to the formation of the United Nations. Already with the Atlantic Charter of 1941, the Soviet Union supported the principles of peaceful organization and self-determination of peoples. At the 1943 Moscow conference, the USSR initiated the creation of an international organization to maintain peace and security. The Soviet Union actively participated in the preparation of the UN Charter, particularly at the conferences in Dumbarton-Oaks and San Francisco (1944-1945), seeking a balance of powers between the organs of the organization and the establishment of veto rights for permanent members of the Security Council.

Keywords: Soviet diplomacy, UN Charter, international organization, declaration, Soviet amendments, Yalta formula.

Устав ООН, подписанный 26 июня 1945 года в Сан-Франциско делегациями 51 государства, вступил в силу 24 октября того же года. Сегодня в составе Организации – 193 государства, что делает её наиболее представительной и

авторитетной международной структурой, уполномоченной решать вопросы глобальной безопасности и многостороннего сотрудничества.

В мае 1942 г. Ф. Рузвельт предложил идею «четырех полицейских», в соответствии с которой СССР, США, Великобритания и Китай должны нести ответственность за поддержание мира. Эта концепция лично обсуждалась И. Сталиным и Ф. Рузвельтом на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г [1, с. 146].

Уже на Московской конференции министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции (октябрь 1943 г.) и впоследствии на Тегеранской конференции глав государств (ноябрь–декабрь 1943 г.) началось системное обсуждение архитектуры послевоенного мироустройства, включая создание новой международной организации, призванной гарантировать коллективную безопасность и предотвратить повторение катастрофы мировой войны.

Советская дипломатия сыграла ключевую роль в формировании ООН на всех этапах – от первоначальных концепций до финального утверждения Устава. Опыт Лиги Наций (1919–1946), не сумевшей предотвратить агрессию и спровоцировать эффективное сопротивление милитаризму, выявил необходимость принципиально иной организации, наделённой реальными полномочиями и опирающейся на демократические основы. Основы деятельности и структура ООН разрабатывались в годы Второй мировой войны ведущими участниками антигитлеровской коалиции. В «Атлантической хартии» США и Великобритании от 14 августа 1941 года, к которой несколько позднее присоединился и Советский Союз, был определен ряд демократических принципов будущего послевоенного устройства: непризнание территориальных изменений, не находящихся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов; уважение прав всех народов избирать себе форму правления; восстановление суверенитета стран, лишенных этого насильственным путем; уничтожение «нацистской тирании»; разоружение государств, которые угрожают или могут угрожать агрессией; равный доступ всех стран к торговле и источникам сырья; свобода мореплавания¹. В то же время в хартии были обойдены вопросы военно-политического характера.

Термин «Объединенные Нации» впервые был зафиксирован в Декларации Объединенных Наций², подписанной 1 января 1942 года представителями 26-ти борющихся со странами «оси» государств. В ней содержались принципы «Атлантической хартии»³ и обязательство не заключения сепаратного мира с агрессорами. Следующий шаг был сделан на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая в октябре 1943 г. Следует отметить, что идею создания новой организации поддерживали все, однако возникали разногласия по вопросам ее структуры, задач, полномочий, прав и др. При этом, как в США, так и в Великобритании преобладал более ог-

¹ История Хартии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/232112>

² Декларации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901883323>

³ Атлантической хартии [Электронный ресурс]. URL: https://hrono.ru/dokum/194_dok/19410814.php

раниченный подход к кругу ее компетенций. Например, У. Черчилль выступал за восстановление системы Лиги Наций, а президент Ф. Рузвельт поддерживал концепцию создания региональных организаций. На Московской конференции советская делегация предложила учредить всеобщую международную организацию. Для совместной предварительной проработки вопросов предполагалось создать комиссию в одной из столиц – Вашингтоне, Лондоне или Москве – в составе представителей трёх стран. В подписанной по итогам встречи 30 октября «Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» союзники впервые заявили о признании необходимости «учреждения всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые»¹. Тем самым был впервые зафиксирован широкий международный формат будущей организации по поддержанию мира и безопасности. Важной стороной московской встречи было то, что она фактически стала прологом и подготовительным этапом конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Тегеране².

На Тегеранской встрече, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, не смотря на отсутствие конкретного решения о создании международной организации после войны, общие принципы сотрудничества и согласованных действий СССР, США и Великобритании были выражены в принятой по итогам конференции Декларации трех союзных держав.

«Мы уверены, – указывалось в ней, – что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью сознаем ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющего большинства народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»³.

В августе 1944 г. для определения круга вопросов, которые должны были обсуждаться на конференции в Думбартон-Окс, США, Великобритания и СССР обменялись меморандумами о планах будущей организации [1, с. 147].

Первый проект Устава ООН был разработан на созванной по предложению СССР конференции в Думбартон-Оксе (США) 21 сентября – 7 октября 1944 года. На этом форуме представители СССР, США, Великобритании и Китая договорились о целях, структуре и функциях всемирной организации. Советская делегация последовательно и решительно выступала за то, чтобы деятельность этой организации с самого начала зиждилась на демократических началах.

¹ Московская декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. 30 октября 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://alliance.rusarchives.ru/ru/moskovskaya-deklaraciya-chetyrekh-gosudarstv-po-voprosu-o-vseobschey-bezopasnosti-30-oktyabrya-1943>

² О создании ООН [Электронный ресурс]. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/o-sozdanii-oon/

³ Тегеранская конференция. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Декларация трех держав [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/tehran11.htm

СССР активно участвовал в выработке решений, выдвигая собственные инициативы, открыто возражая против решений, затрагивавших интересы Союза. С самого начала создания механизмов содействия развитию в позиции СССР прослеживается стремление к укреплению органов ООН [2, с. 146].

Учредительная конференция ООН прошла в Сан-Франциско 25 апреля – 26 июня 1945 года с участием 50 государств. От Советского Союза на ней присутствовали три делегации – от СССР, БССР и УССР, что отражало признание союзных республик как субъектов международного права. Изначально членами организации стали 50 стран; 51-м государством-учредителем позже выступила Польша. «Польский вопрос» искусственно выделялся западными государствами, которые препятствовали вступлению новой послевоенной Польши в организацию. Однако твердая позиция Москвы в данном вопросе привела к положительным результатам, и поляки (после создания коалиционного правительства) смогли подписать Устав ООН в качестве страны-учредителя¹.

Центральным направлением работы конференции стало обсуждение проекта Устава, разработанного в Думбартон-Оксе. Советская делегация, добиваясь включения в документ ряда принципиальных положений, стремилась закрепить в Уставе принципы демократии, регулирующие структуру и деятельность ООН, и достигла значительных результатов в этом направлении. По инициативе СССР в преамбулу Устава, где формулируется главная цель ООН, было внесено положение о том, что организация безопасности создается для поддержания мира на планете, и чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны»².

В главу, посвященную целям и принципам ООН, были добавлены значимые новые положения на основе советских поправок о том, чтобы мирное разрешение международных споров проводилось «в согласии с принципами справедливости и международного права»; чтобы дружественные отношения между нациями развивались «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»; чтобы международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера осуществлялось «и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...»³.

Особенно напряжённой была дискуссия о компетенции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Делегация из Советского Союза столкнулась с серьезными попытками представителей США и Великобритании игнорировать ранее достигнутые в Думбартон-Оксе соглашения. Делегации США и Великобритании стремились расширить полномочия Ассамблеи, предложив ей право

¹ О создании ООН [Электронный ресурс]. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/o-sozdanii-oon/

² Устав Организации Объединенных Наций: Преамбула [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/preamble>

³ Устав Организации Объединенных Наций: Преамбула [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/preamble>

рассматривать любые международные вопросы без ограничений. В результате обмена мнениями между посольством США в Москве и НКВД СССР, а также работы специальной группы, созданной для выработки взаимоприемлемой формулировки, было сформулировано положение, согласно которому, Генеральная Ассамблея «уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом...»¹.

Согласие по ключевой роли Совета Безопасности как главного органа, отвечающего за поддержание мира, было достигнуто без существенных разногласий. Однако при обсуждении порядка голосования возник конфликт вокруг «Ялтинской формулы». Делегации Австралии, Канады, Новой Зеландии и ряда латиноамериканских стран выступили за её пересмотр. США и Великобритания, выступая в поддержку этих инициатив, фактически стремились ослабить принцип единогласия постоянных членов и использовать численное преимущество в Совете. В ожесточенные дискуссии по интерпретации ялтинской формулы активно вмешались делегации США и Великобритании, чьи выступления явно свидетельствовали о стремлении отойти от сути достигнутых договоренностей, чтобы максимально ограничить применение принципа единогласия постоянных членов Совета и воспользоваться механическим большинством голосов, которым они рассчитывали располагать в Совете. Благодаря принципиальной позиции советской делегации, формула была сохранена в исходной редакции. В совместном заявлении о порядке голосования в Совете Безопасности, которое сделали 7 июня 1945 г. делегации держав-инициаторов конференции, подчеркивалось, что четыре приглашающих правительства (СССР, США, Великобритания и Китай) согласны с ялтинской формулой и представляют ее этой конференции как необходимую для того, чтобы была создана международная организация².

В итоге в Уставе ООН было записано, что решения Совета Безопасности по всем вопросам, кроме процедурных, считаются принятыми, «когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета...»³.

25 июня 1945 года пленарное заседание конференции единогласно утвердило Устав ООН, Статут Международного Суда и Соглашение о Подготовительной комиссии, призванной обеспечить запуск основных органов. 26 июня документы подписали представители 50 государств. От СССР Устав подписал А. А. Громыко – посол в США, чье личное участие и дипломатическая настойчивость позволили закрепить в тексте положения, отвечающие стратегическим интересам страны. К 24 октября 1945 года на хранение поступили ратификаци-

¹ Устав ООН. Глава IV: Генеральная Ассамблея [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-4>

² О создании ООН [Электронный ресурс]. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/o-sozdanii-oon/

³ Устав ООН. Глава V: Совет Безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-5>

онные грамоты 29-ти, то есть, большинства государств, подписавших Устав, включая пять великих держав. К 24 октября 1945 года в депозитарий поступили ратификационные грамоты 29 государств, включая пять постоянных членов Совета Безопасности, — тем самым были выполнены условия вступления Устава в силу (статья 110, пункт 3). Так была создана эта уникальная организация, ныне объединяющая 193 государство мира¹.

Сегодня её работа охватывает все сферы глобального взаимодействия — политическую, экономическую, социальную, культурную и гуманитарную — через сеть специализированных учреждений, программ и комитетов. За 80 лет существования ООН внесла весомый вклад в укрепление международной стабильности, содействие экономическому и социальному прогрессу, защиту прав человека и создание платформы для открытого диалога по ключевым проблемам современности. Основопологающие принципы, заложенные в 1945 году, сохраняют свою актуальность, а деятельность ООН по-прежнему служит интересам всего мирового сообщества.

Список источников

1. Запарий Ю.В. У истоков ООН: советская дипломатия от конференции в Думбартон-Окс до первого "вето" / Ю.В. Запарий // Международные отношения в XX-XXI вв. : IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны : сборник научных статей и сообщений, Екатеринбург, 17–18 декабря 2020 года / О. С. Поршнева (отв. редактор), А. В. Антошин, Ю. М. Галкина (сост., отв. за выпуск). — Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2020. — С. 145–153.

2. Ларионова М.В. СССР в системе сотрудничества в целях развития под эгидой ООН / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2019. — Т. 14, № 1. — С. 145–163.

© Вахитова Г.В., 2025

¹ О вкладе советской дипломатии в создание ООН [Электронный ресурс]. URL: https://singapore.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vklade_sovetskoy_diplomatii_v_sozdanie_oon

Демидова Татьяна Константиновна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат политических наук, г. Уфа, Россия, dtatyana12@yandex.ru

Тулупова Елена Олеговна

Доцент кафедры теории государства и права, Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат политических наук, г. Уфа, Россия, lena118@yandex.ru

ВЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ – ОСНОВНОЙ ЗАКОН ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Аннотация. Венская конвенция о праве международных договоров выступает своего рода фундаментом договорного регулирования, на котором строится современно международное право. Непосредственно оказывая влияние на формирование норм внутреннего права субъектов международного сообщества. Нормы ее статей являются универсальными, они не ограничиваются только рамками отдельной группы соглашений, а закрепляют единые правила для всей системы договорных отношений.

Ключевые слова: международный договор, государство, принципы международного права

Demidova Tatiana Konstantinovna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Candidate of Political Sciences
Ufa, Russia, dtatyana12@yandex.ru

Tulupova Elena Olegovna

Associate Professor, Chair of Theory of State and Law Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law Sciences, Ufa, Russia, lena118@yandex.ru

THE VENICE CONVENTION ON THE LAW OF INTERNATIONAL TREATIES IS THE BASIC LAW OF INTERNATIONAL TREATIES

Abstract. The Vienna Convention on the Law of Treaties serves as a foundation for contractual regulation, upon which modern international law is built. It directly influences the formation of the internal law of the members of the international community. The norms of its articles are universal, and they are not limited to a spe-

cific group of agreements, but rather establish uniform rules for the entire system of contractual relations.

Keywords: international treaty, state, principles of international law

В своем развитии международное право прошло ряд этапов, каждый из которых был охарактеризован определенными историческими событиями.

Со временем, отношения между субъектами международных отношений начали выстраиваться в определенном порядке, и произошло это, во многом, благодаря выработке универсальных правил, которые стали базисом, основой, обеспечивающей предсказуемость, понятность и стабильность правил общения, взаимодействия между субъектами международного права. Главенствующее место в указанном процессе занял институт международного договора.

Отправной точкой процесса взаимодействия можно считать принятие Венской конвенции о праве международных договоров. Конвенция систематизировала и закрепила ряд базовых определений (положений), принципов, которые со временем стали восприниматься, прежде всего, государствами, как обязательные для применения на практике.

Все ранее существующие разрозненные нормы о взаимодействии государств и других субъектов международного права, ранее содержались в многочисленных обычно-правовых нормах и правилах. С одной стороны, это, несомненно, упорядочивало международные отношения, с другой, – создавало сложности в процессе толкования многих положений.

С принятием Венской конвенции в рамках международных отношений появилась, своего рода, конституция, содержащая в себе базовые подходы международного сообщества к вопросам заключения, действия, присоединения и прекращения действия международного договора. Кроме того, нормы Конвенции стали применяться не только к конкретным соглашениям, но и к пониманию, определению места международного договора в международной правовой системе в целом.

Исторически, мы можем проследить процесс оформления международного договора, начиная от двусторонних соглашений между отдельными монархами в период средних веков, заканчивая применением базовых универсальных многосторонних договоров. Появились правоустанавливающие договоры, которые начали прописывать определенные правила поведения государств.

В этой связи Венская конвенция стала считаться, своего рода, конституцией, основным законом в области регулирования правоотношений в области международных договоров.

С принятием Конвенции был запущен и процесс официальной кодификации.

Определение международного договора содержится в ст. 2 Венской конвенции и определяется как – международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Исходя из указанного выше определения, между-

народный договор, с одной стороны, это акт согласования воли субъектов международных отношений, с другой – нормативный правовой акт, который обладает обязательной силой.

Российская Федерация, выступая в качестве основного актора в международных отношениях, в своем внутреннем законодательстве определяет международный договор, фактически аналогично с Венской конвенцией.

Немаловажным является тот факт, что международный договор должен быть принят сторонами с оглядкой на основные императивные принципы международного права. Прежде всего, исходя из принципа суверенного равенства сторон, договор представляет собой результат волеизъявления государств, порождая права и обязанности. Следовательно, международный договор – это юридический акт, который порождает обязательные нормы, и их нарушение повлечет нормы международной ответственности.

Принятие Венской конвенции о праве международных договоров стало важной вехой в развитии международного права, обусловленное стремительным ростом числа международных договоров, заключаемых во всем мире.

Конвенция стала не просто принятым рядом государств международным актом, она закрепила общие подходы к юридической природе международных обязательств. А закрепленный в ней принцип добросовестности, стал основой для обеспечения доверия между государствами, сторонами международных соглашений.

Действие Венской конвенции является, во многом, многоуровневым. И несмотря на то, что нормы Конвенции, в качестве сторон договора, закрепила только суверенных государств, она стала многоуровневым актом. С одной стороны, Конвенция распространяет свои нормы на глобальном уровне, то есть в отношении государств – участников. С другой, является обязательной и на региональном и национальном уровнях. Во втором случае, нормы Конвенции будут влиять на правовые системы отдельных стран.

Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации – общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Следовательно, российское законодательство признают нормы Венской конвенции в качестве источника права. Указанное выше положение, во многом, дублируется в статьях федеральных законах Российского государства. Так, в качестве примера можно привести Федеральный закон РФ «О праве международных договоров».

С принятием Конвенции, международный договор перестал быть просто фикцией, актом, которые стороны могут исполнять, трактовать по своему усмотрению. Венская конвенция закрепила ряд базовых принципов, позволяющих выполнять нормы Конвенции неукоснительно.

Среди специальных принципов международных договоров, прежде всего, выделяется принцип *pacta sunt servanda*. Указанный принцип своими корнями уходит в далекое прошлое, еще к римскому праву. В статьях конвенции он был

закреплен в ст. 26 «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно исполняться». Его окончательное формирование и отражение в статьях Конвенции говорит об обязательности и юридической силе, согласованной воли государства – участником международного договора.

Происходящий из принципа *pacta sunt servanda*, принцип добросовестности, зафиксировал обязанность сторон соглашения, не просто формально соблюдать его положение, но и действовать в соответствии с достигнутыми соглашениями, при этом воздерживаться от любых шагов, которые были бы направлены на лишение договора его целей и объекта. Согласно ст. 18 Конвенции, стороны обязаны воздерживаться от действий, противоречащих объекту и целям подписанного, но еще не вступившего в силу договора.

Международное соглашение, являясь результатом согласования воли, не сводится к политической декларации, он представляет собой нормативный документ, который подлежит обязательному исполнению сторонами договора в установленном порядке.

Кроме того, статьи Конвенции прямо говорят об отсылке к принципу *jus cogens* и его обязательности. При этом, данный принцип будет работать независимо от воли государств. В этом заключается его обязательность для всех субъектов международного права, не допуская отступлений.

Нормы Венской конвенции системно закрепили фундаментальные принципы, которые стали определять природу договорных обязательств. При этом став ключевым источником международного права.

© Демидова Т.К., Тулупова Е.О., 2025

Ibatullina Natalia Sergeevna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Philological Sciences, Ufa, Russia, talka@list.ru

Yusupova Rozalia Rimovna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Philological Sciences, Ufa, Russia, rozaliya-yusupova@yandex.ru

**INFORMATION MANIPULATION AND MEDIA FRAMING
IN CONTEMPORARY POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. This article analyzes the mechanisms of information manipulation and narrative framing in contemporary media coverage of international relations. Based on the examination of three case articles, it explores how information suppression, aggression, and matrix programming are used to shape public perception and influence political discourse. Each text strategically constructs a one-sided representation of geopolitical events, reinforcing ideological divisions and promoting the desired image of specific actors. The study also identifies the use of selective expert opinions to legitimize predetermined narratives under the guise of analytical journalism. The overall conclusion highlights the systematic application of information warfare strategies – including message control, emotional framing, and agenda-setting - to achieve political and psychological dominance in the global information space.

Keywords: warfare, media framing, propaganda techniques, information suppression, narrative manipulation, expert influence, political communication, emotional framing, agenda-setting, media analysis

Ибатуллина Наталья Сергеевна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, г. Уфа, Россия, talka@list.ru

Юсупова Розалия Римовна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук г. Уфа, Россия, rozaliya-yusupova@yandex.ru

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ФОНА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В этой статье анализируются механизмы манипулирования информацией и освещение в современных СМИ вопросов международных отношений. На основе проведенного анализа трех статей выявлено, что односторонняя интерпретация событий, агрессия и матричное программирование используются для формирования общественного восприятия и влияния на политический дискурс. Каждый текст стратегически строит одностороннее представление геополитических событий, усиливая идеологические разногласия и продвигая желаемый образ конкретных действующих лиц. Исследование также выявило использование селективных экспертных заключений для легитимации заранее определенных повествований под прикрытием аналитической журналистики. Общий вывод подчеркивает систематическое применение стратегий информационной войны – включая контроль над сообщениями, эмоциональное оформление и постановку повестки дня – для достижения политического и психологического господства в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: война, формирование информационного фона СМИ, пропагандистские методы, подавление информации, повествование, экспертное влияние, политическая коммуникация, эмоциональное обобщение, постановка повестки дня, медийный анализ

Modern media function as powerful instruments of political influence: the way news is framed shapes public perception, emotional response, and long-term beliefs. The analysis of three articles demonstrates how methods of informational manipulation – such as information suppression, rhetorical aggression, matrix programming, and selective use of expert opinion – are employed to construct desired images of international actors and steer audiences toward specific interpretations of reality.

In the first article, information suppression is achieved through deliberate vagueness. The phrase “According to the American president, he ‘felt it wasn’t right’” leaves the reasons for canceling the meeting with Putin unexplained. The lack of detail creates space for speculation and allows the White House to control the interpretive frame, reinforcing an atmosphere of uncertainty. In the second text, attention is

intentionally redirected from possible disagreements between Moscow and Washington to “the reaction of the European Union,” preventing readers from considering alternative explanations and concealing the true causes of the summit’s postponement. In the third article, responsibility for the breakdown of negotiations is placed entirely on Russia, while contextual factors – such as internal U.S. divisions or NATO pressure – are ignored. A complex diplomatic process is thus reduced to a simplified, one-sided narrative with an unverified causal link between a phone call and the imposition of new sanctions.

Information aggression in these materials manifests through emotionally charged and derogatory rhetoric. Medvedev’s statement¹ that Russia can “pound all Bandera’s hiding places” exemplifies rhetorical violence aimed at dehumanizing the opponent and justifying escalation. Rutte’s remark that “sanctions will help” redefines coercive measures as peacekeeping tools, distorting their nature. In the second article, emphasis on Hungary’s “sabotage” portrays the European Union as fragmented and ineffective, which benefits Moscow by undermining trust in European institutions and diverting attention from its own actions. Unverified claims that “the EU and UK support the lifting of anti-Russian sanctions” further reinforce the illusion of growing Western sympathy toward Russia. In the third text, aggression appears in a more disguised form: the phrase “Rubio doesn’t want Trump to look like a fool in front of the whole world” undermines the credibility of U.S. politics through ridicule, while the claim that America “puts its vassal states in Europe and Ukraine in a position to make money off them” depicts Washington as cynical and exploitative. Even the seemingly neutral statement “the Russians are in no position to reach an agreement” carries a contemptuous undertone that strengthens the “strong West vs. weak Russia” dichotomy.

Matrix programming operates through the repetition of key emotional and semantic frames. In the first article, constant references to “new rounds of sanctions” and “serious restrictions” reinforce the perception of their inevitability and normalize Western economic pressure as a rational response to Russian actions. Western politicians are portrayed as pragmatic and peace-oriented, while Russian figures appear impulsive and aggressive, fixing the binary opposition “West = peace / Russia = threat.” In the second text, similar repetition shapes the image of Turkey through phrases such as “high security,” “recognized status,” and “point of support for Europe, Russia, and the United States,” presenting Ankara as a new center of balance. Simultaneously, the EU is shown as weak and distant, while Moscow is depicted as reasonable and peace-seeking. In the third article, recurring formulations – “new sanctions,” “change of strategy,” “the EU approved the 19th package” – establish a triadic frame: the West acts, Russia resists, Europe follows. This repetition engrains a perception of Western rationality and Russian reactionism.

¹ Medvedev comments on the postponement of the meeting between Russia and the United States. [Электронный ресурс] // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/10/23/21906638.shtml> Lenta.ru. (дата обращения: 13.10.2025).

The selective use of expert opinion serves to legitimize these narratives under the guise of analytical journalism. In the first article, commentators such as Malek Dudakov, Dmitry Drobnitsky, Kirill Bakhtin, and Dmitry Trepolsky are chosen to reinforce favorable theses: Trump is strategic and pragmatic, sanctions are ineffective, and the Russian economy remains stable. The appearance of balance conceals a clear propagandistic direction. In the second article, only one expert – Turkish analyst Engin Özer from the Ankara-Moscow Analytical Network – is cited, consistently advancing ideas that benefit both Russia and Turkey: denying U.S. – Russia conflict, blaming the EU for diplomatic difficulties, and portraying Turkey as an ideal mediator. The absence of alternative voices amplifies the illusion of diplomatic stability. In the third text, multiple analysts – Magdalena Górnyska-Partyka, Jeffrey Sachs, and Greg Simons – are quoted, yet all converge on the same conclusion: American policy is chaotic, self-interested, and unstrategic. The diversity of national backgrounds masks ideological uniformity, creating a false sense of international consensus critical of Washington.

Taken together, these techniques form a cohesive system of informational influence. Russia emerges as a rational yet victimized actor; the United States appears impulsive, divided, and self-serving; Europe is portrayed as dependent and ineffective. What is presented as balanced analytical journalism is, in reality, a form of soft propaganda. Through omission, emotional rhetoric, repetitive framing, and selective expertise, the reader is guided toward a stable perception of a global crisis of confidence in American leadership and a gradual shift of political and moral authority toward alternative centers of power.

The immediate informational occasions exploited by these texts include diplomatic incidents and policy moves that naturally attract public attention – summit postponements, high-level phone calls, public cancellations of meetings between heads of state, the announcement or threat of new sanctions, and provocative public statements by prominent politicians. These events provide a convenient pretext: they are timely, consequential, and easily framed as evidence of larger systemic trends. By anchoring narratives to concrete episodes (for example, a cancelled Trump–Putin meeting¹, an EU summit delay in Budapest, or a high-profile statement by a Russian official), the articles transform ephemeral developments into apparent proof of enduring geopolitical dynamics. The choice of such informational hooks maximizes emotional resonance and news value while minimizing the burden of supplying comprehensive context.

Strategically, the materials employ a hybrid of classic information-war doctrines: agenda-setting (choosing which events receive attention), framing (selecting interpretive lenses), and source control (curating and privileging friendly voices). At the tactical level they use selective sourcing and expert laundering (presenting sympathetic analysts as independent authorities), repetition and cumulative framing (to normalize a chosen interpretation), emotionalization and dehumanizing language (to

¹ Trump cancels meeting with Putin before the Budapest summit. [Электронный ресурс] // RIA Novosti. URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/23/trump-summit/> (дата обращения: 14.10.2025).

mobilize attitudes and justify hard measures), and distraction/diversion (shifting discussion from inconvenient facts to manufactured controversies).

Operational tactics observable in the texts include: selective omission of conflicting facts (silencing), amplification of favorable claims via repetition and cross-platform pickup, delegitimization of opposing actors through ridicule and moral condemnation, and narrative laundering – presenting conjecture as fact by wrapping it in an “analytical” format and multiple expert quotes. Complementary techniques likely used in the broader information environment – though not always explicit in these three articles – are coordination between state and sympathetic media outlets, the seeding of talking points to sympathetic commentators, and the use of social networks and amplified reposting to manufacture impressions of consensus (astroturfing). Defensive tactics such as plausible deniability, selective citation of unofficial or fringe experts, and the blurring of opinion and analysis further protect the propagandistic campaign from straightforward factual rebuttal.

In short, these articles do not merely report discrete events; they exploit newsworthy moments as informational pretexts and deploy an interlocking toolkit of strategies and tactics – agenda control, framing, selective sourcing, emotional escalation, repetition, and narrative laundering – to convert episodic incidents into enduring, one-sided worldviews that advance specific geopolitical interests.

© Ибатуллина Н.С., Юсупова Р.Р.2025

Мухаметгареева Наталья Михайловна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, г. Уфа, Россия, nmch77@mail.ru

Юсупова Зиля Анасовна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, доцент, г. Уфа, Россия, zilya_iousupova@mail.ru

**ПОЛИТИКА И ПРОГРАММЫ ООН ПО СОХРАНЕНИЮ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ (2015 – 2025 гг.)**

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ основных политик и программ Организации Объединенных Наций, направленных на сохранение окружающей среды в период с 2015 года по 2025 год. Рассматриваются институциональные рамки (Парижское соглашение, Цели устойчивого развития), механизмы реализации (национально определенные вклады, фондовые механизмы, технологическая и финансовая поддержка), а также ключевые инициативы ООН и ее специализированных агентств по сокращению выбросов, адаптации к климатическим изменениям и снижению уязвимости государств. На основе обзора отчетов Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC), Программы ООН по окружающей среде (UNEP) и итогов климатических переговоров (COP26, COP28, COP27) дается оценка эффективности мер, выявляются системные барьеры и предлагаются направления повышения результативности политики в ближайшую пятилетку.

Ключевые слова: ООН, климатическая политика, Парижское соглашение, устойчивое развитие, глобальный пересмотр, финансирование адаптации, эффективность

Mukhametgareeva Natalya Mikhailovna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Philological Sciences, Ufa, Russia, nmch77@mail.ru

Yusupova Zilya Anasovna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Philological Sciences, Ufa, Russia, zilya_iousupova@mail.ru

UNITED NATIONS ENVIRONMENTAL CONSERVATION POLICIES AND PROGRAMMES: EFFECTIVENESS ANALYSIS AND PROSPECTS (PERIOD from 2015 to 2025)

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the main policies and programs of the United Nations aimed at preserving the environment in the period 2015-2025. The institutional framework (the Paris Agreement, the Sustainable Development Goals), implementation mechanisms (nationally determined contributions, fund mechanisms, technological and financial support), as well as key initiatives of the United Nations and its specialized agencies to reduce emissions, adapt to climate change and reduce the vulnerability of states are considered. Based on a review of the reports of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), the United Nations Environment Programme (UNEP) and the outcome of the climate negotiations (COP26, COP28, COP27), the effectiveness of measures is assessed, systemic barriers are identified and areas for improving policy effectiveness in the next five years are proposed.

Keywords: UN, climate policy, Paris Agreement, sustainable development, global review, adaptation financing, efficiency

В первые годы после 2015 года была сформирована новая архитектура международного экологического управления. Принятие Парижского соглашения и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года с 17 целями устойчивого развития заложило юридико-политическую и программную основу для глобальных действий по вопросам изменения климата и охраны окружающей среды. В рамках данного документа установлена долгосрочная цель, направленная на ограничение глобального потепления на уровне «значительно ниже 2 °С», с приоритетным стремлением к достижению показателя в 1,5 °С. Соглашение также предусматривает регулярный пересмотр национальных обязательств и проведение глобальных обзоров прогресса, что служит основой для разработки и реализации климатической политики Организации Объединенных Наций в рассматриваемый период [1].

Одновременно с климатическим мандатом, в 2015 г. была официально принята Повестка 2030 и SDG, где климат (Цель 13) и смежные экологические цели получили статус приоритетов для стран-членов и агентств ООН; это обеспечило институциональную координацию между многосторонними программа-

ми, финансовыми инструментами и операционными агентствами (UNEP, UNDP, Green Climate Fund и др.). Такая синхронизация позволила развернуть комплексные программы адаптации, устойчивого управления природными ресурсами и финансирования зеленой трансформации, одновременно создав значительные ожидания по ускорению трансформации энергетики и экономики в целом [2].

Научная база и независимая верификация прогресса стали ключевыми факторами для оценки эффективности мер ООН. Результаты шестого оценочного цикла IPCC (AR6) подтвердили ускорение потепления и высокий риск необратимых последствий при текущих траекториях выбросов, что значительно повысило научную аргументацию для усиления политических мер [3]. Выводы ученых ставят жесткие рамки: чтобы иметь реальную вероятность удержать потепление около 1,5 °C, необходимы быстрые, глубокие и устойчивые сокращения выбросов CO₂ и других парниковых газов в ближайшие десятилетия, включая коренные изменения в энергетическом секторе, транспорте, промышленности и землепользовании. Указанные научно-политические ориентиры оказали непосредственное влияние на содержание рекомендаций и принимаемых решений на международных форумах ООН в период с 2019 по 2024 годы. Они также послужили основой для глобального пересмотра национальных стратегий и планов.

Международные переговоры и операционная деятельность ООН в 2015–2025 гг. показали смешанный результат: достигнуты важные институциональные успехи (включая механизмы для финансирования уязвимых стран, усиление научной кооперации и текстовые улучшения Парижского рамочного соглашения), но одновременно обнаружены серьезные разрывы между обязательствами и реальными действиями. Отчеты Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) о «разрыве по выбросам» (Emissions Gap Report) ежегодно демонстрируют, что текущие национально определенные вклады (NDC) и реализуемые политические меры недостаточны для достижения целей Парижского соглашения. Согласно оценке 2023 года, при сохранении существующих обязательств остается значительный разрыв, который требует ускорения мер и масштабного внедрения низкоуглеродных технологий [4]. Системное несоответствие указывает на ограниченную эффективность отдельных программ ООН, направленных на стимулирование быстрого сокращения выбросов, несмотря на достигнутый прогресс в развитии институциональных инструментов.

Необходимо подчеркнуть положительные тенденции в области международного финансирования и противодействия последствиям изменения климата. Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP27), состоявшаяся в 2022 году, привела к заключению соглашения о формировании фонда для компенсации потерь и ущерба, связанного с изменением климата. Данное достижение представляет собой значительный прорыв в контексте укрепления солидарности между государствами и признания их ответственности перед странами, наиболее уязвимыми к климатическим изменениям. Данный шаг укрепил мандат для ООН и специализированных агентств в мобилизации средств и координации помощи пострадавшим регионам, однако в 2023–2025 гг. сохраняется критика в отношении темпов и объема финансирования, а также отсутствия долгосрочных устойчивых механизмов распределения ресурсов.

В 2023 году был проведен первый глобальный пересмотр (global stocktake), завершившийся на Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28). Событие стало катализатором для пересмотра национальных климатических амбиций и механизмов отчетности. Результаты глобального пересмотра подчеркнули критическую необходимость ускорения процессов декарбонизации, увеличения объемов финансовой поддержки адаптации к климатическим изменениям, укрепления механизмов технологического трансфера и совершенствования систем мониторинга и оценки. Механизм глобального пересмотра демонстрирует как потенциал мультистейкхолдерской проверки, так и ограничения, связанные с инструментами принуждения. Рекомендации, выработанные в ходе глобального пересмотра, носят рекомендательный характер и зависят от политической воли государств для их трансформации в конкретные и финансово обеспеченные меры по реализации национальных климатических планов.

Анализ причин разрыва между политикой и результатами указывает на несколько взаимосвязанных факторов. Во-первых, политическая экономика: многие страны сохраняют зависимость от выручки от ископаемого топлива и отложенных инвестиций в углеродоемкие сектора, что тормозит принятие радикальных рыночных реформ [5]. Во-вторых, институциональные ограничения: нехватка качественных данных, слабая национальная координация и ограниченные бюрократические возможности снижают эффективность реализации сложных проектов по адаптации и снижению выбросов. В-третьих, финансовые и транзакционные барьеры: даже при наличии многоканального международного финансирования (GCF, климатические трасты, двусторонняя помощь) объемы и доступность средств для стран с низким доходом остаются недостаточными для масштабной трансформации инфраструктуры. Наконец, следует отметить, что технологические и социальные факторы, такие как недостаточное развитие и внедрение зрелых низкоуглеродных технологий, а также социальное сопротивление изменениям в уязвимых секторах, также ограничивают скорость глобального перехода к устойчивому развитию. Барьеры подчеркивают необходимость для программ ООН интеграции глобальных стратегий с адаптивными механизмами поддержки на национальном уровне.

Анализ эффективности конкретных программ Организации Объединенных Наций демонстрирует баланс между достижениями и неудачами. Среди успешных примеров можно выделить инициативы Программы ООН по окружающей среде (UNEP) и Программы развития ООН (UNDP), направленные на укрепление национальных систем мониторинга, а также проекты по трансферу чистых технологий и пилотные программы по устойчивому землепользованию, которые принесли измеримые результаты в отдельных странах и сообществах. Международные правовые инструменты, такие как Киотский протокол и его последующие механизмы, а также Кигалийская поправка к Монреальскому протоколу по веществам, разрушающим озоновый слой, продемонстрировали, что целенаправленные межгосударственные соглашения способны быстро инициировать технологические изменения в коммерческих секторах.

Список источников

1. Копылов С.М., Мохаммад Сарвар Анвар. Стратегия ООН по выработке международной экологической политики // «Право и управление XXI в.». – 2015. – № 4. – С. 76–81.
2. Каранда А.В. Экологическая политика: понятие, виды, принципы // «Молодой ученый». – 2020. – №3 (293). – С. 352–354.
3. Кулапов М.Н., Сергеев П.А., Манахов С.В., Ураев Н.Н. Проблемы совершенствования государственного управления в условиях глобальных климатических изменений // Развитие территорий. – 2022. – №1 (27). – С. 41–50.
4. Гайыров А. Г. Экология и устойчивое развитие: вызовы и перспективы // Наука и мировоззрение. – 2025. – № 47. – С. 191–197.
5. Булгакова Ю. В. Деятельность в рамках Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) по продвижению концепции зеленой экономики как части глобальной системы // «О-во: политика, экономика, право». – 2017. – № 7. – С. 21–23.

© Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А., 2025

Хазиева Рушана Рауфовна

Доцент кафедры международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, г. Уфа, Россия, rushanakhazieva@mail.ru

Ризяпова Элина Марсовна

Доцент кафедры иностранных языков Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук, г. Уфа, Россия, sententia@inbox.ru

**МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ
ПЕРЕНАСТРОЙКИ СОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена анализу политического медиадискурса в условиях глобальной трансформации коммуникативного пространства и усиления технологий информационного воздействия. Рассматриваются риторические и лингвистические механизмы управления общественным сознанием, создающие основу для манипулятивных стратегий власти в конфликтах современного мира. Особое внимание уделяется использованию поликодовых медийных сообщений, распространению манипулятивных смыслов и формированию заданных интерпретаций политических событий. Делается вывод о том, что в эпоху информационно-технологической революции медиа становятся ключевым каналом влияния на массовое сознание, формируя восприятие политической реальности и подменяя непосредственное участие общества в политических процессах дистанционным управлением.

Ключевые слова: политический медиадискурс, манипулятивные стратегии, информационное воздействие, массовое сознание, риторические механизмы, поликодовые сообщения, идеологическое доминирование

Khazieva Rushana Raufovna

Associate Professor, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Philological Sciences,
Ufa, Russia, rushanakhazieva@mail.ru

Rizyapova Elina Marsovna

Associate Professor, Chair of Foreign Languages,
Ufa University of Science and Technology, Candidate of Philological Sciences
Ufa, Russia, sententia@inbox.ru

MEDIA SPACE AS A TOOL FOR REPROGRAMMING CONSCIOUSNESS AND POLITICAL BEHAVIOUR

Abstract. The article examines political media discourse within the context of the global transformation of communication practices and the growing sophistication of informational influence technologies. It focuses on the rhetorical and linguistic mechanisms used to shape public consciousness and to construct manipulative strategies employed by political power in contemporary conflicts. Particular attention is given to the role of polycode media messages, the dissemination of manipulative meanings, and the construction of predetermined interpretations of political events. The article concludes that in the era of the information-technological revolution, media serve as a primary channel of influence over mass consciousness, shaping the perception of political reality and replacing direct civic participation with remote forms of mediated control.

Keywords: political media discourse, manipulative strategies, informational influence, mass consciousness, rhetorical mechanisms, polycode media messages, ideological dominance

На глобальном уровне за последние несколько лет сформировались определенные технологии конфликтного управления миром. Принципы риторики и лингвистические приемы дополняют друг друга в организации политического дискурса. Процесс коммуникативного воздействия и управления общественным мнением, где информация активно используется как инструмент борьбы за власть, постоянно усложняется и становится все более изощренным: появляются новые технические возможности, изобретаются новые методы и приемы, возникают связанные с ними новые явления языка и речи. Исследователи обращают внимание на технологичность современного дискурса власти – «использование совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией» [1, с. 30], особенно в том случае, когда целью оказывается борьба с идеологическим противником. Политтехнологи, как теневые акторы дискурса власти, изыскивают новые возможности манипуляции общественным сознанием.

В своей книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон анализирует устройство мира после холодной войны. Автор полагает, что цивилизация «оп-

ределяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей»¹. Возникший новый мировой порядок и претензии Запада навязать свою культуру и культурные ценности, идеалы и нормы не-западным странам приводят к конфликтам и войнам [Там же: 28]. Наиболее глубокие линии разлома прошли между западной и исламской, а также между западной и православной цивилизациями. Исходя из поставленных целей формируется определенная модальность текста политических выступлений.

Ярким, показательным примером могут служить материалы по анализу всевозможных «цветных революций» (революции роз, оранжевые, фиалковые и тюльпановые революции), череда «арабских вёсен», а также каирский Тахрир и украинский «майдан», конкретные военные операции по свержению избранных руководителей Ирака («Буря в пустыне»), Ливии, Египта, Сирии – все это звенья одной цепи, и в их основе – общие технологии. Информационная подготовка, включающая агрессивную обработку населения с целью дискредитации отдельных правительств, ложных, противоречивых, неавторизованных сведений, слухов, ведется как через Интернет – главный источник манипулятивной информации, так и через традиционные СМИ. Этой же цели служат средства невербального кода, представленные в карикатурных изображениях, видеоряде, подборках видеосюжетов. Поликодовость как характерная черта медиаизданий, отражающая современные культурно-семиотические и мультимедийные характеристики текстов, часто используется в качестве средства привлечения внимания, помимо содержания, к форме текста, которая является характерной отличительной особенностью в информационном потоке, а также используется как вектор, показывающий путь интерпретации текста.

Испанский социолог М. Кастельс отмечает, что особенность современного состояния общества заключается в масштабе происходящих изменений, в процесс информатизации вовлечено все мировое сообщество, а не только граждане отдельно взятой страны. Он пишет, что в XXI в. имеет место информационно-технологическая революция, важная функция которой в том, что она не задерживается в одном месте, а «мгновенно охватывает пространство всей планеты» [2, с. 27]. Доступность информации, которая способна оказывать воздействие на адресата, представляет особый интерес для тех, кто стремится к гегемонии и просчитывает свои действия так же, как и действия противника. Как отмечает А.К. Идаятов, в настоящее время в рамках глобальной медиаполитической системы после распада Советского Союза подобным субъектом стали США, которые своевременно осознали значимость влияния средств массовой информации на протекающие в современном обществе коммуникативные процессы в разных сферах человеческой деятельности, возможности его влияния на действия других государств. Действительно, можно видеть, что США доминируют в мировой политике при помощи информационных атак на несоглас-

¹ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. URL: <http://gradaran.mskh.am/sites/default/files> (дата обращения: 07.10.25).

ные государства (примеры с позицией России в ходе событий 2008 и 2014 годов и реакцией США это подтверждают) [3, с. 23].

СМИ непрерывно создают определенное информационное напряжение в обществе по тому или иному вопросу. Все события в стране и мире происходят так быстро, что времени на обдумывание и принятие важных решений практически не остается. Современная демократия решает множество проблем с помощью медиа. Ее возможности подменяются иллюзорной убежденностью человека в своей свободе. Человек читающий имел доступ к множеству точек зрения различных авторов. Современный человек видящий, в отличие от человека читающего, уже не способен самостоятельно мыслить и принимать решения. За него это делают политики, имеющие доступ к каналам коммуникации. В основе подобного речевого воздействия лежит модальная категория побудительности, реализующаяся через систему разнообразных вербальных и невербальных средств, используемых в целях убеждения, персуазивности, манипулирования сознанием, суггестии [4, с. 141].

Так, сегодня освещение любого политического конфликта происходит после информационной кампании, призванной сформировать определенную позицию мирового сообщества по тому или иному вопросу. Вероятно, в силу «прагматической значимости манипуляция сознанием представляет основной технологический ресурс, обслуживающий власть, которая стремится сегодня избегать авторитарного общения с целевой аудиторией» [Там же: 141]. Манипулятивные технологии используются в целях искажения ситуации, выставляя страну, которая, к примеру, не согласна на предложенные в договоре условия, авторитарной, милитаризированной или имеющей отрицательные имиджевые характеристики в глазах миллионов людей и отдельных государств. Опосредованное медиасферой общество следит за происходящими процессами в политике извне, не имея возможности участвовать напрямую и тем самым становясь объектом влияния. Это объясняет возможность формирования интерпретации происходящих событий в нужном манипулятору русле.

Манипулирование является способом информационного продвижения скрытых политических смыслов, тех подтекстов, которые по некоторым причинам не могут быть введены на политический рынок в явной, открытой форме. Но в то же время его функцией является обеспечение и поддержка того актора, в отношении которого и предпринимаются такого рода действия.

Мы ставим задачу исследовать технологии оформления ложной информации в политическом конфликтогенном дискурсе в целях оказания адресантом речевого манипулятивного воздействия на целевую аудиторию в политической коммуникации, тактики реализации установок автора, направленных на перестройку сознания массового адресата.

Помимо речевого воздействия, которое определяется как воздействие на человека сознательно принять решение о каком-либо действии [5, с. 67], принято отдельно рассматривать речевую манипуляцию как «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [Там же: 27]. Манипуляция как вид психологического воздействия, искусно исполняя которое актер провоцирует скрытое воз-

буждение у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. По мнению ученого, манипулятор присваивает себе право решать за адресата, что ему должно делать, то есть речь в данном случае идет об односторонней интенции [6, с. 62]. Таким образом, манипуляцию определяют как неравноправное взаимодействие, в котором активность манипулятора проявляется в большей степени.

Речевая агрессия часто принимает форму эксплицитной агрессии с ярко выраженной интенцией нанести вред, обидеть, унижить и даже оскорбить объект высказывания. Речевая агрессия выражается с помощью эмоционально-экспрессивной лексики и стилистически маркированных языковых единиц (жаргона, просторечий, обценной лексики). Агрессивная информация может передаваться эксплицитно и имплицитно. В случае эксплицитной передачи агрессивное содержание выражено явно, определено, недвусмысленно, что способствует увеличению концентрации агрессии. При имплицитной агрессии смысл выражен неявно, как бы спрятан от объекта атаки и от аудитории. При этом импликации может подвергнуться различная информация: от объекта агрессии до подлинного смысла высказывания. Если рассматривать феномен речевой агрессии в рамках конфликтогенного дискурса, то в этом случае целесообразным будет говорить не только о перенасыщении текста негативной информацией, вызывающей у адресата тягостное впечатление. Главным образом, необходимо рассматривать это явление как намеренно скрытое выражение средствами языка негативного эмоционально-оценочного отношения к кому- и чему-либо, зачастую нарушающее представление об этической и эстетической норме. Мы учитываем новый облик, который принимает речевая агрессия, выливаясь в форму ложной информации, подспудно выражая речевую агрессию. Нередко в лингвистических исследованиях речевая агрессия выступает как синоним конфликтного общения. Другими словами, можно сказать, что речевая агрессия – это конфликтогенная технология коммуникативного взаимодействия. Если объектом речевой агрессии является адресат, конфликт между адресантом и адресатом может возникнуть в результате ориентированности адресанта на речевое доминирование. В том случае, если адресат множественный, он, как правило, не является объектом агрессии, то есть эксплицированным в высказывании объектом негативного отношения адресанта. Но в этом типе коммуникации есть момент стремления адресанта индуцировать на адресата свое негативное отношение к предмету речи. Значит, можно говорить о том, что адресантом «планируется» конфликт между адресатом и предметом речи. Следовательно, при любом типе коммуникации и любом объекте негативного отношения конфликт является коммуникативной перспективой речевой агрессии.

Необходимо отметить, что такие понятия, как речевая агрессия, манипуляция, пропаганда, суггестия, агрессивная ложь, идут бок о бок, все они представляют технологии воздействия на общественное мнение, сознание и часто используются в совокупности друг с другом. Для манипулятора важно не просто донести информацию до реципиента, а добиться «добровольного» принятия идеи последними. Цель одна – не дать усомниться адресату в достоверности донесенного сообщения.

По словам Т.А. ван Дейка, манипуляция является не только составным элементом власти, она особым образом предполагает злоупотребление властью, вершиной которого является доминирование. Под манипуляцией ученый понимает использование нелегитимного воздействия с помощью механизмов дискурса: манипулирующие заставляют других делать то, что соответствует интересам манипулирующего и противоречит интересам манипулируемых [7, с. 255].

Определяющим фактором в политической коммуникации и, следовательно, интенциональной основой языкового манипулирования является некритическое восприятие информации адресатом, а также власть и доминирование. В литературе выделяются следующие основные особенности языкового манипулирования: скрытость и тайный характер намерений, использование адресата как средства достижения целей адресанта, психологическое воздействие на сознание с целью формирования тех или иных убеждений, разрушающий личностный деструктивный эффект воздействия, навязывание собственных культурных ценностей и духовно-ценностных ориентаций. Для достижения наибольшего успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Иными словами, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться. Иными словами, манипуляция носит монологичный, императивный и авторитарный характер. При таком способе распространения информации когнитивные образы, внедренные коммуникатором, преобладают над независимым восприятием и оценением адресатом происходящего, что в будущем влияет и на его действия.

Воздействие на аудиторию имеет свою специфику: чем обширнее аудитория, на которую оказывается воздействие, тем универсальнее методы. Специализированность и точная нацеленность необходимы тогда, когда инициатор воздействия знает характерные особенности выбранного им слоя населения или группы людей. Чем уже предполагаемая группа людей, тем точнее должна быть подстройка. В том случае, когда по каким-либо обстоятельствам этого не происходит (дорого, нет времени), в ход идут универсальные побудители: гордость, стремление к удовольствию, комфорту, желание иметь семейный уют, продвижение по службе, известность, одним словом, доступные и понятные большинству людей ценности. Более продвинутые способы манипуляции предполагают предварительное изготовление мнений и желаний, закрепление их в массовом сознании с тем, чтобы можно было к ним потом адресоваться. По утверждению психолога Р. Чалдини, у людей превалирует стереотипное, автоматическое поведение. Срабатывает при определенных условиях так называемый «речемыслительный автоматизм» [8, с. 26], играющий роль спускового крючка. Когда человек начинает автоматически реагировать на ситуацию, манипулятор создает необходимые условия для срабатывания нужного стереотипного поведения манипулируемого, что приводит к ожидаемому манипулятором результа-

ту¹. Успешность манипуляции в большой степени зависит от широты арсенала используемых средств воздействия и гибкости и вариативности их использования. Данные утверждения в полной мере справедливы для нашего исследования, когда степень неадекватности восприятия информационного поля в политическом конфликте увеличивается, манипулирование расширяет иллюзорную субъективную реальность.

Интересна в этом плане теория К.Х. Каландарова. Автор рассматривает информацию как систему кодификации, где кодирование определяется как одновременный «акт придания формы и соблюдения формальностей»². Процесс кодификации информации он рассматривает как ее структурирование, изменение ее статуса, создание информационных схем. Кодификация устанавливает нормы в обществе, обеспечивает контроль над социумом, формализует сознание индивида, ориентирует его на строго определенные цели. Одним словом, кодификация связана с созданием упрощенной картины мира, с формированием «воображаемых миров», позволяющих верить в иллюзорное будущее, приукрашивать предлагаемые варианты социального развития, где поведение должно быть предсказуемо, программируемо и подконтрольно. По К.Х. Каландарову, в результате проведенной кодификации даже отрицательные, угрожающие новации, институты, нормы воспринимаются как нейтральные. Мир, как и сам человек, становится прогнозируемым, стабильным, «оформленным». Именно эта «оформленность», проведенная с помощью кодификации информации, и есть «насилие, проведенное в символических формах» [Там же]. «Оформленность» навязывает определенные правила, следование которым позволяет остаться в системе. Если правила игнорировать, то есть угроза выпасть из этой системы, стать «чужим», а по отношению к «чужому» возможно любое насилие, которое недопустимо к «своему». Процесс и результат кодирования с одобрения большинства становятся законными и священными. Отступление от них порождает различные виды насилия. Символизация любого явления связана с созданием системы иллюзий, претендующих на статус реальности, но связанных лишь с ее конструированием [9, с. 98].

Таким образом, можно заключить, что основной целью коммуникации в настоящее время стало формирование не знания, а мнения, отношения, оценки. Процесс коммуникативного манипулирования и управления общественным мнением, где информация активно используется как инструмент борьбы за власть, постоянно усложняется и становится все более технологичным. Речевая агрессия принимает новый облик, выливаясь в форму ложной информации. Агрессивная ложь в медийной коммуникации рассматривается нами как сообщение, прямо противоположное реальному положению дел, целенаправленно искажающее описываемую действительность, маскирующее функцию манипуля-

¹ Чалдини, Р. Психология влияния [Электронный ресурс] / Р. Чалдини. – URL: <http://www.rulit.me/books/psihologiya-vliyaniya-read-4809-1.html> (дата обращения 09.10.25).

² Бурдьё, П. За ангажированное знание [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.htm>. (дата обращения 07.10.25).

ции сознанием реципиента. Информация подобного рода, создаваемая и распространяемая с целью дискредитации «чужих» и оправдания и защиты «своих» обеспечивает влияние и контроль над обществом и ориентирует его на строго определенные цели.

Список источников

1. Иванова С.В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 29–33.
2. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society / M. Castells. – Oxford University Press, 2002. – 348 p.
3. Идаятов А.К. Медиакратия и ее роль в урегулировании политических конфликтов (на примере российско-грузинского конфликта 2008 г.) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Идаятов А.К. – М., 2014. – 192 с.
4. Чанышева З.З. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе / З.З. Чанышева, Р.Р. Хазиева // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, – № 3. – С. 974-980.
5. Хазиева Р.Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности. На материале англоязычных конфликтогенных текстов : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хазиева Р.Р. – Уфа, 2018. – 198 с.
6. Хазиева Р.Р. Дискурсивные практики речевого воздействия в англоязычных масс медиа / Р.Р. Хазиева, Э.М. Ризяпова // Правовые основы политической и социально-экономической интеграции Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь : Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 26–27 июня 2023 года. – Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. – С. 159-169. – DOI 10.46320/2073-4506-2023-15a-1-159-169.
33. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
8. Руженцева Н.Б. Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 26–34.
9. Каландаров К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов / К.Х. Каландаров. – М. : Гуманитарн. центр «Монолит», 1998. – 80 с.

© Хазиева Р.Р., Ризяпова Э.М., 2025

Yusupova Rozaliya Rimovna

Associate Professor of the Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Candidate of Philology, Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, rozaliya-yusupova@yandex.ru

Teplykh Regina Rimovna

Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Bashkir State Medical
University, Ufa, Russia, reginateplykh@yandex.ru

**UZBEKISTAN'S ROLE IN THE GEOPOLITICAL LANDSCAPE
OF CENTRAL ASIA**

Abstract. Uzbekistan has emerged as a pivotal force in promoting political stability and economic integration in Central Asia. Under President Shavkat Mirziyoyev, the country has undergone significant domestic reforms and adopted an open, cooperative foreign policy focused on regional connectivity and development. This transformation coincides with a broader resurgence of Central Asian integration since 2017, following earlier periods of limited collaboration and stagnation. Uzbekistan's initiatives – such as easing visa regimes, resolving border disputes, and advancing major infrastructure projects like the Trans-Afghan and China – Kyrgyzstan – Uzbekistan railways – have strengthened regional ties and economic interdependence. Despite these advances, challenges remain, including divergent national identities, geopolitical competition from external powers, and resource-related tensions. As the region's most populous state, Uzbekistan's leadership and sustained commitment to inclusive cooperation are essential for achieving long-term regional stability, economic growth, and the successful realization of Central Asia's integration potential.

Keywords: Uzbekistan, diplomacy, foreign policy, Central Asia, security

Юсупова Розалия Римовна

Доцент кафедры международного и интеграционного права
Института права Уфимского университета науки и технологий,
кандидат филологических наук, Уфа, Россия,
rozaliya-yusupova@yandex.ru

Теплых Регина Римовна

Доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного
медицинского университета, кандидат филологических наук,
Уфа, Россия, reginateplykh@yandex.ru

РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Узбекистан превратился в ключевую силу в продвижении политической стабильности и экономической интеграции в Центральной Азии. При президенте Шавкате Мирзиёеве в стране были проведены значительные внутренние реформы и принята открытая внешняя политика сотрудничества, направленная на региональное взаимодействие и развитие. Эта трансформация совпадает с более широким возрождением центральноазиатской интеграции с 2017 года, после предыдущих периодов ограниченного сотрудничества и застоя. Инициативы Узбекистана, такие как облегчение визового режима, разрешение пограничных споров и продвижение крупных инфраструктурных проектов, таких как Трансафганская железная дорога и железные дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан, укрепили региональные связи и экономическую взаимозависимость. Несмотря на эти достижения, проблемы остаются, включая различия в национальной идентичности, геополитическую конкуренцию со стороны внешних держав и напряженность, связанную с ресурсами. Лидерство Узбекистана как самого густонаселенного государства региона и его неизменная приверженность инклюзивному сотрудничеству необходимы для достижения долгосрочной региональной стабильности, экономического роста и успешной реализации интеграционного потенциала Центральной Азии.

Ключевые слова: Узбекистан, дипломатия, внешняя политика, Центральная Азия, безопасность

Central Asia's abundant natural resources and strategic location make it a key player in shaping the international political and economic landscape. Yet, the topic of regional integration has long sparked debate among policymakers and scholars. Since independence, the integration process of Central Asian states can be divided into three main phases.

The first phase (1990–2005) saw the emergence of regional cooperation among newly sovereign states, marked by the creation of the Central Asian Union, later transformed into the Central Asian Cooperation Organization (CACO).

The second phase (2005–2016) was one of stagnation, as the CACO merged into the Eurasian Economic Union (EAEU), dominated by Russia, which diluted independent regional initiatives.

The third and current phase (2017–present) has brought renewed momentum for regional cooperation. Annual consultative meetings among Central Asian leaders now address common challenges and strengthen collaboration, with Uzbekistan taking a leading role [2].

Uzbekistan, with its rich history and strategic location, plays a pivotal role in Central Asia. Under President Shavkat Mirziyoyev, the country is undergoing major transformation marked by active foreign policy, regional engagement, and economic integration—laying the foundation for a stable and prosperous future.

Since assuming office in 2016, President Mirziyoyev has launched ambitious reforms aimed at building a New Uzbekistan based on democracy, human rights, and market principles. Key domestic changes include adopting a new Constitution, enhancing religious freedom, criminalizing domestic violence, and strengthening private property rights. These initiatives have deepened ties with major partners such as China, the United States, and Russia.

Uzbekistan's foreign policy prioritizes strengthening relations with neighboring states. Agreements on alliance relations and border demarcation have solidified ties with Kazakhstan, while relations with Turkmenistan and Tajikistan have advanced through strategic partnerships and joint energy projects. Water resource management remains a crucial regional issue, with Uzbekistan initiating plans for a new canal in the Amudarya basin.

The country is an active participant in the SCO, the Organization of Turkic States, and other international platforms, promoting dialogue and cooperation on water, energy, and regional integration.

Uzbekistan's growing diplomatic activity further enhances its international standing. President Mirziyoyev has urged coordinated global efforts to stabilize Afghanistan and simplified visa procedures to boost regional cooperation and cultural exchange. Collaboration with international institutions such as the IMF, World Bank, ADB, EBRD, and AIIB continues to strengthen [1].

Promoting interregional connectivity remains a top priority. Landmark events like the 2021 Tashkent Conference "Central and South Asia: Regional Connectivity" and the 2022 Samarkand EU – Central Asia Connectivity Forum reflect Uzbekistan's leadership in fostering dialogue and partnership.

Uzbekistan is also at the forefront of major regional transport projects, including the \$6 billion Trans-Afghan Railway, set for completion by 2027, linking Central and South Asia, and the long-discussed China – Kyrgyzstan – Uzbekistan (CKU) railway, revived by a 2021 joint feasibility study. Both projects promise to enhance trade, connectivity, and economic integration across the region. Altogether, Uzbekistan has presented over 80 initiatives to enhance regional security, economic cooperation, and sustainable development – solidifying its reputation as a dynamic and constructive regional leader. By focusing on economic modernization, infrastructure, human capital, and security, Uzbekistan continues to strengthen its role as a stable and influential partner in Central Asia and beyond.

Progress in border demarcation further underscores Uzbekistan's commitment to stability. Agreements with Tajikistan and Kyrgyzstan have resolved long-standing disputes, while Uzbekistan has also played a mediating role, notably during the Tajik–Kyrgyz border crisis in 2021. These achievements position Uzbekistan as a constructive regional leader committed to cooperation and security [3].

At the start of 2024, Uzbekistan's economy continues to show steady growth, with GDP expected to rise by 5.5–5.6 %. This aligns with the national goal of raising per capita GDP to \$4,000 by 2030, supported by expansion in services, industry, construction, and agriculture. Fiscal reforms have maintained macroeconomic stability, while growing capital investment and foreign inflows demonstrate investor confidence.

In a milestone move, Uzbekistan issued \$1 billion in international sovereign bonds for green financing—underscoring its commitment to environmental sustainability and energy-efficient technologies.

However, challenges remain. First, the sustainability of Uzbekistan's open diplomacy may be tested by internal and external pressures, including the COVID-19 pandemic and potential conflicts over water resources. Second, the lack of a shared regional identity continues to hinder deeper integration. Cultural, linguistic, and political differences—such as Kazakhstan and Kyrgyzstan's orientation toward the EAEU versus Uzbekistan and Turkmenistan's Asian and Islamic focus—create obstacles to mutual trust and long-term unity. Third, external actors complicate the process. Organizations such as the SCO and EAEU, driven by Chinese and Russian interests, often prioritize great-power agendas over regional needs, potentially limiting the autonomy of Central Asian states.

As the most populous and centrally located country in the region, Uzbekistan is uniquely positioned to drive integration. Building mutual trust, investing in cross-border infrastructure, and addressing economic disparities are essential for lasting cooperation. Only through inclusive and sustained engagement can Central Asia fully harness its potential for shared growth, security, and prosperity.

References

1. Khidirov A. Uzbekistan's Role in the Central Asian Region: Political and Economic Aspects // Embassy of Uzbekistan. URL: <https://www.uzbekembassy.in/uzbekistans-role-in-the-central-asian-region-political-and-economic-aspects/> (accessed: 15.10.2025).
2. Tanbaev O. How Uzbekistan Promotes Regional Integration in Central Asia // thediplomat.com. URL: <https://thediplomat.com/2023/09/how-uzbekistan-promotes-regional-integration-in-central-asia/> (accessed: 15.10.2025).
3. Toshbekov Bobur. (2022). Strong Relations Uzbekistan Plays an Important Role in Central Asia (US perspective). *International Journal of Law and Society (IJLS)*. 1. 144–151.

Ковалев Михаил Вадимович

старший преподаватель кафедры международного и
интеграционного права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОДНОСТОРОННИХ МЕР ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ США

В соответствии со ст. 41¹ Устава организации объединенных наций Совет Безопасности ООН уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

В преамбуле Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, принятой резолюцией 2625 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года сказано, что первостепенное значение Устава Организации Объединенных Наций для установления правовых норм в отношениях между государствами, *считая*, что добросовестное соблюдение принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, и добросовестное выполнение в соответствии с Уставом обязательств, взятых государствами, имеют важнейшее значение для поддержания международного мира и безопасности, для достижения других целей Организации Объединенных Наций. Также в декларации указано, что ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ².

Доктрина международного права исходит из того, что Устав ООН и, принятые в его развитии декларации и заключенные международные соглашения,

¹ Устав Организации Объединенных Наций: принят 26.06.1945. [Электронный ресурс] // Государственная система правовой информации официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102054703&backlink=1&&nd=102010084> (дата обращения: 25.09.2025).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами: принята 24.10.1970 [Электронный ресурс] // электронный/Официальный сайт организации объединенных наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

исходили из консолидации международного сообщества при применении мер принудительного характера.

Несмотря на отсутствие определения в нормативных документах меры принудительного характера обозначаются санкциями.

С 1966 года Совет безопасности ООН ввел 31 режим санкций, которые носят комплексный экономический и торговый характер, так и более точечные меры, таких как эмбарго на поставки оружия, запреты на поездки, финансовые ограничения и ограничения на торговлю сырьевыми товарами.

В настоящее время действует 14 режимов санкций, направленных на поддержку политического урегулирования конфликтов, ядерного нераспространения и борьбы с терроризмом. Каждый режим санкций осуществляется под руководством определенного комитета по санкциям, возглавляемого одним из непостоянных членов Совета Безопасности. В поддержку 10 из 14 комитетов по санкциям действуют 9 разнообразных групп по наблюдению.

Тем не менее, как до принятия Декларации о принципах международного права, так и после отдельные правительства государств обращались к механизму односторонних санкций.

Так, в качестве примера можно назвать «бойкот» покупки Иранской нефти со стороны Великобритании после национализации англо-иранской нефтяной компании в 1951 году.

6 июля 1960 года Президентом США издан указ о сокращении импорта кубинского сахара в США [1, с. 40].

Санкции, введенные администрацией Д. Эйзенхауэра, как таковыми принудительными мерами не являются, также как и текущая тарифная Политика администрации Дональда Трампа.

В соответствии разделом 8 ст. 1 Конституции США Конгресс имеет право: облагать налогами, пошлинами и акцизом и производить их сбор для уплаты долгов и установления мер для защиты и к сохранению общего благополучия Соединенных Штатов; причем все такие пошлины, налоги и акцизы должны быть равномерны по всем Соединенным Штатам.

В конце 50-х, начале 60-х годов XX века в экономике США начался очередной спад, потребовавший принятия срочных мер. Как и в случае с периодом «нового курса» потребовалось изменение законодательства, позволяющего исполнительной власти оперативно реагировать на экономическую политику.

Период «нового курса» закрепил доктрину подразумеваемых полномочий президента США, которая более многократно была использована для президентского нормотворчества.

11 октября 1962 года, после противостояния сторонников политики протекционизма и либеральной торговой политики. Президентом США был подписан, принятый конгрессом США Закон о расширении торговли¹.

Согласно закону, президенту были предоставлены полномочия на 5 лет вступать по своей инициативе в торговые соглашения с иностранными государствами и их органами. Закон определял полномочия президента по снижению пошлин (не больше чем на 50% от уровня пошлины на 1 июля 1962 г.) и технику предоставления тарифных скидок, либо следуя принципу «товар за товар», либо используя метод «линейного» снижения тарифов по товарным группам. Президент также получил право снизить или отменить пошлину на любой товар, если эта пошлина составляла на 1 июля 1962 г. 5% или менее стоимости товара.

Указанный законодательный «прецедент» положил основу принятия законов, позволяющих президенту самостоятельно регулировать торговую и тарифную политику по отношению к другим странам.

Так был принят Закон о торговле 1974 года позволяющий президенту повышать пошлины на импорт товаров из стран, нарушающих международные торговые соглашения.

В тоже время, реализуя полномочия, основанные на указанных законах, нельзя полноценно назвать санкционными. Само по себе ограничение, квотирование или тарифное регулирование, позволяет осуществлять внешнеторговую деятельность.

Совершенно другое ракурс носит парламентский запрет осуществления на вступление в какие-либо правоотношения.

Изменение в Кодекс законов США, часть 1, подраздел IV, глава 12, раздел 19, статья 2432 принятая Конгрессом США в 1974 году предусматривающая, что страны, которые лишают своих граждан прав или возможностей эмигрировать, взимают больший, чем номинальный налог на эмиграцию, устанавливают усложненный административный порядок эмиграции, не могут получать в США режим наиболее благоприятствуемой нации. Это означало, что ввозимые из таких стран товары в США облагались высокими таможенными пошлинами и могли подпадать под дискриминационные ограничения импорта и экспорта.

Указанное изменение, получившее название «поправка Джексона-Вэника», одна из ключевых санкционных мер против СССР, ведена из-за ограничений на эмиграцию из СССР, но действовала и в отношении других стран - КНР, Вьетнама, Албании.

¹ Закон о содействии общему благосостоянию, внешней политике и безопасности Соединенных Штатов посредством международных торговых соглашений и посредством помощи в адаптации отечественной промышленности, сельского хозяйства и труда, а также для других целей принят 11.10.1962 [Электронный ресурс] // Конгресс США: сайт. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/87/hr11970/text> (дата обращения: 25.09.2025)

Сложный механизм изменения законодательства США, как правило зависит не только от текущей внутривластной и внешнеэкономической ситуации, но и от позиции Президента США. Во многом избирательная система США ставит в зависимость принятие значимых законов и поправок, так как целесообразность принятия любимого нормативного акта носит экономическую и политическую основу.

Как уже сказано выше конституционные основы США отводят конгрессу США налоговое и тарифное регулирование.

Статья I, раздел 1 Конституции США 1787 года гласит: «Все законодательные полномочия, настоящим установленные, принадлежат Конгрессу Соединённых Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей. Сенат состоит из 100 членов, работающих шестилетний срок. Каждый штат имеет двух сенаторов, независимо от населения. Так реализуется принцип независимости штатов. Раз в два года одна треть Сената переизбирается в порядке ротации. Ротация построена таким образом, чтобы в течение любого шестилетнего цикла сенаторы от каждого штата переизбирались дважды: по разу на каждую из двух позиций от штата.

Палата представителей насчитывает 435 участвующих в голосовании членов и 6 не участвующих, каждый из которых представляет свой избирательный округ и переизбирается раз в два года. Места в палате представителей распределяются среди штатов на основе численности населения. Данным порядком выборов в США реализуется принцип народовластия [2, с. 62].

Помимо защиты интересов штатов, сложный порядок избрания Конгресса является важным элементом в «системе сдержек и противовесов» не позволяющим одной из партий получить решающее длительное преимущество в парламенте.

Также стоит отметить, что несмотря на партийную принадлежность, голосование по отдельным вопросам не всегда является консолидированным.

Таким образом, принятие решения конгрессом США носит длительный и многоступенчатый характер, в связи с чем на разных этапах законодательскую роль пыталась на себя взять исполнительная власть.

Подразумеваемые полномочия Президента США стали основой для появления так называемого, «делегированного законодательства». При этом многие ученые высказывают мнение о том, что делегированное законодательство – это явление, нарушающее баланс в разделении властей [3, с. 262].

Доктрина подразумеваемых полномочий принадлежала А. Гамильтону, который отстаивал систему сильного федерального государства, в рамках которого оно могло вводить новые налоги с целью обеспечения общего благосостояния [4, с. 106].

В 2025 году тарифное регулирование стало одной из главных внешнеполитических мер, принятых Д. Трампом. Не скрывая политический характер указанных мер, руководствуясь Законом о чрезвычайных положениях 1976 года и Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года, мотивируя угрозой национальной безопасности Д. Трамп объявил несколько чрезвычайных ситуаций и ввел пошлины и тарифы на товары в отношении

большинства экономических партнеров США издав соответствующие исполнительные указы.

29 августа 2025 апелляционным судом США была отклонена апелляция Д. Трампа на решение международного торгового суда США от 29.05.2025 года, которым исполнительные указы по установлению торговых пошлины был отменены.

Главным образом апелляционный суд не усмотрел каким образом импорт товаров влияет на национальную безопасность США, проанализировав именно существо отношений.

То есть с одной стороны, судом не поддержаны инициативы Исполнительный власти, с другой однозначной неправомерности таковых мер не установлено, рассмотрены лишь конкретные причины необоснованности их введения.

В любом случае, решающее слово в конституционном контроле останется за Верховным судом США, решение которого по данному вопросу ожидается в ближайшее время.

В любом случае, подобный шаг со стороны Д. Трампа является очередной попыткой не только нивелировать нормы международного права, регулирующие экономические отношений между государствами, но и ограничить парламентские полномочия по ведению международных отношений.

Список источников

1. Гриневич Э. А., Гвоздарёв. Б. И. Вашингтон против Гаваны: кубинская революция и империализм США // «Международные отношения». – 1982. – С. 40-42.
2. Бернам У. Правовая Система США / У. Бернам. – 3-й выпуск. – Москва: «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.
3. Теория государства и права / под. ред. М.Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. доп. – Москва: Проспект, 2009. – 715 с.
4. Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика / Травкина Н.М. – Москва: Наука, 2008. – 275 с.

© Ковалев М.В., 2025

Ишмухаметов Самат Рустемович

Ассистент кафедры международного и интеграционного права
Института права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия, samatjke@gmail.com

**ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К
БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ
ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(1990-е – НАЧАЛО 2000-х гг.)**

Аннотация. В статье исследуется эволюция международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом в 1990–2000 гг. и их влияние на формирование правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия терроризму. На основе анализа универсальных и региональных международных актов, а также ключевых стратегических и отраслевых актов российского законодательства обосновывается существование особой «антитеррористической правовой политики переходного типа», сочетающей имплементацию универсальных стандартов с приоритетом задач защиты суверенитета и территориальной целостности государства. Формулируются выводы о стадийности эволюции международно-правовых подходов и о преемственности современной российской правовой политики в данной сфере с практикой 1990-х гг.

Ключевые слова: международный терроризм; международное право; правовая политика; Российская Федерация; антитеррористическое законодательство; национальная безопасность

Ishmukhametov Samat Rustemovich,

Teaching Assistant, Chair of International and Integration Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, samatjke@gmail.com

**THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL LEGAL APPROACHES
TO COMBATING TERRORISM AND THEIR IMPACT ON THE
LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
(1990s – early 2000s)**

Abstract. The article examines the evolution of international legal approaches to combating terrorism in 1990–2000 and their impact on the formation of the legal policy of the Russian Federation in the field of countering terrorism. Based on an analysis of universal and regional international instruments, as well as key strategic and sectoral acts of Russian legislation, the existence of a specific «transitional-type anti-terrorism legal policy» is substantiated, which combines the implementation of universal standards with the priority of protecting the state's sovereignty and territorial integrity. Conclusions are drawn regarding the staged character of the evolution

of international legal approaches and the continuity between contemporary Russian legal policy in this sphere and the practice of the 1990s.

Key words: international terrorism; international law; legal policy; Russian Federation; anti-terrorism legislation; national security

Конец XX столетия ознаменовался качественным усложнением системы международной безопасности. Распад биполярной системы, локальные вооруженные конфликты, усиление транснациональной организованной преступности сопровождалось ростом террористической активности, в том числе приобретающей ярко выраженный международный характер. Для Российской Федерации, вступившей в 1990-е годы в период глубокой трансформации, проблема международного терроризма носила не абстрактный, а практический, государственно-правовой характер, непосредственно затрагивая основы конституционного строя, территориальную целостность и безопасность граждан.

Категория «правовая политика» к настоящему времени получила достаточно разработанное теоретическое содержание в отечественной юридической доктрине. С.С. Алексеев, одним из первых системно поставивший вопрос о правовой политике в России, определял ее как целенаправленную, научно обоснованную деятельность государства по формированию и реализации такой системы права и законодательства, которая отвечает стратегическим интересам общества и государства [8, с. 5–10]. Впоследствии данная категория получила развитие в работах, посвящённых правовой политике в сфере безопасности и государственной безопасности [9, с. 49–52; 10, с. 9–13], где акцентируется ее программно-стратегический характер и связь с обеспечением жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В диссертационном исследовании Д.В. Ирошникова правовая политика в сфере государственной безопасности рассматривается как последовательная деятельность государства по формированию и реализации комплекса правовых средств, направленных на защиту основ конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и иных объектов безопасности [10, с. 9–13]. На этой основе представляется оправданным выделение в структуре правовой политики Российской Федерации самостоятельного направления – правовой политики в сфере противодействия терроризму, интегрирующей нормативно-правовые, институциональные и правоприменительные меры, направленные на предотвращение, выявление, пресечение и минимизацию последствий террористической деятельности.

В рамках настоящего исследования правовая политика в сфере противодействия терроризму понимается как осуществляемая государством целостная система стратегических ориентиров, принципов, правовых средств и организационных механизмов, обеспечивающих реализацию национальных интересов и целей безопасности Российской Федерации посредством права в условиях угрозы международного и национального терроризма. Такой подход позволяет соотнести конкретные законодательные и правоприменительные решения с более широкими международно-правовыми тенденциями, что принципиально важно

для анализа 1990-х гг., когда происходила активная имплементация универсальных норм в российскую правовую систему.

К началу 1990-х гг. международное сообщество уже располагало развитым массивом отраслевых (так называемых «секторальных») конвенций по борьбе с отдельными проявлениями терроризма – прежде всего, по обеспечению безопасности гражданской авиации¹, защите дипломатических агентов², борьбе с захватом заложников³ и др. [1, с. 80–95; 2, с. 120–128; 3, с. 215–220]. Однако указанные акты формировались в условиях биполярной системы и в ряде случаев допускали идеологизированное противопоставление «терроризма» и «борьбы национально-освободительных движений», что объективно ограничивало эффективность международно-правовых механизмов.

Рубеж 1980–1990-х гг. характеризуется сменой парадигмы: международный терроризм закрепляется как универсальная угроза миру и безопасности, не допускающая каких-либо оправданий. Важной вехой стала Декларация ООН о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г.⁴, закрепившая общий подход к терроризму как к преступному феномену, противоречащему целям и принципам ООН. В дальнейшем этот подход получил развитие в рамках выработки универсальных договоров, направленных на формирование единого комплекса обязательств государств по криминализации террористической деятельности, установлению юрисдикции, сотрудничеству в сфере выдачи и взаимной правовой помощи [4, с. 248–252; 5, с. 185–187; 6, с. 50–52; 7, с. 109–111].

¹ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14 сентября 1963 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_aboard.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hijack.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/air_sabotage.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

² Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14 декабря 1973 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protected.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

³ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostage.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

⁴ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 09.12.1994 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным выделить три этапа эволюции универсальных международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом в 1990-е годы.

Первый этап (условно 1990–1994 гг.) может быть охарактеризован как адаптационно-универсалистский. Он связан с осмыслением международным сообществом нового характера угроз после окончания «холодной войны» и с переориентацией существующих механизмов ООН на решение задач коллективной безопасности в постбиполярном мире. В этот период усиливается акцент на необходимости безусловного осуждения любых актов терроризма независимо от их мотивов, что отражается в резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН [4, с. 248–252; 6, с. 50–52]. Для Российской Федерации данный этап связан с закреплением правопреемства СССР по международным договорам и с активизацией участия в деятельности договорных органов и специализированных учреждений ООН.

Второй этап (1994–1997 гг.) – конвенционно-концептуальный. Его ключевым содержанием становится выработка новых универсальных договоров, призванных устранить пробелы в существующем конвенционном режиме. Центральное значение имеет Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.¹, разрабатывавшаяся при активном участии России [4, с. 252–255; 5, с. 186–187]. Конвенция закрепила обязанность государств-участников криминализировать совершение взрывов или иных воздействий с использованием взрывчатых или иных смертоносных устройств в общественных местах, на транспортных объектах и т.п., а также установить соответствующую юрисдикцию и обеспечивать принцип «выдать или судить». Уже на этом этапе в международно-правовых актах отчетливо прослеживается тенденция к комплексному подходу, связывающему борьбу с терроризмом с задачами противодействия транснациональной организованной преступности и незаконному обороту оружия [2, с. 120–128; 5, с. 187–189; 7, с. 110–111].

Третий этап (1997–2000 гг.) – имплементационно-политический. Его отличительной особенностью является не только дальнейшее развитие договорной базы, прежде всего принятие Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.², закрепившей обязанность государств криминализировать финансирование террористических актов и применять широкий спектр мер по блокированию и конфискации соответствующих средств, но и усиление внимания к вопросам имплементации принятых обязательств во внутренние правовые системы государств, а также к увязке антитеррористиче-

¹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-11&chapter=18 (дата обращения: 20.09.2025).

ских мер с общими стратегиями национальной и международной безопасности. В этот период в доктринальных и политико-правовых документах подчеркивается недопустимость использования территории государств для подготовки и осуществления террористических актов, акцентируется право государств принимать необходимые меры по защите своей безопасности в рамках международного права [4, с. 252–255; 6, с. 50–52; 7, с. 111–112].

А.С. Лебедев справедливо указывает на возрастающую роль ООН как координационного центра международной антитеррористической деятельности, подчеркивая, что именно в 1990-е годы была заложена основа системного подхода, позволившего в дальнейшем сформировать Глобальную контртеррористическую стратегию ООН [6, с. 52–54]. Российские исследователи отмечают, что указанные тенденции создали международно-правовую основу для активизации участия России в коллективных усилиях по борьбе с терроризмом, сохранив при этом принципиальное значение суверенного права государства самостоятельно определять формы реализации соответствующих обязательств во внутреннем праве [2, с. 120–128; 5, с. 188–190; 7, с. 111–112].

Наряду с универсальными механизмами, существенное значение для эволюции международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом в 1990-е годы имели региональные системы. Для Российской Федерации особый интерес представляют режим Совета Европы и ОБСЕ, а также формирующиеся в указанный период антитеррористические механизмы в рамках СНГ.

В европейском региональном измерении ключевым международным договором остается Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г.¹, предусматривающая отказ от признания террористических преступлений политическими и, как следствие, ограничение оснований для отказа в выдаче. В 1990-е годы государства – участники Совета Европы уделяли повышенное внимание вопросам совершенствования указанного режима, о чем свидетельствует разработка протоколов к Конвенции и активное участие Европейского суда по правам человека в формировании стандартов допустимости ограничений в целях обеспечения безопасности [1, с. 200–210; 3, с. 220–225]. Для России, вступившей в Совет Европы в 1996 г., это означало необходимость учета европейских подходов при реформировании национального законодательства и правоприменительной практики.

Особое место занимает региональное сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств. Принятая в 1999 г. Конвенция СНГ о борьбе с терроризмом² заложила правовую основу для координации усилий государств – участников по предотвращению, выявлению и пресечению террористических

¹ Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.) [Электронный ресурс] // Совет Европы. Серия европейских договоров. № 90. URL: <https://rm.coe.int/168007733b> (дата обращения: 20.09.2025).

² Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом, подписан в Минске 04.06.1999 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757918> (дата обращения: 20.09.2025).

преступлений, обмену информацией, проведению совместных операций и выдаче лиц, причастных к террористической деятельности. Важно подчеркнуть, что Конвенция, с одной стороны, опиралась на универсальные стандарты ООН, а с другой – учитывала специфические угрозы государствам постсоветского пространства, ориентируясь на защиту их суверенитета и территориальной целостности [2, с. 120–128; 5, с. 188–190; 7, с. 111–112].

Правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия терроризму в исследуемый период развивалась в условиях одновременного формирования новой конституционной модели государственности и необходимости реагировать на реальные террористические угрозы. Уже в первой половине 1990-х гг. Россия столкнулась с резким ростом террористических проявлений, в том числе связанных с вооруженным конфликтом на Северном Кавказе. Это объективно обусловило усиленное внимание государства к выработке нормативно-правовых и организационных основ борьбы с терроризмом.

В развитии российской правовой политики в рассматриваемой сфере в 1990–2000 гг. представляется возможным выделить три взаимосвязанных этапа, корреспондирующих предложенной выше периодизации эволюции международно-правовых подходов.

Первый этап (1992–1995 гг.) характеризуется преимущественно адаптацией советского законодательного наследия к новым конституционно-правовым реалиям и международным обязательствам Российской Федерации. В этот период формируются базовые институциональные предпосылки антитеррористической деятельности, уточняется компетенция органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности, ведется работа по приведению уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами. Важным шагом стало принятие нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.¹, в котором закреплена статья, устанавливающая ответственность за терроризм, с учетом положений соответствующих международных конвенций.

Второй этап (1995–1998 гг.) можно охарактеризовать как конвенционно-имплементационный. На этом этапе международно-правовые обязательства Российской Федерации по борьбе с терроризмом начинают системно отражаться в отраслевом законодательстве и стратегических документах. Ключевое значение имеет утверждение Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г., в которой международный терроризм прямо назван одной из основных угроз национальной безопасности. Концепция закрепила стратегическую установку на активное участие России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом при безусловном приоритете защиты государственного суверенитета и территориальной целостности.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2025).

Особое место занимает принятие Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»¹. Указанный закон стал первым системным актом, определившим правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации. Закон закрепил понятия «терроризм», «террористическая деятельность», «террористическая организация», установил компетенцию органов государственной власти в сфере противодействия терроризму, регламентировал проведение контртеррористических операций, меры по обеспечению социальной реабилитации лиц, пострадавших от террористических актов, и правовые гарантии лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. По своему содержанию данный акт во многом отражал положения универсальных конвенций, прежде всего в части криминализации террористической деятельности, установления юрисдикции, международного сотрудничества и принципа «выдать или судить», адаптируя их к российской правовой системе [2, с. 130–135; 5, с. 186–189; 7, с. 110–111; 11, с. 103–105].

Третий этап (1998–2000 гг.) – стратегико-политический – связан с закреплением антитеррористической проблематики в ключевых внешнеполитических и оборонных документах Российской Федерации и с началом системного осмысления правовой политики в сфере противодействия терроризму как составной части правовой политики в сфере государственной безопасности. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г.² прямо провозгласила борьбу с международным терроризмом одним из приоритетных направлений внешней политики России, определив задачи участия государства в формировании международно-правовых механизмов борьбы с терроризмом, укрепления центральной роли ООН и развития сотрудничества с партнерами по СНГ и другими государствами.

В этот же период в научной литературе и практике вырабатывается подход, согласно которому правовая политика в сфере противодействия терроризму рассматривается как часть более широкой правовой политики в сфере обеспечения государственной и национальной безопасности [9, с. 49–55; 10, с. 9–13; 13, с. 129–136]. Соответственно, российская правовая политика в рассматриваемой сфере начинает строиться на следующих ключевых принципах: признание центральной координирующей роли ООН в борьбе с международным терроризмом при отстаивании равноправного участия России в выработке решений; приоритет обеспечения суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя Российской Федерации при выборе форм реализации международных обязательств; опора на комплексное использование уголовно-правовых, административно-правовых и организационно-правовых средств в

¹ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/12717> (дата обращения: 20.09.2025) (утратил силу).

² Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 28 июня 2000 г. № Пр-1210 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 20.09.2025) (утратил силу).

сочетании с мерами политического, дипломатического и иного характера; недопустимость политизации проблемы терроризма и его оправдания под любыми предлогами [5, с. 185–190; 6, с. 46–54; 7, с. 109–112; 11, с. 103–105; 12, с. 324–329; 13, с. 129–136].

Сопоставление эволюции международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом и развития российской правовой политики в этой сфере позволяет выделить ряд устойчивых особенностей, которые в совокупности свидетельствуют о наличии в 1990–2000 гг. особого, переходного типа антитеррористической правовой политики Российской Федерации.

Во-первых, для указанного периода характерно сочетание интенсивной имплементации универсальных и региональных международно-правовых стандартов с поиском оптимального баланса между международными обязательствами и национальными интересами безопасности. Российское государство последовательно выстраивает курс на участие в универсальных конвенциях ООН и региональных механизмах, воспринимая их как правовую основу для укрепления собственного потенциала противодействия терроризму, а не как ограничение суверенитета [2, с. 120–128; 5, с. 188–190; 6, с. 52–54; 7, с. 109–112].

Во-вторых, в отличие от ряда западных государств, для российской правовой политики рассматриваемого периода характерен акцент на связке «терроризм – посягательство на основы конституционного строя и территориальную целостность». Это напрямую связано с реальными угрозами, с которыми столкнулась Россия в 1990-е годы, и обусловило закрепление в стратегических документах и законодательстве особого внимания к защите целостности государства и безопасности граждан. Такой подход органично вписывается в международно-правовые стандарты, признающие право государства на защиту своей территориальной целостности и политической независимости при условии соблюдения международных обязательств [4, с. 252–255; 6, с. 50–52; 7, с. 111–112].

В-третьих, российская правовая политика в сфере противодействия терроризму в 1990-е годы характеризуется постепенным переходом от преимущественно реактивных мер, направленных на уголовно-правовое преследование террористических проявлений, к более комплексному пониманию задач профилактики, минимизации последствий и социальной реабилитации. Уже Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» наряду с уголовно-правовыми и оперативно-розыскными мерами закрепляет положения о социальной защите и реабилитации пострадавших, что свидетельствует о стремлении государства обеспечивать не только карательный, но и защитный характер антитеррористической деятельности [2, с. 130–135; 11, с. 103–105].

Наконец, в-четвертых, системный анализ показывает, что именно в рассматриваемый период происходит институционализация правовой политики в сфере противодействия терроризму как самостоятельного направления государственной правовой политики. Это проявляется в закреплении соответствующих задач и принципов в стратегических документах (Концепция нацио-

нальной безопасности РФ 1997 г.¹, Концепция внешней политики РФ 2000 г.²), формировании специализированных координационных органов, а также в активизации научных исследований, прямо посвященных правовой политике в сфере безопасности и противодействия терроризму [9, с. 49–55; 10, с. 9–13; 11, с. 103–105; 12, с. 324–329; 13, с. 129–136].

Таким образом, предлагаемый автором термин «антитеррористическая правовая политика переходного типа» отражает специфику российской правовой политики в 1990–2000 гг.: с одной стороны – активное включение в международно-правовое антитеррористическое пространство, с другой – формирование собственных моделей правового и организационного ответа на угрозу терроризма, исходя из национальных интересов и особенностей внутренней ситуации.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, эволюция международно-правовых подходов к борьбе с терроризмом в 1990-е годы носила поэтапный характер и привела к формированию качественно нового уровня универсальных и региональных стандартов, основанных на безусловном осуждении терроризма, выработке единых критериев криминализации террористической деятельности и комплексном подходе к международному сотрудничеству.

Во-вторых, Российская Федерация в рассматриваемый период выступала активным участником процесса формирования международно-правового антитеррористического режима, последовательно исходя из признания центральной роли ООН и важности региональных механизмов (прежде всего в рамках СНГ), при одновременном отстаивании принципов государственного суверенитета и равноправия государств.

В-третьих, международно-правовые подходы к борьбе с терроризмом оказали непосредственное и существенное влияние на формирование правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия терроризму в 1990–2000 гг. Это влияние проявилось в содержании ключевых стратегических документов (Концепция национальной безопасности РФ 1997 г., Концепция внешней политики РФ 2000 г.), в принятии Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и в реформировании отраслевого законодательства.

В-четвертых, на основе сопоставительного анализа международно-правовых тенденций и внутреннего правового развития обосновано существование в 1990–2000 гг. особого типа антитеррористической правовой политики

¹ Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения: 20.09.2025) (утратил силу).

² Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 28 июня 2000 г. № Пр-1210 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 20.09.2025) (утратил силу).

Российской Федерации, который может быть определен как «правовая политика переходного типа». Ее отличительными чертами являются: опора на международно-правовые стандарты при приоритете задач защиты суверенитета и территориальной целостности государства; комплексный характер используемых правовых средств; постепенный переход от реактивной к более проактивной модели противодействия терроризму; институционализация соответствующего направления в системе государственной правовой политики.

В-пятых, выявленные закономерности позволяют сделать вывод о преемственности современной российской правовой политики в сфере противодействия терроризму по отношению к практикам 1990-х гг. В современных условиях усиливающихся вызовов и угроз международного терроризма и экстремизма сохранение упора на укрепление международно-правовых основ коллективной безопасности при последовательном обеспечении национальных интересов и безопасности Российской Федерации представляется объективно необходимым и отвечающим как требованиям международного права, так и стратегическим задачам российского государства.

Список источников

1. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. – М.: Проспект, 2017. – 336 с.
2. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: сб. документов / сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 480 с.
3. Устинов В.В. Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 594 с.
4. Хлестов О.Н. Международный терроризм: угроза, меры противодействия, вопрос о ликвидации терроризма // Российский ежегодник международного права. 1996–1997. – С. 248–257.
5. Ерохин Д.В. Международно-правовые основы противодействия терроризму // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 185–190.
6. Лебедев А.С. Роль ООН в борьбе с терроризмом // Обозреватель – Observer. – 2008. – № 5. – С. 46–54.
7. Васюкова И.Ф., Васильев А.М. Международно-правовые акты: их подход в борьбе с терроризмом // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 2-2 (104). – С. 109–112.
8. Алексеев С.С. Основы правовой политики в России: курс лекций. – Екатеринбург; М.: ДЕ-ЮРЕ, 1995. – 124 с.
9. Головня А.И. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности государства: современные подходы к пониманию феномена // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 29. – С. 49–55.
10. Ирошников Д.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 26 с.

11. Шхагапсоев З.Л., Аккаева Х.А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия терроризму // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 103–105.

12. Мешев И.Х. Правовая политика государства в сфере противодействия терроризму // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 324–329.

13. Гребенникова А.А., Командирова Т.Г., Масляков В.В. Правовые основы противодействия России международному терроризму // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 3. – С. 129–136.

© Ишмухаметов С.Р., 2025

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Материалы

*Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию ООН
(г. Уфа, 17 октября 2025 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 25.12.2025 г.

Заказ 394.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru